

СОСТЯЗАНИЕ

От наказания можно откупиться, если наказываемый чиновник. Но есть непрощаемые преступления. Не прощаются отцеубийство, составление ядов и чародейство, неуважение к родителям, убийство рабочим мастера, непрочное строение судов для государева путешествия и ошибка при вложении доклада в конверт.

В.Шкловский. Марко Поло

* * *

Господин Сандзё, старший советник и заместитель главы Податной палаты — дочери в Грозовые покои дворца

(седьмой месяц первого года нового царствования, первый день)

Надеюсь, твоя новая служба идёт успешно. Дома все здоровы, беспокоятся о тебе. Высокая честь! Помни: пока ты представляешь нашу семью при дворе Государыни-матери, от тебя зависят слава и позор твоего отца и всех родичей. Совсем иное дело, нежели сочинять небылицы для развлечения подружек!

Твоя матушка настоятельно просит напомнить тебе: следи за левой стороной третьего подола! Что бы это ни значило, прислушайся к её словам. Каждое утро проверяй все зубы — истрескавшийся лак отвратителен! Не отказывайся от угощений, как привереда, но блюди умеренность. Особенно по части браги! Заметь себе: девушке лучше играть веером, чем участвовать в беседах свыше её разумения. Однако после твоего отъезда, мать говорит, не нашли веера, на котором выписаны молитвы. Если он с тобою, спрячь подальше — до времени, пока не убедишься, что такие вещи у Государыни не будят неприятных

Отформатировано: слева: 5,08 см, справа: 5,08 см, сверху: 2,54 см, снизу: 2,54 см

Отформатировано: Отступ: влево 8,77 зн.

воспоминаний.

Предупреждаю о том, что ты можешь упустить. Первое: мне стало известно, что Государыня изволила привлечь к вашей затее жену среднего советника Наммы из Конопляного дома. Названная дама слывет особой, глубоко преданной своему супругу; последний же многие годы несёт службу в Полотняном приказе. Тебе надлежит помнить: в её присутствии никакие обсуждения семейных дел либо, тем более, служебных дел, чьих бы то ни было — недопустимы. Неосторожным словом ты, сама того не желая, можешь переломить судьбу достойных чиновников. Храни бдительность и беседуй исключительно о прекрасном. Второе: бери во всём за образец вдову прежнего наместника Рассветного края. Она женщина опытная, тебя же при первом промахе поднимут на смех, и исправить положение будет сложно. Побольше легкомыслия, присущего твоему возрасту и полу. И поменьше умничай. Третье: имею основания предполагать, что ко времени твоего возвращения из дворца после состязаний тебя будет ожидать приятная неожиданность. Пусть добрые ожидания побудят тебя с сугубым рвением исполнить твой долг.

* * *

Госпожа Хатидзё, урожденная Намма

Тоже ценность

(лето первого года нового царствования)

Удивительно, как по-разному все пользуются случаем. Вот хотя бы мой супруг. Прежний Государь отрёкся весной, принял постриг, лето прожил в пристольничной обители. К осени изволил собраться в горы: Отрадные, Медвежьи и ещё куда успеет до холодов. Монахов-спутников ему оказалось мало, нужен кто-то, привычный по дворцу. А может быть, просто важно иметь под рукою человека, тоже не слишком ловкого в горном странствии. Чтоб не

выглядеть последним из новичков... В общем, господина Хатидзё затребовали в свиту смиренного монаха.

Допустим: отказаться никак нельзя. Да и после весеннего похода хочется как-то оправдаться перед собою, неприятное впечатление перебить. Я же и не спорю. Но попрощаться-то можно было по-хорошему? Дом господина следователя Наммы сейчас, конечно, осквернён. Господин Хатидзё тем и воспользовался: перед дорогой повидаться не зашёл, отделался запиской. И скрылся в утренней дымке.

Обидно. Я-то живу у батюшки по веской причине, а не из-за того, что с мужем поругалась. Ссоры ведь и не было. Просто у батюшки с мачехой родилось-таки дитя, дочка. И как же тут обойтись без старшей сестры?

Я сперва не думала, что надолго там обоснуюсь. Но тут всё одно к одному. И сестрёнка, и муж со своими горами, и главное — за батюшку тревожно. Господин Намма в первый раз за восемь, кажется, лет очутился в долгом отпуске. На целый месяц. Не может появляться на службе, ведь во Дворец нельзя из дома, где недавно рожали: скверна. И взялся господин следователь за семейные дела...

Братец мой тоже случая не упустил. Поставил долг учёный превыше семейного и заранее перебрался к нашей с ним матушке. И к её нынешнему мужу, господину Гээнэ. Тот сказал, что проследит: чтобы отрок усердно готовился к выпускным испытаниям. И уже на второй день братец прислал тайное письмо. Просил, чтобы моя Рю потихоньку отнесла ему в ту усадьбу, во-первых, стрелы и лук, а во-вторых, записи приёмов для шашечной игры. Так-то они с господином Гээнэ упражняются в древней словесности.

Батюшка, конечно, подобным образом себя не повёл и в Приказ не переселился. До последнего, говорят, давал мачехе добрые советы и ценные указания. Пока его собственная кормилица, наконец, не выставила господина следователя с женской половины самыми решительными словами. Теперь в доме главная

опять она — не послушаться было нельзя. Но батюшка стал только больше маяться. А уж когда сестрица-таки спохватилась родиться... В общем, весь дом призвал меня на помощь: раз я — любимая дочь, пусть господин следовательно мне и изливается. Ну, не могла же я бросить семью в таком положении!

За усадьбой на Восьмой улице теперь есть кому присмотреть даже без меня и без мужа. Потому что после весеннего странствия старый Конопляный господин отказался от услуг своих соглядатаев — Селезня и Уточки. Хорошо хоть, не покарал, а просто выставил. А поскольку к их оплошности мы с господином Хатидзё не совсем непричастны, то и взяли их к себе на Восьмую. Вместе с детьми. Оказалось — не прогадали: эти двое, хоть и разбойники, но хозяйственны и почтительны. Когда супруг мой отправился в путь со своим государем, Селезень порывался последовать за ним тайно и оберегать от горных опасностей. Но после прошлого раза решено было: пусть лучше в усадьбе остаётся. А он уже преисполнился чувства долга, так что теперь страдает и ищет случая совершить подвиг. Даже приятно: раньше у семьи Хатидзё не было собственных верных сподвижников!

Барышня Намма, по общему свидетельству, с самого начала показала себя с лучшей стороны. А ведь и мачеха, и батюшка, да и все, так боялись: поздние роды — тяжкие роды, а госпоже Намме уже под тридцать! За дурными знаками все смотрели, но, кажется, обошлось. Родилась моя сестрёнка быстро-быстро — днём, в час Козы, и в день Козы, в год Белой Лошади, он же начальный год правления нового Государя. А как нынешние годы будут называться, во Дворце пока не решили. Это дело ответственное.

Легко сказать — отвлекай господина Намму! Он по полдня ходит вокруг женских покоев, а то и внутри хлопочет, пока его кормилицы нет. Кроме неё ведь только у него во всём семействе есть опыт ухода за

малыми детьми! Жена Урасаки почему-то не в счёт. Так что батюшка всем всё объясняет: и мачехе, и мне, и Рю...

А когда кормилица дома, к ней заходят повитухи, няньки, лекарки и всякие её знакомые. И тоже смотрят и обсуждают, как поставлен уход. А родственницы и подруги письма пишут — и всё о том же. Я уже про каждую подробность — как пеленать, кормить, следить за животиком и о прочем — знаю, какие есть спорные вопросы и кто какой стороны держится. Мне пригодится, у меня якобы скоро свои дети пойдут. Издеваются, одним словом. Какие дети, когда господин Хатидзё — в дымке растаял?

Возьмёшь сестрёнку на руки — вообще-то понятно почти всегда, чего она хочет и как с нею быть. Но от всей этой няньской премудрости голова пухнет. Оттого, что я сама не рожала? Но взяток я, положим, тоже никогда сама не брала, Государевыми приказами не пренебрегала, державных тайн не продавала. А в сыскных делах — разбираюсь. Почему-то с младенцами не так.

Мачехе присылают ещё укрепляющие снадобья. В этом тоже все подруги отметились, и родня, и сослуживцы её брата по Посольскому ведомству, и какие-то госпожи и господа, кого я раньше вовсе не знала. Сама мачеха говорит: просто слабость и спать всё время хочется. Кое-какие лекарства принимает. Остальные я, как почтительная падчерица, пробую и выкидываю. Ужо у нас в отхожем месте червяки обретут неизмеримое долголетие.

Кушает сестрёнка хорошо. Но и тут нас не оставили в покое. Ищут кормилицу: молодую, скромную, нежную и зачем-то ещё и красавицу. Как будто барышне это не всё равно. Батюшкина кормилица пересмотрела десяток, наверное, молодух, и столичных, и из деревни — ни одна её не устроила. А мачеха тем временем привыкла кормить сама. Сказала: лучше пусть так пока и будет. Потому что если няньку редкостной красоты к

нам пришлёт глава дома Конопля, ей не откажешь... А частые перемены дитяти вредны!

Говорят, от кормления толстеют и лысеют. Первое мачехе моей кстати было бы, а то она у нас в доме самая худенькая. А для укрепления волос нам мази и жидкости вонючие тоже дарят. Только их мы даже и не испытываем. Слышала я об одной даме. Лечила волосы — так они у неё сперва выпали все, потом новые стали расти: цвета перьев зимородка...

Батюшка тут нас поддержал. У человека на его должности немало недругов — возможно покушение!

Рю тоже в стороне от советчиц не осталась. Знания у неё обрывочные, но зато редкостные в Столице, тут южан мало. От чего моя сестрица ограждена лучше любого соседского дитяти — так это от зловредных духов и ревнивых оборотней с южных островов.

Да зачем барышне Намме пригожая кормилица, когда она у нас и сама — хороша? На батюшку похожа, особенно щеками. Глазки ясные уже, синие-синие! Говорят, это не надолго, потом будут чёрные, как у всех. Но и сейчас красиво. Голос сильный. Только она приучилась кричать — не так чтоб сразу во всё горло, а сначала сопит, потом хрюкает тихонько. И вот если этого хрюка не пропустить, то полночи вообще можно спать спокойно.

Но больше всего раздражают те письма, которыми засыпали батюшку. В стихах и просто так — утешают, что не мальчик родился. «Ничего, мол, сын — сокровище, но и дочь — тоже ценность. Подрастёт, выдашь её замуж за достойного человека...» Хоть эту, в смысле, раз уж со старшей так неудачно вышло. И ведь на каждую писульку надо учтиво отвечать!

А ещё приходила побродяжка. Откуда взялась — никто не знает, батюшка даже стражу потом запрашивал — не значитя. Обошла вокруг дома, спела что-то неразборчивое, а потом вещала: «Малое дитя ведёт в дом великую честь!» Хотели её накормить, расспросить на кухне — а она как сквозь землю

провалилась.

С батюшкой мы в этот месяц, правда, наговорились столько, сколько за весь прошлый год не удавалось. Вспоминали старые дела, он и про такие рассказывал, о которых я раньше не слышала. И про свои, и про наставников своих по сыскной службе. О семейном тоже толковали. Он ведь почему так боится? У него самого — только брат, а из сестёр ни одна не выжила. Младшую одну он немножко помнит... И в дедушкином поколении тоже так было. Очень страшно.

И у мужа моего свой страх тоже есть: он помнит, как его мать родила совсем больное дитя, даже не понятно, сестру или брата, и сама после этого умерла. Отсюда и неохота пробовать. Но он, если про это говорит, выражается только по-жречески: скверна и всякое такое. А кормилицыны подружки о том же, но понятными словами: горячка, зараза, кто застудился, кто надорвался... Вот наверное, что-то со мной не так, но про убийства и резню — и то легче слушать, чем про эти женские обыкновения.

Тут-то и грянула «великая честь». Совсем неожиданная.

Осенило

(четвертый день седьмого месяца того же года)

Сестрице как раз сравнялся месяц. Провели большое очищение по всему дому, устроили пир. Барышня вела себя образцово. Батюшка готовится выйти, наконец, на службу в Приказ, но — завтра. А сегодня поутру все усталые, дремлют кто в постели, кто на ходу.

И вдруг шум на улице. Носилки приехали, перед ними двое скороходов, позади ещё четверо. Кричат: «Разойдись!». Обычно днём у наших ворот никого и нету, но тут уж соседи сбежались. Рю посмотрела — не видно, кто в носилках, только занавеси расписные, в облаках. И из-под них края платья, белого, узор

неразборчивый.

Всё равно понятно: это из Дворца. Только на моей памяти за батюшкой так ни разу не присылали. Ох, не стряслось бы без него какой беды в Полотняном приказе! И не решили бы на господина Намму вину свалить как на отпускного...

Кроме скороходов там и посыльный был. Забрал у той особы, что в носилках, свёрток: похоже, со свитком. Идёт с ним к нам на двор. Ворота-то наш Таро отворил, хотел было письмо принять — посыльный его не замечает, шествует к дому. Таким казённым шагом, не подымая ног. Послание в белой шелковой обёртке, словно похоронное. Кто же умер, а мы не слышали, сидя тут взаперти?

Батюшка, поспешно одевшись в должностное, выходит сам. Гонец из дворца — и его будто бы не видит вовсе. Ждёт, поглядывает в сторону женских покоев.

Я, конечно, правил не знаю. Но накинула верхнее платье и покрывало, высовываюсь в дверь. Посыльный меня удостаивает поклоном. Рю мне под руку подталкивает поднос. Хороший, лаковый, только вчера подарили, вроде бы он для писем. Ух! Да, сошло: дворцовый человек перехватил свиток обеими руками в руках, обёртки не касаясь, уложил на поднос. Кланяюсь. Он поклонился, отошёл, пятясь задом. И так до самых ворот.

Уехали? — прошу Рю посмотреть. Как же! Ждут. Носильщики так и держат шести на плечах. Видно, приказано получить срочный ответ.

Заношу свёрток в дом. Бужу госпожу Намму. Разворачиваем. А, вот оно что! Белый шёлк — потому что письмо из Грозных покоев, где пребывает Государыня-мать. Она мужем теперь покинута, и хотя не вдова, но цвета носит поминальные.

И что в письме?

Пишет ближняя дама Государыни, так что всё буквами и понятно. Сообщает, что на днях Государыня справлялась о жене среднего советника Наммы. Сама

дама, прежняя наместница Рассветного края, выражает уверенность, что у нас всё благополучно. То есть ничто не помешает мачехе моей прибыть в Грозовые покои, ибо Государыня призывает её на временную службу особого свойства.

Тут же Рассветная госпожа объясняет, какая это служба. Горюя о том, кто принял ныне монашеский постриг, Государыня-мать коротает одинокий досуг вместе с Царевною-жрицей. Это сестра отрекшегося государя и тётушка нынешнего Властителя Земель, прибыла во Дворец на время, свободное от обрядов. И вот, две высочайшие госпожи поспорили, чья свита более искусна в сочинении повестей на родном наречии. Если мужи состязаются в стихах, трактатах и учёных прениях — отчего бы дамам не померяться силами в том искусстве, которое подобает женщинам? Что до Царевны, то её двор славится изящным слогом, и Государыня-мать поэтому изволит пополнить свою свиту способными сочинительницами. Средняя же советница Намма, как известно, начитана в повестях, нынешних и старинных, и её участие обязательно.

Мачеха моя в сложных обстоятельствах уже показала себя женщиной деловитой. Вот и сейчас — не залилась слезами, а только спросила:

— Что ж теперь делать? Отказаться — прогневить Государыню, согласиться — опозориться! Я ж там и шагу ступить правильно не сумею, не то что высказаться!

— О чём высказаться? — это батюшка из-за перегородки спрашивает.

Он там уже тоже весь истерзался: что случилось? Ну, мы пересказали.

— Не ждал подобной любезности от бывшей наместницы, — говорит господин сыщик озадаченно. — Вроде бы мужу её я ничем не вредил ни при жизни, ни потом, отец её в отставку вышел со всем почётом... И как же быть с девочкой?

— Может, они не знают? — с надеждой спрашивает

госпожа Намма. — Очищение — очищением, но во Дворец мне самой, наверное, никак нельзя?

— Наверняка осведомлены, — вздыхает господин следователь.

Тут мачеха вдруг обиделась:

— Осведомлены — а гостинцев не прислали? Значит, ещё можно попробовать уклониться?

— Попробовать-то можно, — говорит бабушка довольно кисло. — Давайте составлять ответ, пока вся улица не решила, что это мне привезли распоряжение удалиться в ссылку.

Составили, но учтивость не помогла. Вечером того же дня, уже не столь торжественным образом, нам доставили уточнения и разъяснения. Дитя, мол, не только само чисто, но и усугубляет чистоту. Так что отговорки не принимаются, но мачеха, конечно, может явиться не в одиночестве, а с дочерью и с няней достойного происхождения. Подарки, судя по намёкам, всё-таки будут, но уже после состязания. Заранее завлекать сочинительниц гостинцами — неязьно!

Мачеха с этим согласилась. Но проще ли от того? Надеть во Дворец — совершенно нечего! Няни так быстро не отыщешь! А книги, которые наизусть не запомнены, — можно взять свои? Или только тамшними разрешат пользоваться, как на учёных испытаниях? В общем, стало ясно: средняя советница смиренно повинуется, и даже уже не без некоторого любопытства.

Попробуй не повинуйся, если с главою нашего Конопляного дома всё согласовано! Следователь Намма это на всякий случай проверил. Потому как служилые дамы хотя и женщины, а всё равно чиновницы, и не то чтобы в их среде не случалось самоуправства... Господин Асано ответил: «Так что же? Твоя жена, поди, и так младенцу сказки сказывает на ночь. Пусть и Государыня послушает...»

С нарядами всё уладилось наилучшим образом. Матушка моя о высокой милости прослышала чуть ли не

прежде нас — и прислала платьев, в самом тонком нынешнем вкусе, целую повозку. Два полных облачения и ещё небольшой запас. А с ними и записку от брата: про то, какое счастье нас всех осенило.

Няней — некому быть, кроме меня. Могу гордиться: бабушкина кормилица сказала, что я управлюсь. Сам господин Намма не очень-то рад, но признал, что иного выхода у нас нет.

Посмотрю хоть, что там во Дворце. Я ведь даже Полотняного приказа ни разу сама не видела.

Если не шутка

(шестой день седьмого месяца)

За нами прислали носилки. Не такие нарядные, как у гонца, зато побольше. И троих грузчиков. У нас с собою как раз три узла: детские вещи, наши платья и повести.

Сестрица кротко спит, а мне не по себе. Во-первых, не люблю ездить в носилках. В возке, на колёсах, как-то устойчивее себя чувствуешь. Во-вторых, не успели мы добраться до дворцовых ворот, как мачеха начала ныть. Она не помнит такой-то извод такой-то книги, она не читала третье продолжение к другой истории... Но не поворачивать же обратно!

Тем более что носильщики встали намертво. Это уже у ворот. Сидим, мачеха сестрёнку кормит. Никто нас не встречает.

— Зато, может быть, удастся снова взглянуть на «Повесть о камышовках». Когда-то я её читала, но...

— Скажи мне, — прошу я, пока делать всё равно нечего. — Нас зачем, собственно, позвали? Если у них все книги есть, даже больше, чем у тебя?

— Так вот чтобы по книгам и проверять. Мы проиграем, если повесть Государыни уличат в заимствованиях. А когда пишешь, трудно порой сообразить, сама ты это придумала или где-то уже читала. Нет сил удержаться...

— Чтобы проверять, наверное, у Государыни есть грамотные служилые дамы. Почему ты? Или... «Когда пишешь» — это по опыту?

Я на самом деле уже давно кое-что подозревала. Писчая-то бумага у нас куда-то деваётся. А книг в комнате у мачехи больше лежит, чем ей приносят.

Теперь, если смущаешься, можно не рукавом закрываться, а прятаться за младенца. Что и делает госпожа Намма.

— Так сколько всего? — пристаю неотступно. — И в скольких частях? Иначе глупо будет: меня спросят, а я не знаю, которые повести твои.

В итоге выяснилось, что повестей две и ещё одна недописанная, её упоминать ни в коем случае нельзя. А про те, которые уже ходят по рукам, я выпросила всё необходимое: и название, и как героев зовут, и кто как умер. В основном, надо признать, естественной смертью, от любви.

Встречающих всё нет. Носильщики ворчат, не придётся ли нас обратно доставлять. Или мы так у ворот и обоснуёмся. Я их, в общем-то, понимаю: они всё это время нас на весу держат...

Наконец кто-то вышел, заговорил с ними. Кто — изнутри не видно. Носильщики крикнули, занесли нас в ворота, начали петлять. А потом опять встали. Теперь уже даже сестрица смотрит с недоумением.

Надо было у батюшки попросить чертёж дворца. А то я уже не понимаю: ворота в город — в какой стороне отсюда?

Проходят мимо разные служители и прислужницы. Подаю знаки из-за занавески — никто не обращает внимания. Нам барышню скоро надо будет перепеленать, зову носильщика с узлом — а он куда-то делся. Не пропустили?

— Это уже никуда не годится. Вот вылезем и пойдём жаловаться в Полотняный приказ. Мы же на временной службе — а нам не дают приступить к обязанностям!

— Если всё это была шутка...

Сейчас госпожа Намма заплачет. А сестрёнка заревёт. А мне их обеих успокаивать!

Пока я высматривала кого-нибудь зрячего и не глухонемого, видела: стоим мы возле большого здания, а перед ним дерево с дырой — молнией пробитое. Но зелёное при этом. Похоже, это и есть Грозные покои.

Ну, наконец-то! Подходит служанка Рассветной госпожи, мы её уже знаем по переговорам. Передаёт записку: проходите, мол, и располагайтесь.

— Ах! — спохватилась мачеха. — Должно быть, следовало сообщить о прибытии письмом...

— Был бы у нас скороход-письмоносец хорошего рода — тогда пожалуй.

Нас подносят к крыльцу. Высаживаемся. Следуем за служанкой. Пол тут такой гладкий и скользкий, что на коленях — по-дворцовому — двигаться ещё можно, а пешком я бы упала. Занавеси белые, блестящие и со шнурами. Для нас выгородили уголок. И не просто сгрузили сюда наши припасы, но ещё и разложили красиво.

А перед тем — тщательно обыскали их, как я вижу. Хотелось бы знать, кто здесь отвечает за безопасность. Ведь, наверное, тоже какая-нибудь дама.

Предлагают переодеться, причесаться и поправить белила. А потом проследовать в рабочие покои, где можно будет перекусить и познакомиться с другими сочинительницами.

Сестрице можно пока не белиться, а причёсывать и нечего. Просто завернуться в сухое, благо уже пора, и сверху — в одеяло с верёвочным узором. Дитя из южной младшей ветви дома Конопля!

Если судить по служанке, что нас привела, и по тем лицам, что я видела из носилок, то краситься надо густо. Коли так каждый день — может и наших белил не хватить. И главное: не перепутать порядок платьев. У меня на бумажке записано, какое на какое надевать. Как мы обычно носим — бледное вниз, а дальше в

порядке яркости, — нехорошо, не изящно.

Сочинительницы

(тот же день)

Жарко здесь. И от занавесов, и от курений. Тут повсюду горят благовония в жаровнях, пахнет дымом и нагретой медью. Сестрёнка даже зачихала.

Зовут. Вылезаем через длинный проход среди разгородок. Кто за которым занавесом живёт, я потом разберусь.

Рабочий покой — огромный. Дым в половицах отражается, как в воде. А народу мало: три служанки и две дамы.

Кланяемся. Размещаемся у столиков с закуской. Давно пора вообще-то.

Что за голос у Рассветной госпожи! Рокочет из глубины нутра:

— Очень хорошо. Все в сборе. Дитя прелестно. Наметим основные события и разбивку глав, перед закатом доложим Государыне.

Вторая дама совсем детским голоском тянет:

— Только сначала всех посчитаем. Влюбленных, возлюбленных и остальных. И всех назовём. Иначе я запутаюсь.

Мачеха моя отвечает:

— А уже решено, где происходит действие и когда?

— Давней старины не касаемся, — сообщает Рассветная госпожа. — Её уже наши супротивницы застолбили. Пишут о годах Великого Обновления, это триста лет назад. Про сторонников тогдашних перемен и про их противников.

То есть за работой Царевны-жрицы мы следим. Это правильно.

— В повестях часто упоминают, — продолжает госпожа Намма, — о поездках в иные страны. Но редко показывают те края. Быть может...

— Посольство? — откликается старшая дама.

— А правда, — младшая, кажется, улыбается, —

Ива же, наверное, всё про это знает?

Ива? Мы с барышней не смогли скрыть недоумение. Писательниц это повеселило ещё больше. Рассветная госпожа объясняет:

— Все мы здесь скрыты под прозвищами. Как и пристало, если решаешься показать свои записи другим людям. Я — Третья Застава. Барышня Сандзё — Метель. А госпожа средняя советница, конечно — Плакучая Ива.

— Да, — говорю, — разумеется.

Они же наверняка думают, что я первая читала мачехины творения...

Начинают обсуждать чужие страны. Тут-то и выясняется: о сборах в путь все хоть что-то знают, а госпожа Намма больше всех. Но вот о самих путешествиях — только мачеха моя и только по книгам. Ей брат, чтобы утешить, перед отъездом переводил кое-что из заморских повестей, и его слова запали ей в сердце. А потом и муж пересказывал занятные места из записок об иноземцах...

— Что ж, давайте определяться, — кивает Рассветная госпожа. — Индия отпадает, а то придётся ещё монахинь подключать, для благочестивых тонкостей. Поездки в Китай уже упоминались в «Листьях мальвы» и «Четвёртом ударе колокола» — повторяться не хотелось бы...

— А может быть, речь пойдёт о посольстве на родину твоих предков? — осторожно спрашивает мачеха. — В царство Кудара?

— Заметьте: не я это предложила, — удовлетворённо отвечает Третья Застава. — Но, пожалуй, смогу припомнить семейные предания.

— Тогда и со временем всё ясно! — Метель даже в ладоши хлопнула. — Это когда нам из тех краёв Государыню привезли. Всё равно никто не помнит, кто за нею на самом деле ездил.

— Не стоит придерживать сугубой достоверности! — предостерегает Рассветная госпожа. — Во избежание... Не всё ещё рассекречено!

Ну да, она ведь — дочка Хранителя сокровищницы, а его предки — переселенцы с материка. Только я не очень представляю, где эта земля Кудара точно была, потому что сейчас такого царства уже нет.

Дальше у них всё пошло гладко. У героя должно быть по одной возлюбленной с этой стороны моря и с той. Но воссоединиться в конце концов он должен с нашей. А заморская дама, может, и есть сама будущая Государыня! И завистников герою тоже хватит двоих: один жестокий, а другой — хитроумный.

Мачеха сперва очень стеснялась, а потом оживилась, даже перебивать начала. И уже словно забыла, что мы впервые при дворе и можем ни с того ни с сего ляпнуть что-нибудь неуместное. Даже слушать приятно!

Барышня Намма потихоньку осматривается. Значит и няньке можно. А то глупо не разглядеть даже, как дворцовые дамы одеты и как держатся.

Бывшей наместнице Рассветного края лет тридцать пять. Примерно как самой Государыне-матери. Как я слышала, госпожа в мужнем наместничестве была недолго, а в основном служила здесь, при дворе. Овдовела несколько лет назад. Повесть её, про «Третью Заставу», прославилась тем, что действие происходит не всё время в Столице, а порой и в дальней глуши.

Лицо у госпожи широкое, угловатое, вид решительный. Под белилами видно: брови выпуклые, валиком. И очень красиво на лбу волосы уложены. Платья летних оттенков, но не травяных, не цветочных, а песчаных скорее. Второе сверху узорное, на нём — поминальное, светлое.

Барышня Сандзё, должно быть, моих лет или чуть постарше. У неё даже не разберу, как покрашено каждое из платьев, перелив тонкий — и то самое, про что мне моя матушка толковала много раз. Как красиво алое с зелёным и с бледно-лазоревым, если их уметь расположить. Получается какой-то цвет без названия, но общий настрой — как в саду, в тени, солнечным днём.

Лицо будто на картинке, совершенно образцовое, даже скучно. При этом она, кажется, далеко не дура. И легко ли — знаменита уже своими книгами! А ведёт себя как совсем девочка. Чтобы меньше было заметно, что она ещё не замужем. Впрочем, в Копейном доме, откуда она, мужчины славятся строгостью в делах брака...

Волосы у всех тут, надо сказать, порядочной длины. И даже совершенной. В общем, не чета моим. Надо было соглашаться на накладку.

Служанки еду убрали, принесли столики для письма. Барышня Метель и правда сразу же начала делать заметки. Пока — чего совсем не надо писать, потому что уже не ново.

Пойдём-ка мы в сторонку. А то спросят опять о чём-нибудь, чего мы с барышней Наммой не читали...

Наблюдатель

(тот же день)

Вот кому-то и брат, и муж книжки пересказывают. Хотя оба занятые по службе люди. Мой супруг, пока странствовать не ушёл, сидел всё больше дома. Книжник! Нет, иногда рассказывал, про что читает: либо из жизни Просветлённого и разных его учеников — либо справки и доносы о нынешних подвижниках Облачной страны. Даже советовался, чему можно верить, а что доносчик — как там мачеха говорит? — читал когда-то и не удержался, приписал к случаю.

Я-то думала, мы подружимся. В конце концов, муж — не влюблённый, бурной страсти не требуется. Вроде и уживались на Восьмой улице. Но вот что хуже всего: хочу, он говорил, служить при господине. Не ведомству, а человеку. А разве прежний государь его самого за человека держит? За справочник ходячий. Нужен — вытащат из корзинки, нужда прошла — обратно запихнут. А даже братец по своим древним книжкам говорит: отношения властителя и подданного — двусторонни!

И никакой определённой должности у мужа нет. Вот мачеха — госпожа средняя советница, Третья Застава — бывшая наместница. А я, спрашивается, кто? Супруга паломника? Так и представляться, если что? Обидно.

Ладно, раз уж у сочинительниц их герой в Индию не едет, то мне и подсказывать ничего не придётся. И хорошо. Они уже так увлеклись, что обсуждают в полный голос — даже барышня морщится. Вон там в углу стоят полки со свитками и бумагой. За ними, правда, кто-то уже пристроился — но, наверное, это прислуга, раз не знакомили. Если мы туда потихоньку переберёмся, она исчезнет. Это тут очень чётко поставлено, как я вижу.

Не исчезла. Придётся здороваться?

— Пожалуйте, залезайте, — говорит и подвигает подол.

А заодно и пересаживается на колени. Раз не видно — можно, стало быть, и во Дворце было прилечь?

Спрашивает, указывая глазами на дитя:

— Дочка Полотняного следователя?

— Нас тут две его дочери, — отвечаю.

— А я Пересмешница.

И никаких уточнений. Я, что ли, сама должна знать? Может, это тоже знаменитость?

Она, даже когда сидит, очень долговязая особа. Ростом не меньше чем на голову меня выше. Волосы забраны сзади в белую обвязку, хвостик только виден. Между нами говоря, это затем, что коротковаты они у неё. Надо бы и мне так.

Зато лицо длинное, особенно нос. И двигается. Я вот тоже не умею улыбаться так, чтобы белила не сыпались. А тут воротники уже основательно припорошены.

Так как назваться-то?

Ну, ладно. Раз надобно прозвище...

— А я — Летучая Белка.

Та серьёзно кланяется. Видимо, не очень глупо

прозвучало.

— А ты тут зачем? — как-то неучтиво выходит, но она не обижается. Отвечает:

— Я наблюдатель.

И понизив голос:

— Чтобы не жульничали!

Это уже занято:

— А как тут можно сжульничать? Нам правила передали, но только в общих чертах.

— Значит, так. С каждой стороны по три дамы. По крайней мере у одной из трёх должен быть по-настоящему хороший почерк. Переписчики не допускаются! Также хотя бы одна должна обладать звучным голосом: перед судьями повести будут читаться вслух. Длина ограничена, но насколько — выясним завтра. Когда раздадут беловую бумагу, двум сторонам поровну. Короче можно, но если лист в лист, будет круче. И не более пятнадцати вставных песен. Новых! Из святых книг выдержки допустимы, из казённых грамот и прежних повестей — ни в коем случае! Ну, и само собой, у соперниц не передирать.

Вот уж не думала, что при дворе в ходу подобные словечки. Хотя братец мой или господин Хатидзё, опытный царедворец, тоже дома этак выражаются.

Ой! То-то я думаю, что с этой дамой не так...

И рост. И носик. И кожа под белилами какая-то смуглая. И руки из-под рукавов мелькают — крупные для девушки. Может, и правда наблюдатель? А не наблюдательница...

Она между тем продолжает:

— И есть не правило, но негласное распоряжение. Чтобы действующих лиц не больше пяти десятков. Нарочно для Метели.

— А она любит, чтоб больше?

— Ну, в повести про метель у неё их сто пятьдесят шесть. Я считала. По слухам, ещё одну повесть она так и не доделала, но там народу было свыше двух сотен.

— То-то она с этого начала.

— И правильно сделала. Хотя про метель всё равно хорошо получилось. Мне там скороход даже больше нравится, чем его господин.

Была не была — спрошу! А то дальше ещё труднее будет.

— А что там со скороходом?

Пересмешница не удивляется. Может, ещё не совсем все читали эту повесть?

— Там основные герои — знатный господин и барышня, которую он перепутал с другой. А при господине состоит скороход, немного забавный, но преданный. У скорохода возлюбленных — множество, и ни с одной он не успевает довести дело до конца, потому что его призывает служба. Столько сердец разбил — страшно сказать! У господина там стихи хорошие, а скороход — сам хорош, как живой. Но всё-таки слишком много народу...

«Как живой» — это разве похвала? Повести вроде бы затем и читают, чтобы от жизни отвлечься...

— Вот, собственно, и все правила. А дальше уже руководствоваться придётся вкусом. В общем, ничего страшного!

Голос у Пересмешницы скорее приятный. Но вот если бы я такой подслушивала — не поручилась бы, девушка это говорит или юноша.

Госпожа Намма подходит — покормить. Я пока принесу ещё пелёнок.

Но если юноша... А Государыня-то знает? Как-то не могу себе представить, чтобы она себе завела переодетого красавчика. И никто бы об этом не знал. Или он не для неё, а для кого-то из дам? Попробую спросить, что скажет этот наблюдатель о Третьей Заставе. Та всё-таки вдова... Или барышня Сандзё потому и не замужем, что тоже всецело отдалась дворцовой службе?

Или тут дамы вообще ни при чём, а где-нибудь за книжками у наблюдателя припрятан кинжал. На случай покушений. Или его не оружному бою учили, а как

моего мужа — чтобы жреца скрутить, не поранив, когда тот в припадке. Это ведь и тут пригодится, ежели дамы ссориться начнут, или при тех же покушениях... Впрочем, драться выучить можно и девушку. А что эта особа служилого рода, и даже, скорее всего, воинского, — сразу видно, уж какого бы полу ни была.

Государыня

(тот же день)

У сочинительниц перерыв. Только как-то бестолково они его используют. Барышня Сандзё плачет и пишет на отдельном узком листочке. Стихи, должно быть:

— Ведь завтра — Седьмая Ночь...

Ах да. Седьмая ночь седьмого месяца. Праздник: свидание небесных влюблённых на Сорочьем мосту. Только нам всё равно работать надо.

Рассветная госпожа ворчит почему-то:

— Дикари дикарям рознь. На наших островах людоеды редки. Вернётся твой милый, не реви. Уж хотя бы столичного гонца воевода Востока оборонить сумеет. А то слишком неудобно вышло бы...

Любопытно: барышня Метель хоть одного живого дикаря видела? Впрочем, раз у неё в порубежье милый друг, а не родичи, — наверно, ей таких гостинцев не присылают...

Сестрёнка будто родилась во Дворце: никакого трепета, чмокает спокойно, словно дома. А мачеха моя между тем шушукается с наблюдателем. Тот даже вылез из-за полок наполовину. Положим, кормящую мать никто не осудит, а соглядатай должен уметь перебарывать стыдливость...

Разговаривают, как ни странно, не о младенце:

— Они попали на гору бессмертных, что стоит среди моря? Или на остров Фудараку, — говорит наблюдатель.

Учтиво! В нашем Конопляном доме из всех заступниц милосердных главной выбрана Каннон,

Чуткая ко Звукам. Про неё мне муж много рассказывал, а ещё раньше — батюшка. И про её дальний остров, куда приплывают моряки со всех пропавших кораблей. Это и есть Фударак.

— Только я, — отвечает мачеха, — даже главных бессмертных по именам не знаю...

— Главное, все одеты в перья. И лес на горе — в цвету и в плодах одновременно.

— И глядя на эти деревья, день за днём, он вспоминает, как кратко цветенье в родном краю... — мачеха уже растрогалась, — слагает стихи...

— Кстати о стихах, Ива, — замечает Пересмешница. — С ними оплошать никак нельзя. Судить состязание будут Государевы сановники. Повестями они едва ли увлекаются. А песни — другое дело.

— Это точно не я, — качает головою госпожа Намма, — ты же знаешь, как у меня со стихами.

Эге. А они, похоже, знакомы. Только непонятно: откуда? Разве что по тем временам, когда мачеха ещё у себя дома жила? Любопытно!

— Боюсь, тут у вас будет самое слабое место, — сочувственно качает головою наблюдатель. — Третья Застава тоже песнями не знаменита. В повести про метель стихи были очень хороши, но вот в том, что я слышала из нового сочинения барышни — словно другой человек складывал, никакого сравнения! А у Царевны — сама знаешь, чьи песни будут...

Мачеха совсем приуныла. И в самом деле: если у нас повесть будет лучше, а судьи оценивать станут по одним стихам — обидно выйдет!

На самом деле некоторые господа почитывают женские книжки. Мой супруг, например, их читал даже больше меня. Что, правда, и нетрудно...

— А кто судить-то будет? — спрашиваю я, подходя, как ни в чём не бывало.

— Точно не знаю. Думаю, постараются, чтобы не слишком близкие родичи участниц.

Кто наверняка уже знает, так это господин Гээн.

Глава его Обезьяньего дома во дворце старший по танцам и развлечениям. Можно мне будет отсюда матушке написать? Я-то не состязуюсь, мне не запрещено?

А наблюдатель, значит, всё-таки не совсем всезнайка. Или притворяется.

Покушать перед сном — это правильно, это и я люблю. Но кто же засыпает во время еды? Прошу прощения, барышня Намма, но придётся тебя побеспокоить.

— Гу-уу!

Вот и молодец. Иди сюда. А мама пойдёт дальше сочинять.

Краем уха слышу: счастливый остров принят без возражений, двинулись дальше. Госпожа Третья Застава рассказывает про царство Кудара.

Вдруг входят ещё какие-то дамы в белых накидках. Всё осмотрели, убедились, что мокрые пелёнки убраны, а чистые наготове. Барышня Метель спешно собирает листы с полу.

— У тебя зеркало есть? — страшным шёпотом спрашивает наблюдатель.

Как-как?! Это чтобы у опытной придворной дамы не было с собою зеркала? Это чтобы соглядатай, да в женском платье, не запасся зеркалом — чтоб удобней было подглядывать?

— Изволь, — говорю. — Только возьми у меня из-за пояса. Если я сейчас кое-кого отпущу, крику будет!

Зеркальце маленькое, ручное, но увесистое. Пересмешница наскоро поправляет белила. Или надо было убедиться, насколько прочно у меня руки заняты? И что ещё есть при мне из тяжёлых или острых предметов...

Опять вошли две дамы. Склонились по сторонам от входа. Наши все тоже раскинули рукава и кланяются. Надо и нам. Эх, сейчас... С сестрёнкой на руках бить земные поклоны ужасно неудобно!

Барышня Намма, конечно, недовольна. И очень

недовольна! И все должны об этом знать! Лежу носом в пол и вижу: белый-белый подол плавно приближается прямо к нам. Сейчас выгонят с позором!

— Садись скорее! Придавишь!

В точности как кормилицыны знакомые у нас дома. Только голос...

Правда царственный. И звучит не гневно, а как будто она почти улыбается.

Перехватываю сестрицу, начинаю укачивать. Вижу: к нам протягивается белый рукав. И ладонь: тоже белая, очень худая. Пальцами поводит вправо-влево над головой у дитяти.

Маленькая барышня следит за нею глазами. Замолкает. Потом молвит:

— Ээ-э?

— Именно, — убедительно говорит Государыня-мать. Медленно отводит руку и идёт на середину покоя.

Никакого рёва вслед.

Волосы у Государыни длиннее роста, лежат сзади на подоле. Совсем без седины. А спереди отрезаны две боковые пряди, по-вдовьему.

При том что прежний государь не умер. Всего-то в монахи ушёл.

Поди пойми: уж если горевать так, в полную меру — то зачем состязание? Или это такое горе, что проходит прежде, чем волосы отрастут?

— Вы, я вижу, уже начали, — говорит Государыня, усаживаясь перед дамами. — Ну, рассказывайте!

Госпожа Третья Застава начинает излагать замысел. Знатный молодой господин редких способностей высоко ценится Государем. Связан нежным взаимным чувством с барышней из достойнейшего рода. Завистники пытаются загубить кавалера или опорочить, добиваются, чтобы его отправили за море послом в царство Кудара.

Государыня-мать чуть склоняет голову. Кажется, одобрительно.

Один из завистников рассчитывает, что посол там, за морем, или не справится, или, наоборот, так блестяще исполнит службу, что наживёт ещё множество врагов. Это надо обдумать. А другой, жестокий, подговорил моряков по дороге сбросить молодого господина за борт! И тот уже прощается с жизнью и с далёкой возлюбленной в сердце своём. Но тут налетает буря, подхватывает судно и приносит его к чудесному острову...

Выслушав, Государыня говорит:

— Это мне нравится. Но не хотелось бы, чтобы он провёл там остаток своих дней. Или хотя бы половину повести. За это время даже чудесный остров может наскучить слушателям.

Сказано без едкости, хоть так и можно было понять: всё бы вам про волшебные красоты выдумывать... Скорее, со знанием дела Государыня это говорит. Ведь то, что мне доводилось выслушивать от господина Хатидзё — о святых местах да о чудесах, — наверняка сотой доли не составляет из семейных разговоров прежнего государя... И всё в том смысле, что ты-то тут уж никак не чудо, и брошу я тебя, чуть лишь представится случай.

Вот, бросил. Большой праздник. По-моему, Государыня сейчас как раз и готовится его отметить. Не удивлюсь, если где-нибудь во дворце другие дамы шьют роскошные платья на всю свиту, третьи на гусях и дудках разучивают напевы, подходящие для торжества... А мы состязаться будем. И ведь нашей Государыне важнее выиграть, чем Царевне. Так что надо постараться.

Дальше сочинено ещё только приблизительно. Но ясно, что наш посол доберётся до Кудары, явит опять свою добродетель, понравится тамошнему государю и его дочке. Как — пока не придумано. А потом вернётся на Облачные острова, с невестой для нашего царевича — и сам воссоединится со своей любимой. Как звезда Пастух со звездой Ткачихой в Седьмую ночь...

— Всё хорошо, — говорит Государыня. — Обстановку в державе Кудара и заслуги нашего посланника продумайте тщательно. Время ещё есть. Помните, что слушать будут государственные мужи.

Даже отсюда видно, в какой ужас пришла госпожа Намма. Да и Метель, кажется, беспокойна. Третья Застава невозмутимо кланяется и отвечает:

— Приложим все усилия. Исчерпаем весь наш скромный опыт в таких делах.

Как гордо звучит у неё это: «скромный»! Да, мол: не зря мы, женщины, скромно сидели то дома, то во дворце, слушая мужские государственные решения. Пришла пора сказать, как нам всё это нравится, — и скажем!

Государыня легко встаёт. Будто платье само сложилось, толкнуло вверх. Пока можно, смотрю. Очень красивая и очень хрупкая госпожа. И очень усталая.

Верно решил тогда, весной, царевич Кандзан у себя в горах. Незачем ему было возвращаться. Его, грузного и довольного, рядом с нею уж точно не представишь.

Шестьдесят шесть

(седьмой день седьмого месяца)

Я думала, по ночам во Дворце тихо — все ходят, как по вате, чтобы не беспокоить высочайших особ. И нарочитые служители крадутся и, если что, на всех цыкают. Как же! За одной перегородкой бубнят, за другой — чем-то звякают. Сестрёнка, к счастью, на такое безобразие решила закрыть глаза, а мне не спится. И мачехе тоже.

Мы друг друга успокоили, что, вроде бы, выглядели не совсем глупо и невоспитанно. Сошлись на том, что Государыня-мать — замечательная! Признались, что госпожи Третьей Заставы обе слегка побаиваемся. В общем, полное взаимопонимание.

— Слушай... А вот эта Пересмешница — она кто? Ты её вроде бы знаешь?

— Удивительно... Прежде я её не видела ни разу, мы только по переписке были знакомы. Я совсем иначе её себе представляла.

— Погоди. Я, наверно, чего-то не понимаю. О чём можно переписываться с незнакомыми? Если не по службе, конечно.

— А мы читали одно и то же. Вот о книгах и беседовали. Уже несколько лет, ещё с тех пор как я на Восьмой улице жила. Получается, тогда она была совсем девочка... Я-то думала, она старше меня. И по почерку судя, и по вкусам.

— А она из какого дома? — спрашиваю.

— Ты знаешь, у них в семье, кажется, не всё ладно. Она не любит об этом. Насколько понимаю, из какой-то поземельной знати.

А из какой земли? Вообще пересмешницы — это птицы такие. Изображают голоса других птиц и зверей. Если время потратить, можно их выучить и Облачной речи. Водятся на юге, за проливом. Но у наблюдателя выговор столичный. Наверное, ещё в детстве прислали сюда к какой-нибудь родне или к благодетелям.

— Неожиданно, — продолжает мачеха, — было встретить её во дворце. Но, скорее, приятно.

— Она тебе нравится?

Госпожа Намма задумалась. Потом говорит уверенно:

— Да. С ней есть о чём поговорить. И она не спесивая.

Что да, то да. Бывают такие, что свою осведомлённость показывают в укор другим. А эта — нет. Или всё-таки этот? Мачеха, кажется, не сомневается: девушка.

Может, во дворец эту особу взяли по тайному указанию прежнего государя? Ещё когда он царствовал. Двойная выгода: во-первых, будет доносить обо всём, что творится в женских покоях, а во-вторых, если что, можно будет обвинить Государыню, что она при себе мужчину держит.

Думала я, думала о таком коварстве — и заснула.

На второй день во Дворце — всё какое-то привычное. Сочинительницы уже совсем заодно, госпожа Третья Застава даже ко мне подошла, осмотрела сестрёнку. Слегка нахмурилась, потом усмехнулась и говорит:

— А вы похожи! — и удалилась заниматься повестью.

Сегодня обсуждают, что было в Кударе. По тому, что я из угла расслышала, на самом деле там всё совсем скверно кончилось. Но бедствиям войны, конечно, в повести нельзя много места уделять. Их изящно описывать трудно, да и не видел их никто из наших дам.

Другая заминка: наш посол должен кударскому царю давать мудрые советы. Но мы-то знаем, что не очень это помогло: Кудара всё равно пала! А советовать: «Всё погубило, спасайтесь, кто может!» — оно, пожалуй, мудро, но едва ли доблестно...

Зато хорошо получается самая красивая кударская глава. Враги уже подступают, посол готов своего гостеприимца защищать даже с оружием в руках, но царь отказывается: «Ты сопровождаем доброй удачей, возьми мои сокровища и наиценнейшее из них — мою дочь, и доставь их в Облачную страну!» У Третьей Заставы это очень по-царски прозвучало. Барышня Метель рыдает за царевну — по-настоящему рыдает! — и говорит, что ей лучше умереть, чем оставить отца и свой дом на погибель. А моя мачеха, то бишь посол, на всё это смотрит, обливаясь слезами, и слова утешения застывают у неё на устах...

Зашла рассыльная дама от Государыни. Сказала привести себя в порядок и идти на крыльцо: во дворе будут делить бумагу. Нас с Пересмешницей не звали, но мы пошли подсмотреть из-за занавеса.

Напротив Грозового покоя есть другое большое здание. Там на крыльце тоже выставили занавес на столбиках. И за ним сидят наши соперницы. Никого не

разглядеть, я только поняла, что у них всё убранство алое. Под цвет одеяния Речной жрицы. Потом посередине двора поставили стол. Вышли чиновники Полотняного приказа, а за ними и их начальник, средний господин Асано. Батюшка всю жизнь при нём служит, а я его ни разу не видела. Очень степенный, должностное багряное платье носит изысканно. Перед ним положили пачку бумаги, он собственноручно стал раскладывать по листку налево и направо. Долго и бережно, а младшие чиновники вслух считали. Наконец, глава приказа подтвердил: в каждой стопке ровно шестьдесят шесть листов. Их завернули в узорный шёлк: для нас — белый с красным узором, для супротивниц — наоборот. Младшие чиновники эти свёртки вручили двум дамам. Те разошлись по двору в разные стороны к занавесам. И почтительно поднесли бумагу.

Пересмешница мне показывает: взгляни вон туда, за спину к господину Асано. Там ещё одно строение, углом во двор, дверь открыта, и из неё смотрит господин, тоже в багряном. Нас он точно не видит, но кому-то подаёт знаки веером.

— Это сам Обезьянец, господин Саруко.

Вроде всё гладко прошло.

Бумагу развернули в нашем покое, посмотрели. Очень хороша! Убрали подальше, чтобы не замарать. А потом стали охать, особенно Метель: шестьдесят шесть листов — это же очень мало! Хотя Рассветная госпожа как раз не особенно огорчилась. Ещё бы: ей ведь это всё потом читать вслух перед судьями!

— Теперь, — объявляет она, — когда объём известен, довольно выбирать самое занятное! Разметим всю повесть по порядку. И где какие песни!

И пошли первые разногласия:

— Но если, — робко говорит мачеха, — сначала сложить песни, а потом заполнять промежутки рассказом... Боюсь, получится не повесть, а песенное собрание.

— А если сперва сочинить всё остальное и задним числом добавлять стихи, они не подойдут к лицам. Я вот просто не смогу понять, каков наш посол, если не буду знать, какой он стихотворец...

И до самого вечера только тем и занимались. Прикидывали: сколько песен весенних, сколько летних. Сколько мужских, сколько женских. И как ни крути, мужских выходит больше... Набросали какие-то строки, тут же их разругали. В общем, все расстроились.

В конце концов главной по стихам назначили барышню Сандзё. Вроде и лестно, но она, кажется, не обрадовалась.

А спокойнее всех была барышня Намма. Драгоценное дитя! Кушает да спит. Пересмешница после обеда куда-то ускользнула. Дала понять: это ваш праздник ещё впереди, а у меня на нынешнюю ночь свои дела. Встречу Ткачихи с Пастухом буду справлять.

Мачеха после всех прений выглядит совсем измученной. Вечером мы с нею даже не перемолвились, она на ночь дитя покормила и сразу заснула.

Сорочий мост

(седьмая ночь седьмого месяца)

За переборкой по соседству с нами — уголок барышни Сандзё. При ней какая-то служанка есть, по походке судя, старушка, тихая, в большой покой не выходит. Слышно, как барышня вечером на неё поворчала, но не в гневе, а, похоже, просто от огорчения.

Может, Метель и вправду после первой повести разучилась песни сочинять? А признаться стыдно... Или это только к материковым письменам можно дар утратить, если лишишься добродетели, — а Облачные речи идут из сердца, им ничего?

На крыльце какой-то шорох. Утро уже, а я всё сплю? Но нет, вроде темно. И даже сестрёнке ещё не пора переодеваться.

Только не хватало, чтобы тут по ночам бродили

духи! И двери открывали. Не нашу, а к Метели.

— Сюда нельзя! — шепчет старческий голос.

И вдруг:

— Ой...

— Тише, — откликается ей какой-то мужчина, — это я.

Барышня Сандзё тоже проснулась. Спрашивает:

— Откуда ты взялся?

— Только что с дороги. Едва успел платье переменить.

— Дверь затвори. Заметят!

Пока они там шуршат, отсяду подальше от переборки. Как бы наша барышня не проснулась!

— Как уверенно господин держится ночью во дворцовых женских покоях...

— Так ведь Седьмая ночь! И потом, мы, гонцы, всюду вхожи.

И хихикает.

— Если узнают, я пропала! Меня отстранят от состязаний. А батюшка поедом съест...

— Не бойся! Не отстранят. А батюшке твоему уже не до того.

— Не до меня?

— Понимаешь, я ему такие вести привёз! Господин старший советник просто потрясён. А мне на Новый год непременно выйдет повышение. Тут даже вроде как предсказание было: крадусь я сюда, а навстречу какая-то побродяжка. Простёрла руку: «Завтра о тебе вся Столица заговорит!»

— О, да! Если выяснится, что ты позоришь свитских дам Государыни-матери!

— Да я разве ж позорю? Я с величайшим почтением. Подвинься только немножко.

— Ах нет!

Опять шуршат.

— Так вот, — продолжает ночной гость. — Скажи-ка: вот ты знаешь, сколько у нас в Облачной стране земель?

— Так, — вот теперь барышня Метель, кажется, правда рассердилась. — Ты, значит, прокрался, как вор, в Грозовой покой — проверить, насколько я сведуща в землеописании? Я ведь сейчас закричу, и будь что будет!

— Ну не надо, не надо, хорошо. Всё равно через несколько дней всё узнаешь...

— Нет! — уже вроде со слезами. Но тихонько.

Как странно некоторые люди живут. Не дорожа своим добрым именем, среди ночи врываются во Дворец — похоже, к дочери любимого начальника. После долгой разлуки. И что же? Барышня его новостей слушать не желает, он насчет состязания не любопытствует. Если уши мне не врут, эти двое прямо так, с ходу предались любовной страсти. Сквозь слёзы, но надолго.

Мой вот супруг слово «не надо» понимает с первого раза. Только сама не знаю, хорошо это или плохо. Может, надо было плакать и противиться. Может, господину Хатидзё не хватало сознания собственной дерзости...

Сестрёнка захныкала, мачеха, почти не просыпаясь, взяла её кормить.

За стеной не обратили внимания. Продолжают.

Всё-таки хорошо, что в нашем скромном городском жилище — не в укор Дворцу будь сказано — всегда можно на ночь уединиться. Чтобы никто ничьих охов не слышал.

Зато завершение у них красивое. Молодой господин выдохнул — и вполголоса читает:

*Даже когда бы
Рекою небесною
Нас разделило,
Нынче на зыбком мосту
Встретиться нам суждено!*

Мачеха встrepенулась. Недоумённо

прислушивается.

А ведь ей, бедной, уже наверное и во сне мерещатся состязания...

— Да тише ты! — шипит барышня Сандзё. — Я хотела сказать: *Если б сороки трещали поменьше ночью свиданья...* Нет. Дальше не получается.

Госпожа Намма в потёмках мне вопросительно кивает: это что? Это где? Показываю ей знаками: это нас не касается, но давай послушаем, что будет.

А Метель тем временем объясняет:

— Мне от стихов сейчас — одно расстройство! Поручили сложить полтора десятка, для повести, для Государыни! Не могла же я сказать... В общем, ты даже кстати явился столь бесцеремонно. Вот и сложишь нам эти песни. В великой тайне. Во искупление моего позора.

— Погоди. Какие песни?

— Мужские, в том-то и дело. У меня все места записаны, сейчас найду!

Вообще-то это жульничество. Хотела бы я знать: а с теми стихами из её прежней повести — тоже так было?

— Вот, держи. И — ах! Если ты их успеешь сложить за пару дней, мне ничего не останется, как вновь тебя впустить. Раз уж гонцы всюду вхожи...

— Ничего не разобрать... — посетитель шелестит бумагой. — Но ты не сомневайся, я сделаю.

— Ты только осторожненько, молодой господин, — напутствует старуха.

Тут-то барышня Намма и заявила во весь голос: мне мокро!

А с утра всё пошло вкривь и вкось. Сначала то и дело заходили дамы в белом, пересчитывали нас и о чём-то шептались. Потом Рассветную госпожу затребовали к Государыне. Она вздохнула и предупредила: это, наверное, до самого вечера.

— А как же мы без тебя? — спрашивает барышня Сандзё. — Может быть, если так, я быстренько съезжу

домой? Потому что повести я с собою взяла, а стихотворных сборников — нет. А мне сейчас они нужны. Для образца.

Поколебавшись, госпожа Третья Застава выписала ей разрешение. А мы отпрашиваться не стали: бабушка всё равно на службе, тут же во Дворце. Что нам одним дома делать?

Зато можно было бы посмотреть Дворец. Только ведь мы заблудимся... Но тут Пересмешница говорит:

— А давайте я вам покажу?

И пошли гулять, как настоящие придворные.

* * *

Воевода Восточных земель — старшему советнику Сандзё

Послано с гонцом Податной палаты

... Двенадцать лет назад я вообразить не мог, каково это — постоянно жить у моря. А теперь понять не в состоянии, как я жил в Срединной столице, моря не видя. Смотрю направо: мои леса, смотрю налево — мои волны! А Дворца отсюда не видно.

Псылаю тебе здешних яблок, две сотни. Гонцу в пути дозволено отведать, но не больше, чем совесть подскажет. Он, конечно, ещё очень молодой, но усердный и не злонамеренный. Если я верно угадал, что ты хочешь с ним породниться, — думаю, ты опять выбрал правильно. А оруженосец при нём, или как у вас в Палате такие зовутся, — тот вообще умница.

Ты подивился бы, кем я тут слышу в последнее время. Местные приходят — за наставлениями в Законе Просветлённого. Стыдно: не силен я в этом. Скоро придётся монахов запросить. В какой храм лучше писать? Чтоб надёжные были.

Всё тут изобильно, всё тут хорошо — воды рыбой кипят, в полях жерди снопами увешаны, воины верные, дикари обучаемые, женщины послушные. Только вот друг далеко — горько! Новый Государь — это всегда новые тревоги. Так что уж ты мне поскорее напиши.

Как подумаешь порою, грустно: уже третьему Государю службу несём! Старые мы с тобой...

Старший советник Сандзё — воеводе Восточных земель

С нарочным

...Быстрый гонец с тайным приказом — как не затрепетать? Добрые вести от давнего друга — как не обрадоваться?

Новые тревоги не тяжелее старых. Пусть мы не молоды, но знаем: без нас не обойдутся. Когда в стране каждый на своём месте — как удалить, как переставить? Когда каждый делает, что должен, — откуда взяться дурным знаменьям?

Не бойся зоркого глаза, чуткого уха, длинного языка. Нет родни ближе, чем друг.

В ведомстве нашем дела небывалые: заместитель главы сидит за бумагами и яблоко кушает. Все дивятся, откуда такое, а я не признаюсь.

Хожу думаю, чем бы порадовать. Браги столичной бочонок — не расселся бы. Посуды — не черепки ли довезут? Женщины меня надоумили: нашим бойцам в дальнем краю кроме шкур звериных одеться не во что — хоть шёлку пошли от наших тутов тамошним соснам!

Насчет монахов погоды, сам отберу. Речистых, да не болтливых.

* * *

Господин Намма, следователь Полотняного приказа

Не сам

(девятый день седьмого месяца того же года)

Совершенно невозможно сосредоточиться.

В жиллом Дворце, должно быть, всюду сквозняки. Из еды одни закуски, нехорошо для кормящей матери. И надобной дамы никогда нет на месте, а все прочие

молча ходят мимо. Это не моя, мол, обязанность — лекарку тебе звать...

У госпожи Наммы нрав не дворцовый. Как начнёт без вины извиняться, все и поверят. Старшая дочка, чего доброго, не смолчит, если заметит злоупотребления. Так и скажет кому-нибудь из служилых старух: да ты, госпожа, никак лихоимица? А младшая — как бы не попалась в руки малолетних Государевых родичей. Занячат!

Тишком проведать? Сыщик Намма, пожалуй, со стены бы прыгнул и во дворах не заблудился. И старшая всё поймёт, и жена тоже, но младшая — пока не обучена, как вести себя на тайных свиданиях. А услышат — тут такое начнётся! Никто же не поверит, что бессердечный Полотняный чиновник по личной надобности рыщет в покоях Государыни.

— Господин средний советник... — докладывает дневальный. Что за дурная привычка недоговаривать?

— Что такое?

— Ээ... Стража там к тебе. Скажу, что занят?

— Да чего уж там. Зови.

Очень он удивился. Вообще-то в Полотняном приказе столичные стражники не в чести, ждать им положено не меньше получаса.

Приходят они почти всегда за одним и тем же. Чтобы свалить дело на Полотняных. Редко в каком безобразии в Столице не замешан хоть один чиновник. И сами пострадавшие охотно заявляют: меня, дескать, не просто так поколотили на улице, а как должностное лицо! То же и задержанные. Как оказался в чужой усадьбе? Торопился на службу, избегал запретного направления, пришлось пройти напрямик... А приказные потом разбираются, почему у него в рукавах оказались чужие чашечки. И насколько этого требовала служебная необходимость. Увидишь стражника — жди мороки.

А этот — даже не глава отделения. Младший надзорный. По мятым штанинам видно: до самых

дворцовых ворот шёл в сапогах. И ни таблички, ни бумаги в руках нет.

Кланяется:

— Осмелюсь просить содействия. Тут у нас податной чиновник в пруду утонул. Грамот разных в доме много, какие из них тайные, мы не знаем.

— Ясно, — средний советник Намма со вздохом поднимается. — Сам посмотрю.

На самом деле стражники молодцы, что сообщили сначала в Полотняный приказ, а не непосредственному начальству утопленника. При таких досмотрах много любопытного порою вскрывается.

По дороге стражник рассказывает: покойного уже опознали, это молодой господин Канадакэ, разъездной смотритель Податной палаты. Обнаружен был рано утром, в пруду собственной усадьбы.

— И что неприятно: прислуга его уже кричит: «Убили, убили!» Мы, конечно, цыкнули, однако ж...

В лицо этого Канадакэ следователь Намма не помнит, но имя — на слуху. Кажется, он слышит подающим большие надежды поэтом.

Усадьба у него — на Седьмой улице, на восточной стороне. Совсем недалеко от того квартала, где несколько лет назад жил младший советник Хокума. Теперь тут Полотняных совсем не осталось — одни Податные.

Сад не очень большой, но ухоженный, с горками и беседками. И с тем самым прудом, в котором разъездного смотрителя обнаружили. Пруд мелкий, берега никак не назовёшь обрывистыми, оползней не заметно. Где вытаскивали — видно сразу, земля в кашу растоптана.

Тело перенесли в садовый домик. Рядом стражник постарше, кланяется. Монахов ещё нет. Может, оно и к лучшему — для следствия. Поодаль сидят на земле шестеро слуг. Видно, что горюют, а самый старенький причитает в голос:

— Вот ведь, вот ведь... С войны вернулся невредим,

а дома...

— Когда это господин смотритель побывал на войне? — поворачивается к нему Намма.

— Да только третьего дня воротился... В приграничье посылали его...

Теперь остальные тоже заплакали.

— Стихи оставил, — негромко сообщает здешний стражник. — Может, он и правда сам.

Следователь поднимается в домик: взглянуть на тело. Сыро сегодня, одежда на мертвеце ещё совсем мокрая. Не должностной, домашний наряд на тёплой подкладке.

— Господин ночевал в саду?

Один из слуг кивает:

— У него заведено перед сном погулять. Песню, видать, слагал...

Не похоже, чтобы тело всю ночь пробыло в воде.

— А вы где были?

— Нам господин сказал: больше ничего не надо. Ну, мы и заснули. Просыпаемся утром, а он — там...

При жизни господин Канадакэ, наверное, был пригожим. Лет двадцать или около того, ростом невелик. Причёска размокла и распустилась, на скуле ссадина. И ворот платья надорван. Даже если тело с трудом тащили из воды, мокрый плотный шёлк так не разорвался бы. А не похоже, чтобы податной смотритель ходил по усадьбе в драном.

— А что за стихи?

Их так и оставили лежать на письменном столике. Писчий прибор тут же. На бумажной полоске бегло написано:

Ветер отчизны!

Дорогу далёкую

Ты обещал мне...

Горе! На трети пути

Примет пучина меня.

Следователь Намма подходит к двери, смотрит в сторону пруда. Потом оглядывается на покойника. Переводит взор на стражника у порога:

— Нет. Не думаю, что сам.

Что есть и чего нет

(тот же день)

Слуг советник Намма переписал поимённо. Сперва недосчитались двоих, потом одна нашлась: старуха, жена того старика, совсем ветхая — всё ещё спала в дальнем углу, о гибели господина не слышала. Да и услышав, кажется, не поняла.

Хуже со вторым отсутствующим. Это тот, кто бегал за стражей, ближний слуга: он сопровождал Канадакэ в недавней поездке на границу. Сливёт расторопным... Оказалось — слишком расторопен: стражу-то он позвал, а сам куда-то делся. Допустим, после стражи он известил родичей и начальство своего барина. Но и оттуда мог бы уже вернуться.

Если там виноватого уже нашли — вот этого самого малого — и заперли, это объяснимо, но дурно. Потому что ни Приказу, ни стражникам не сообщили. И по правде это называется — самосуд. Или ещё — сокрытие свидетеля. Если же слуга сбежал, то он и у Наммы попадает в первые подозреваемые.

Признаки борьбы на теле и одежде погибшего. Невнятные, но учёта требуют. Предсмертные стихи неубедительные. Сыщик Намма не поэт, но даже он не назвал бы этот прудик «пучиной». И что такое «треть пути»? Двадцать лет, если считать человеческий век за шестьдесят? Так со слов слуг, двадцать погибшему уже исполнилось, и даже двадцать два. Что за обещанная дорога? Долгая деятельная жизнь на службе Облачной державе? Ветер... Надо расспросить знатоков. Может, это вообще чьи-то чужие строки. Хотя рука — Канадакэ, слуги подтверждают.

Мог ли стихотворец утопиться с горя, решив, что песня вышла дурно? За морем такие случаи бывали, но

у нас едва ли. Разве что в припадке безумия.

А по дому никакого помешательства не заметно. Но и подчёркнутого предсмертного порядка не навел молодой хозяин. Дом обставлен недёшево, но и не пышно, бумаг и книг очень много, попадаются на каждом шагу. Все их сыщик просматривает и заносит в список. Получается четыре разряда.

Первый — это сборники стихов, подборки изречений к случаю, повести. Ничего примечательного, на первый взгляд.

Дальше — хозяйственные записи. Расходы и доходы свои молодой господин учитывал тщательно. Долгов вроде бы нет, и сам расписок от должников не накопил. Есть подробные указания о том, как пользоваться захворавшую лошадь, но при этом — никаких лекарственных указаний для человеческих нужд. Непохоже, что до пруда его довела неизлечимая болезнь. А, нет, вот одна пометка есть: уплачено столько-то знахарю, который лечил ту самую старуху-служанку.

И список дорожных трат из последней поездки. Видно: посыльный Податного ведомства ехал быстро, но не то чтобы без отдыха и пренебрегая удобствами. Кое-где набросаны начерно строки о красотах проезжаемых мест.

Третья пачка, самая любопытная и едва ли не самая пухлая: личная переписка. Сразу две семьи поддерживали молодого господина советами и средствами из имений. Дядя по отцу в недалёкой столичной округе, дед по матери — на западе. Родители, как узнал Намма, оба скончались, погибший был их единственным сыном, дожившим до вступления в службу. Дедушка, кажется, чуть ли не ежемесячно запрашивает начальство Податной палаты об успехах Канадакэ, а потом ему же и пересказывает отзывы. Хвалят, старик велит не заноситься.

Есть и письма от женщин. Все красавицы под изящными прозвищами, буквы бледные, в современном

вкусе. Несколько разных почерков понемножку, в том числе даже от госпожи Бессонницы: родни семьи Гээн, дамы со странностями. И одна, должно быть, счастливая любовь. Нужно будет потом внимательнее прочесть эту подборку, но на беглый взгляд — намёков на ревнивого мужа не заметно.

А вот это уже не дама. Уверенная рука, густая тушь, буквы вперемежку с материковыми знаками. Некто «Каннити-бо». Имя храмовое. Родич или приятель молодого господина ушёл в монахи? Или собирается? Пишет учёным слогом, но тоже со стихами. *Жизнь подобна мороку, дымке над жаром, в мире зряшной суеты — ничего не жаль.* Спрашивается: и это — повод, чтобы топиться?

И наконец, стихи самого Канадакэ. Набело и начерно, десятками — хватило бы на целое личное собрание, даже если половину отбросить. Хороши они или плохи — среднему советнику судить сложно, но скорее — хороши. Набросков песни про ветер отчизны нет, так что опять же сомнителен давний умысел на самоубийство. И вообще стихи скорее жизнерадостные, при всех положенных потоках слёз. Чувствуется: писал очень уверенный в себе юноша.

И тут же, другим почерком — какое-то оглавление:

Встреча с любимой. Ранняя весна.

Свидание. Счастливое. Любое время.

Прощание со Столицей. Лето.

Разлука с любимой. Лучше на берегу. Тоже лето.

Кораблекрушение.

Острова бессмертных. Вечное лето.

Долгожданный берег. Осень.

В восторге. Осень же.

Заздравное на пиру.

Я не достоин столь Высокой Особы.

Что-нибудь умное. Зима.

Про войну, печально. Зима.

Прощание навсегда. Поздняя весна.

Вновь на родине. Берег, лето.

Вновь на родине. Столица, осень.

Воссоединение с любимой. Примерно в десятом месяце.

Кораблекрушение, значит. И «вновь на родине» прекрасно сочетается с «ветром отчизны». На изрядный срок вперёд расписаны строки, которым предстоит внезапно вырваться. Причём расписаны, кажется, не самим сочинителем. И то, что сочли предсмертными стихами, — из этого перечня?

А вот чего среди бумаг Канадакэ нет — это никаких служебных грамот. Ни предписаний, ни отчётов. Должностной календарь с дневником ему по чину не положен, но многие заранее на простой бумаге начинают вести подённые записи, чтобы приучиться. А погибший явно был из таких молодых служилых — с большими ожиданиями. Но, видимо, очень заботился о тайнах Податной палаты и бумаге их не доверял.

А из палаты этой так никого и не прислали. Придётся Намме самому туда идти.

Начальник

(тот же день)

С главою Податной палаты объясняться бессмысленно. Он, скорее всего, своих служащих даже по именам всех не помнит. Особенно по утрам. Зато заместитель его, господин Сандзё, слывёт человеком дельным.

Следователя Намму он принимает без задержек. Кланяется вежливо, но смотрит насторожённо. Как обычно и встречают Полотняных чиновников.

— Я по поводу разъездного смотрителя Канадакэ...
— начинает Намма медленно. Как он и ожидал, Сандзё перебивает:

— Он вам попался.

Это не вопрос. Кажется, никаких сомнений у старшего советника нет. Только вот — в чём это он

уверен?

Намма не отвечает. Подымает бровь. Сандзё продолжает:

— Я этого опасался. Молодость и пыл — не оправдание для явлений во дворце в неурочное время. И тем более — в недозволенном месте.

Сыщик качает головой.

— Видишь ли, это от меня будто бы тайна, — говорит Сандзё дальше. — Но были у меня подозрения, что юнец попытается пробраться к покоям Государыни-матери. В Седьмую ночь или одну из ближайших. У него там сердечная страсть, с позволения сказать. К некоей служилой даме.

— Всё гораздо печальнее, — вздыхает Намма. — Господин Канадакэ мёртв.

Старший советник резко выпрямляется. В недоумении смотрит на Намму. И чем дольше смотрит, тем глубже мрачнеет. Наконец выговаривает:

— Кровопролитие во Дворце?

Перед ним же не просто сыщик — младший и особо доверенный родич главы Обрядовой палаты, господина Асано-старшего! Скверна во Дворце...

— Нет, в его собственной усадьбе. И без крови обошлось. Разъездной смотритель найден утонувшим. В пруду.

— Что за... — следовательно ждал бы, что сейчас податной сановник выдохнет с облегчением. Нет, встревожился едва ли не больше прежнего, еле-еле владеет собой. — Что за чепуха? Там глубины по колено. Как это утонул? Пьян был?

— Пьян он не был. А как утонул, мы сейчас как раз и выясняем.

Сандзё на мгновение прикрывает глаза. Открывает. Говорит уже гораздо сдержаннее, и всё равно напряжённо:

— Прошу простить мою резкость. Но доклад-то цел?

— А что за доклад? — осведомляется Намма.

Как кукла с головой на палочке. Где-то там внутри противовес раскачивается, голова кивает и задаёт все вопросы, которые положено. Ровно, спокойно. Кто бы ни был жив или мёртв, Полотняному приказу любопытно всегда одно и то же. Где бумаги, все ли бумаги, те ли именно бумаги, за которые отвечал своим чином и жизнью данный чиновник...

Старший советник оправляет рукава, вздыхает. Страх на лице уже нет, как ни странно — только печаль. Из-под пудры проступили морщины. Он ведь, пожалуй, на два десятка лет старше сыщика. Глухо произносит:

— Разъездной смотритель позавчера прибыл в Столицу из проверочной поездки на восточный рубеж. Доставил письма и донесения. Ему было дано два дня на подготовку собственного доклада. По итогам. Получил разрешение работать над запиской дома, представить должен был завтра. Это допустимо — он вернулся как раз на два дня раньше, чем предполагалось. Список доклада, по рассмотрении, должен быть направлен в Военную палату. Вы — эти — бумаги — нашли?

Если кто-то от самого рубежа следовал за гонцом, но настиг его только здесь, и убил, желая скрыть что-то, чему следовало быть сказанным в докладе... На многое способны удалцы из немирных восточных земель. Но чего они пока не умеют — так это действовать тихо. Настолько тихо, как принято в Столице. Тогда дело, может быть, разрешится просто. Убийца мог преуспеть, но не мог незамеченным въехать в Столицу. И покинуть её — тоже.

Сандзё продолжает до неприличия пристально смотреть на сыщика. Намма качает головой:

— Никаких служебных бумаг в усадьбе не обнаружено. Ни доклада, ни даже черновых набросков.

Старший советник задумывается:

— Странно... Канадакэ — не из тех, кто оставляет ответственную работу на последний день. Хорошо, хоть устно успел отчитаться.

Нешироко, но резко взмахивает веером:

— Доклад мы составим. По привезённым грамотам и его рассказу. Об этом — не беспокойтесь. Только... всё равно жаль мальчика. Как же это он?

Намма склоняет голову:

— Выясняем. Какие-нибудь бумаги для подготовки этого доклада у господина Канадакэ оставались?

— Насколько знаю, нет, — отвечает Сандзё. — Разве что личные записи для памяти или наброски. А все грамоты с печатями гонец обязан сдать немедленно по прибытии в Палату. Что и было сделано.

И ещё раз, настойчиво:

— Так что там произошло, господин средний советник? Несчастный случай? Самоубийство? Или...

— Выясняем, — повторяет Намма. — А ты бы что предположил?

— То-то и оно, что не понимаю. Разве что ограбить хотели. Но будь это налёт грабителей — уже весь город о том говорил бы.

— Не знаешь ли: не привозил смотритель из этой последней поездки что-то ценное? Лук восточной работы, седло, дикарскую диковинку, шубу морского бобра... Книгу, в конце концов? Что могли украсть охотники именно за такой редкостью, не тронув остальное имущество.

Что-то булькает в горле старшего советника. То ли смех, то ли кашель, то ли всхлип:

— Яблок только привёз, две сотни. Здесь оставил. Хотите?

Уже уйдя из Податной палаты, следовательно Намма сообразил, где ещё можно попытаться поискать доклад. И пожалел, в кои веки раз, об отсутствии в Столице своего благочестивого зятя. Проверить храмы, разумеется, возможно и без него, но любопытно также: слышал ли о монахе Каннити господин Сандзё?

Послал письмо с вопросом. Получил незамедлительный ответ. Никакого такого храмового человека старший советник не знает. Наведёт справки.

И, со своей стороны, просит принять меры, чтобы сведения о случившемся не дошли до Грозового покоя. Иначе дочь господина Сандзё, служащая ныне Государыне-матери, может расстроиться и провалить ответственное задание.

Где пролегает наш рубеж?

(девятый день седьмого месяца)

Вообще Полотняные чиновники трудятся, не смыкая глаз: с рассвета до заката, а потом на службе остаётся особый ночной порученец. Бывает, что даже глава Приказа задерживается до часа Петуха. Но крайне редко он в эту вечернюю пору вызывает подчинённых с докладом. Особенно следователей.

Начальником у господина Наммы — его старший родич, главный советник Асано, сын главы Конопляного дома. Двоюродный дед Государя. Всегда безукоризненно одет, напудрен и покрашен, в лице и теле — округлая продолговатость. Ни излишней суетливости, ни недостойной медлительности в движениях. И только давний подчинённый, такой как Намма, заметил бы во взоре его непреходящий ужас.

— Что у нас по Податному делу? — вопрошает Асано.

— Подозрение на убийство.

Вопреки ожиданиям, главный советник не говорит: вы уж как-нибудь поскорее с этим разделайтесь и доложите. Подаёт знак веером: продолжай.

— Разъездной смотритель Канадакэ досрочно воротился с восточного рубежа. Получил от своего начальства дозволение работать над докладом дома. Сегодня утром обнаружен мёртвым в собственном саду. Доклада ни при нём, ни в доме не найдено. Даже никаких набросков. Зато имеются признаки насильственной смерти. Свидетелей разыскиваем. Прежде всего нам нужен слуга, сопровождавший смотрителя в поездке: исчез к утру, не ясно, добровольно ли. Затем хотелось бы потолковать с

монахом, с которым Канадакэ состоял в длительной переписке. Запрос по храмам разослан. И наконец, нам не хватает женщин. Погибший имел виды на дочь своего начальника. Возможны соперники, но выяснить это затруднительно без помощи дам.

Намма скромно отводит взор, намекая: нет ли у господина Конопляника на примете какой-нибудь сплетницы?

Асано, однако, хмурится:

— Ты опять не видишь за человеком чиновника. Любовные приключения для нас третьестепенны. Главное — доклад. Ты вообще-то представляешь, что там происходит на Востоке, на границе?

— Увы. Моя осведомлённость постыдно недостаточна...

— Если бы только твоя!

Главный советник веером выписывает в воздухе совсем неуставную загогулину.

— И Военная палата. И Податная. Даже календарщики теряют терпение! Все терзаются неизвестностью. Воевода Восточных земель на своей должности уже двадцать лет. Замиряет дикарей. В последние лет десять одерживает блистательные победы. Одну за другой. О чём и сообщает, с завидным единообразием. По всем расчётам, дикари давно должны были кончиться. Да видно, плодятся. А воевода подкреплений не запрашивает. И довольствия ему хватает. И лошади там у него недохнут, в отличие от прочих наших рубежей. И даже стрелы почти не расходуются.

Такой отчёт о своей сыскной службе Намма, наверное, тоже мог бы составить. Преступники сами себя выдают, честные подданные сотрудничают добровольно, а казённые осведомители не взыскуют награды... Только для этого господину Намме нужно было бы одно из двух: или побольше достатка, чтобы вести расследования за свой счёт, или поменьше любопытства — чтоб не возиться с ними вообще,

обходясь одними отписками.

— Понимаешь, родич, — грустно молвит Асано, — я, конечно, в ратном деле не разбираюсь. Но вот и господа Ямадо из Военной палаты недоумевают: как он воюет? Выезжает перед неприятелем, натягивает лук, и все тотчас обращаются в бегство? Ведь что любопытно: ни прямых прошений, ни окольных намёков на перевод с повышением в Столицу...

А намекать следовало бы. Если воевода не хочет быть заподозренным в том, что забросил службу, сговорился с дикарями и живёт там на Востоке в своё удовольствие. Не боится, ибо честен? Или уверен в своей незаменимости? Или просто считает, что Восточный рубеж слишком далеко? Но ведь прислали к нему гонцом нашего Канадакэ...

— А где, собственно, пролегает этот рубеж?

— А кто ж его знает... Были бы у нас чертежи тех мест или внятные описания... Воевода, похоже, сам нарекает все эти селения и урочища.

— И тоже единообразно?

— Самыми благовещими именами, — кивает главный советник. — К этому он вообще внимателен. Календарщики говорят, все свои победы он одерживает исключительно в удачные для себя дни.

Намма, кажется, понял, какое подозрение тревожит главу Приказа. А был ли гонец на границе? И все предыдущие гонцы тоже. И не вершит ли воевода свои подвиги где-нибудь в усадьбе на Восточных холмах в двух часах пути от Государева дворца? Или воеводы вообще давно нет в живых, как и его войска со всеми лошадьми и боеприпасами — нет.

И тогда — мало ли где может оказаться наша немирная граница...

— В общем, так, — господин Асано складывает веер. — Доклад ты мне найди обязательно. Мне. Прежде, чем его обнаружит Податная палата, или Военная, или кто угодно ещё. У них — свои заботы, а у нас — своя, наиважнейшая. Воевода ведь там выполняет Государев

приказ. Нами же и составленный, написанный и припечатанный. Ещё при моём предшественнике.

Следователь Намма кланяется. Ещё не распрямившись, слышит, как смягчается голос главного советника:

— А что касается дам... Я знаю, у тебя все основные осведомительницы — из хорошей семьи. Из нашей. Неужели не справятся?

— Так в том-то и дело, — разводит ладонями Намма, — что я им даже задания не могу сейчас дать. Затребованы во дворец, пребывают при Государыне-матери. Все, вплоть до новорожденной.

— Да-а, — задумчиво произносит Асано, — поистине тяжело. Но ведь и Государынины покои — не валунами завалены! Я договорюсь, чтобы тебе дозволили поговорить с твоими домашними. Переписке такое доверять не следует!

* * *

Монах Каннити — разъездному смотрителю Канадакэ

...воин, чиновник, монах — каждый по-своему обороняет державу. Звоном тетивы, шорохом бумаг, стуком чёток все мы отгоняем неприятеля. Внутренних врагов: ложные помыслы, что движут и нами самими, и ближними нашими. И порой — лучше отдал бы жизнь за человека, чем пытаться его переубедить...

Что знаем мы о воеводе Восточных рубежей? Как обычно: меньше, чем кажется, и много меньше, чем хочется. Господин служилого рода, потомок в пятом колене государева брата, означенного в летописях именем Царевич Хираока. Отца потерял в моровое поветрие, воспитывался в Столице дядею, а дядя перед тем сам водил войска на дальних дикарских рубежах. Обучался также и в Училище, с однокашниками сходилса хорошо, но — много ли кто из них жив до сих пор? Краток путь наш... По крайней мере, ни один из его тогдашних товарищей не встречает ныне старость под

плащом монаха, это я проверил.

В год своего совершеннолетия он выиграл Государеву награду на состязаниях конных стрелков. И затем служил в Военной палате. Известен был должностным рвением, отчаянной удалью в езде по улицам — верхом ли, в повозке ли — и верностью в дружбе. Передают, что ещё — грубостью с женским полом, удивительной для столичного кавалера. Злославный царевич Кандзан высмеял эту его черту в стихах, которые приводить не стану.

В годы столичной службы не раз восклицал: хоть бы услышать клич дикарей близ своего шатра! Думали: хвастает, оказалось — не так. При начале прежнего правления назначен был проверить те рубежи, что за Рассветным краем. И с радостью отбыл. Выявил недосмотры, удостоился похвалы. Оттуда послан был на северо-восток, за перевалы. С тех пор в Столице не бывал. Бережлив к людям и припасам, донесения о победах всякий раз присылает своевременно. Иные дивятся: до чего своевременно, при таком-то удалении от двора...

Что ещё? Не женат, бездетен, со старшей роднёй почтителен, но без большой близости. Много ли нажил в походах — говорят по-разному. Тому, чей постриг мы ныне все оплакиваем, предан был без искательства и особых милостей не снискал.

Из тех людей, кого я знаю, один, лучше всего знавший когда-то господина воеводу, говорит: этот стрелок умеет подолгу держать тетиву натянутой. Не берусь толковать его слова. И вот что, по-моему, важно: ни о твоих, ни о моих ровесниках я не слышал, чтобы кто-нибудь из них предпочёл постриг назначению на Восток, под начало этого грубияна. Любопытно, каковы настроения его нынешних подчинённых — и их состав.

Молюсь за тебя — а ты за меня скажи, да не спотыкайся.

* * *

Госпожа Хатидзё, урожденная Намма

Подобно вчерашним снам

(девятый день седьмого месяца)

Рассветная госпожа при Государыне провела весь день. Вернулась сердитая, но подтвердила: ничего не отменяется, завтра с утра продолжим.

Занято: уж как моя мачеха боялась ехать во Дворец — а теперь обрадовалась, что мы тут остаёмся. Сестрёнка же будто бы ничего другого и не ожидала.

А барышня Метель вернулась очень поздно и какая-то совсем тихая. И наутро вышла такую же.

В ясную погоду здесь очень красиво. Вот как вчера было. И сады, и палаты. А сегодня — дымка от прудов поднимается. Не холодно и даже не очень сыро, но лучше бы мы, наверно, подольше поспали, чем еле-еле ползать всё утро. Пока проснулись, нарядились, набилились, пока поели и дитя покормили... Кажется, время уже к полудню, выбрались все в рабочий покой, а там тоже всё как в тумане. И медной патиной пахнет от курильниц.

Третья Застава явилась, оглядела нас: все на месте, Пересмешница тоже — в углу сидит, готова наблюдать. Но почему-то Рассветная госпожа подзывает меня.

Протягивает листок:

— Тихо, — велит сквозь зубы. — Руку узнаёшь?

А что — руку? Нетрудно так писать, как девочка по прописям.

Пишет: *Чистота Облачных чертогов подобна горному снегу. Нынче же по Столице расползаются толки: из-за жестокой красавицы утопился кавалер. Оно бы и не ново, да только трепещу: место ли подобной особе во дворце? В дни, когда помыслы всех читательниц устремлены к Грозным покоем?*

— Донос как донос, — говорю шёпотом. — Или кто-то недавно грамотный, или изображает. А кто утопился-то?

— Послали проверять.

Иногда даже утешительно, что влюблённых кавалеров у меня нет. У сестрицы тем более. И у мачехи тоже. Худо, если это не к нам — и всерьёз. Если это нашего наблюдателя хотят удалить. Или Метель. У неё решительный, конечно, приятель, но чтоб ещё и утопить какого-то несчастливого соперника...

Поработали кое-как. Не очень клеится сегодня. Рассветная госпожа ждёт известий, барышня Сандзё точно спит, мачеха одна пытается набросать, как со слезами вся Столица провожает нашего путешественника в гавань. Жалостно получается, но длинно и всё как-то не так.

Появилась, наконец, служительница с письмами. Третья Застава прочла. Вздохнула.

Повернулась к нам. Дождалась, пока та дворцовая дама удалится. Объявила:

— Печальные новости. Разъездной смотритель Податной палаты, молодой господин Канадакэ, скончался сегодня утром.

Не успела я спросить, а что для нас это значит, — барышня Метель упала без чувств. Кисть выронила, по бумаге и по подолу — чёрные кляксы. Не притворяется, иначе платье поберегла бы.

Так что, это он и есть? То есть — был. Её ночной гость. Ну, да: гонцы, говорил, вхожи всюду...

Приехал и такое привёз, что вся Столица должна была о нём заговорить. Вот и заговорили. А что — «такое»? Нет бы Метели его тогда выслушать...

— *«С самого начала, — произносит Наблюдатель, — можно было понять: и жизнь, и смерть, и свобода пусты, подобны вчерашним снам».*

Я-то знаю эти слова. Они из книги монашеской, мой муж её наизусть иногда читает. У Пересмешницы, наверно, родня тоже благочестивая...

Вчерашним снам. А я понятия не имею: господин Хатидзё ещё жив в своих странствиях? Или где-нибудь со скалы сорвался? Хотя тогда во Дворец сообщили бы,

чтобы меня отсюда убрать. Скверна же и на родню ложится, даже когда человек не дома умер...

Рассветная госпожа про своего господина наместника давным-давно знает. И всё равно — видно, что вспоминает, как про него узнала, что умер... А мачеха просто ревёт. Она так много лет уже ревёт, то в открытую, то молча. Ещё с тех пор, как господин Намма к ней только начал ходить. Про сыщика, никогда ведь не известно, дождёшься его со службы или как... А от брата её, посла, вестей нет уже совсем давно.

И сестрёнка подхватила, как на неё слёзы закапали. Громче всех.

Когда Метель в себя пришла, первое, что сказала:
— Я боюсь.

Горе, видно, будет ещё. Но пока — что-то хуже горя. Она правда вся дрожит.

Третья Застава её резко спрашивает:

— По-твоему, ему есть за что на тебя гневаться?

Да не призрака она боится, ясно же! Призраку, может, и рада была бы. Вот только он сюда в Государев Дворец точно не проберётся...

— Я не знаю, — говорит барышня. — Я вообще... Не понимаю, что они... Что у них стряслось...

— У кого «у них»?

— Да у всех. Батюшка, наверно, узнал, что он...

Рассветная госпожа задумалась. Молвит:

— Что он сюда приходил? Узнать-то мог. Сплетников во Дворце хватает. Да что с того? Господин старший советник, я слышала, тебя замуж за него уже собирал. В ближайшее время, как только смотритель повышение получит.

Краем глаза вижу: Пересмешница молча кивает.

Метель лицо закрыла рукавом и только повторяет:

— Я не знаю. Я ничего уже не знаю...

Мы в наш угол спрятались, успокаиваем сестрицу, перепелёвываем — пока весь двор не сбежался. Когда

та уже устала, приумолкла и даже решила покушать, заглядывает к нам Рассветная госпожа. Присаживается, говорит задумчиво:

— Скверна или нет — это, конечно, не нам решать. Я Метель всяко предложила бы домой отпустить. Только она твердит, что домой — тоже боится. Вы-то не знаете, с чего бы это?

Обидно. Так доверительно, по-деловому спрашивает — как у настоящих сослуживиц. А нам и ответить нечего. Даже Пересмешнице.

Странно. Я, конечно, всего несколько дней знакома с барышней Сандзё. Если б она вообще была боязливая — уже заметно было бы. Так что, наверное, ей и вправду есть чего испугаться. А чего именно — пока не пойму.

И всё-таки. Как понять: «скончался»? Дворцовое слово, самое осторожное для смерти. А как на самом деле? Утопился, как в той записке было сказано? В пьяном виде нечаянно утонул? Дрался с кем-то на берегу рва, или на реке, на мосту — и нашли его потом в воде? Молодой, собою вполне довольный, как я поняла. Службе рад: хоть донесения возить, хоть стихи сочинять... Шарахнулся от какого-нибудь чуда и в воду свалился? Или отсюда уходил, влюблённый и счастливый, замечтался и забрёл в какой-то запретный священный сад или вроде того, в общем, устроил во дворце нечаянное нечестие — и поплатился? Если так, Обрядовая палата за это возьмётся плотно.

Посоветоваться бы с Пересмешницей. Да та куда-то опять ускользнула.

Красная и Белая

(тот же день)

Барышня Намма уснула. Метель сидит тихо, Третья Застава её не дёргает. Работа всё равно стоит, но и не отпускают нас пока.

Слышу вдруг бумажный шорох со стороны крыльца, очень громкий. И ветром дунуло, двери кто-то

отодвинул на всю ширину. Пригибаюсь, не знаю, кто там, как низко надо кланяться.

В досках пола отражается красное. Я уже отвыкла от таких ярких шелков. А это самый яркий: такой носит только Царевна-жрица. Неужто сама?

В дверях две её служительницы, тоже в красном, со священными бумажными метёлками. Царевна своих дам на голову выше, шаг грузный. Кажется, похожа на того своего брата, который царевич Кандзан.

Оглядывает дам своей супротивницы — и взором подымает все глаза к себе. На жрецов надо смотреть прямо, когда то им угодно.

Гораздо старше нашей Государыни. Во всех тяжелых одеяниях держится, будто в домашнем халате. Очень страшно стало бы, если бы такая нахмурилась. Но она не хмурится и не улыбается:

— Скверны нет, — произносит спокойно.

И — барышне Сандзё:

— Ты ни в чём не виновата.

Значит, ей уже доложили про то письмо, насчёт жестокой красавицы.

Жрица из Речного святилища, может, и не главнее главы Обрядовой палаты. Но точно и не в подчинении у него. И что же: она сама пришла проверить, есть ли скверна у нас тут? А если бы была? Ведь для таких проверок младшие жрецы есть, и служки всякие, заменимые. Или сама Царевна оскверниться не может?

Метель не понимает, нужно ли ей отвечать. А Царевна продолжает:

— Оставайся тут и делай, что начала. Не хватало нам ещё замен посреди состязания.

И добавляет — не то чтоб мягче, но потише:

— И не бойся так. Толку-то с этого...

Совсем как батюшкина кормилица.

Во Дворце и Государыня-мать, и супруга Государя — но, похоже, главной женщиной этого дома себя видит Царевна. Хотя и не живёт здесь много лет.

Удалилась со своими спутницами. Мы

переглядываемся.

— Давайте хоть что-то сегодня попробуем записать,
— говорит Рассветная госпожа.

Мачеха кивает. Вернулись к проводам посла.

Или я ничего не понимаю, или для Третьей Заставы появление жрицы было так же неожиданно, как и для остальных.

Оказалось, что сегодня наша Государыня снова пожелала нас видеть. И опять не к себе вызвала, а сама пришла.

Ни о какой скверне и подмётных письмах речи не заводит. О погибшем гонце тоже. Села, ни к кому отдельно не обращается, но говорит:

— Что касается дел в земле Кудара: вот что у нас должно быть. Тамошний государь вступил на престол, наследуя старшему брату. Тот прежде против него злоумышлял, придумайте как, и помогал прежнему царю верный старый советник. Воцарившись, молодой государь этого советника сразу изгоняет. Потому что не понимает: тот не по злонравию против него козни строил. Этот старик — из тех, кто служит царям, а не лицам, и новому государю был бы так же предан, как и прежнему. Советник отбывает в сопредельную державу, в Сираги, сетуя на то, как плохи дела в земле Кудара, и там умирает с горя. На глазах у нашего посла. А царь Сираги идёт на Кудару войной, и некому дать кударскому царю спасительный мудрый совет...

Но какая же это повесть? Это какая-то летопись вроде тех, что изучает мой братец! Все эти непоправимые ошибки, гибель держав, отвергнутые мудрецы... Про такое дамам и думать не положено, не то что читать. А уж писать и подавно.

Даже я это понимаю. О мачехе и говорить нечего. И госпожа Третья Застава смущена, хотя, кажется, чего-то похожего она ожидала. Возражает:

— Может быть, лучше будет, если старик не в изгнание удалится, а слёг от горя, и его тайно вывезла

к себе его давняя любовь? Некая дама из Сираги? Два царства ведь роднились прежде, такая связь между служилыми людьми разных дворов была возможна.

Мачеха подхватывает:

— Они сорок лет не виделись! Советник по долгу службы... А она не желала вредить его доброму имени, но — не забыла... И теперь, в немилости, он...

— Изгнание, — твёрдо говорит Государыня. — Это материк, не наши края.

Тут наблюдатель подаёт голос:

— На глазах, значит, у посла...

— Да! — Мачеха уже сочиняет, её попробуй останови. — Посольский корабль с южных островов приплывает не в кударскую гавань, а в Сираги. И там всех прибывших схватили как подозрительных чужеземцев и доставили к царю. Посол рассказывает всю правду. И про остров Фудараку, и про чудесное целительное снадобье — дар от бессмертных на прощанье. Придворные Сираги говорят: у нас умирает один достойнейший человек, его надо спасти! Это и есть тот изгнанник. Старик сам рассказывает всё, что с ним было. Но снадобье отвергает, ибо жизнь ему уже не мила. Тогда наш посол просит разрешения съездить в Кудару и умолить там, чтобы этого советника простили и вернули. Его отпускают, он всё объясняет кударскому государю...

— Но уже поздно, — молвит Метель. — Потому что советник всё-таки умер.

— Хорошо, — соглашается Государыня. — Так правда лучше. И дальше — как вы придумали. Сираги идёт на Кудару войной, и царю остаётся лишь препоручить послу свою дочь и родовые святыни... В общем, подумайте. Но чтобы всё это было.

Сочинительницы кланяются.

Когда Государыня отбыла, я тихонько спрашиваю Пересмешницу:

— А это по правилам? Что Государыня сама сочиняет?

— Ты не беспокойся. У Царевны то же самое. Им же тоже хочется...

Сотрудничество

(десятый день седьмого месяца)

Наверно, это даже хорошо, что Государыня вчера сочинительниц озадачила. Вместо того чтобы плакать или догадки обсуждать, взялись за работу. И сегодня с утра продолжают.

Я бы так не смогла. Мужских стихов они писать не умеют, а вот говорить за мужчин, хоть за послов, хоть за моряков, хоть за бессмертных отшельников — пожалуйста. Никогда бы не подумала, что на море перед бурей столько пререкаются. А страниц-то всего шестьдесят шесть. Конечно, если помельче переписывать...

Но буря — это полбеды. Долго торговались, сколько дней корабельщиков несло на юг, без воды и припасов. Сошлись на семи-восьми, при условии, что несёт очень быстро. И иногда под дождём. Но потом пошли бессмертные. И что там будет происходить — в счастливой стране, где ничего не меняется?

Заспорили. Может, отшельницы тоже бывают? Нет, говорит Третья Застава. Если женщины, да любовь, да целая вечность впереди, и мы начнём всё описывать — мы этак увязнем и ни до какой Кудары не доберёмся.

Пусть бы наш кавалер научил островитян одеваться по-столичному, — предлагает госпожа Намма. А то что они — всё в перьях да в перьях... Это приняли и какое-то время обсуждали. Заодно выяснили, что там на острове растёт из годного на краски. Надобно знать, что посол оказался большим знатоком и ткацкого дела, и красильного. Однажды в юности он посещал трудолюбивую молодую особу, которая по обычаю старины сама ткала и подбирала узоры... Нет, слишком длинное отступление, не пойдёт.

— Просто он умел с каждым потолковать, о чём тому хочется. И с дамами тоже, не только с советниками.

И часто тем и ограничивался. Потому слава у него добрая, а завистников всего двое.

Это барышня Метель говорит. А Пересмешница опускает глаза. Люди скажут: бессердечная девица эта Сандзё, её милый погиб, а она сочиняет себе...

Для сочинительниц эти люди из повести — будто живые. Сплетничать о них так же занятно, как о знакомых. И тревожатся за них так, словно бы те правда могут случайно помереть, а не когда по рассказу будет нужно. Тоже как живые... Взрослые уже дамы, а ведут себя в точности так, как когда в куклы играешь.

Починили корабль, погадали, в какой стороне искать страну Кудару, только-только отплыли — Рассветную госпожу опять зовёт одна из этих служилых особ, вся в белом, я их в лицо до сих пор не различаю. А зря, между прочим!

— Распоряжение Государыни, — объявляет нам Третья Застава, воротившись. — Нам предстоит ответить на вопросы Полотняного приказа. Всем. Но конечно, о будущей нашей повести — ни слова!

Срочно перебираемся в другой покой. Там опущены занавесы в два слоя, расставлены ширмы. Почти ничего не видно.

Зато слышно. Сестрёнка, как батюшкин голос учуяла, проснулась тут же и отозвалась.

Господин Намма просит прощения, что оторвал от дворцовых обязанностей. Неприлично быстро переходит к делу:

— Требуется восстановить события последних дней. Это касается недавно погибшего разъездного смотрителя Податной палаты. Нет ли у кого-либо из вас сведений о его перемещениях по прибытии в Столицу? Или ранее.

Барышню Сандзё опять всю трясёт. От страха или от слёз.

Третья Застава спрашивает:

— А когда он прибыл? В последнее время мы отрезаны от городских новостей.

— Утром седьмого дня сего месяца.

По голосу слышно: сыщик Намма одобряет столь дельное уточнение. И теперь ждёт ответа.

— Седьмого днём он прислал в здешние покои приветствие. И пожелание успехов.

— В каком объеме? — немедленно переспрашивает батюшка.

— В объеме тридцати одного слога, — отвечает ему Рассветная госпожа, как дураку. Знать, мол, надо, какова длина Облачных песен.

— Без приписки обыденным слогом?

— Без!

— И без сопроводительного гостинца?

— Гостинец мы съели, — подаёт голос барышня Метель. — Всего-то два яблочка...

— Обёртку, конечно, не сохранили? — вздыхает господин Намма.

— Я же не знала... Что это... в последний раз...

Мачеха начинает её успокаивать. Тихонько, но так, чтобы муж слышал. Не надо, мол, доводить девушку, ей и так плохо.

А девица Намма опять кричит. Видно, сообразила, чего я хочу.

Виновато кланяюсь Рассветной госпоже:

— Она не уймётся! Пока не убедится, что батюшка весь тут.

Неслыханная вольность для дворца: нам разрешают пересесть поближе, в зазор между двумя занавесами. Подворачиваем край, укладываемся на пол так, чтобы батюшка мог рукой достать до свёртка с дитятею.

Шепчу:

— Смотритель был тут в Седьмую ночь. Хвалился, что о нём завтра заговорят в свете. Привёз какие-то потрясающие вести.

— Хорошо. Не знаешь, что это: «Кораблекрушение, острова бессмертных, долгожданный берег, в восторге»?

— Ох!

Третья Застава слушает наши переговоры. Подаёт мне знак, что ответит сама:

— Изволь объяснить, средний советник: откуда ты это взял? Вот те слова, что перечислил только что.

Господин следователь там за занавесом пересаживается по-казённому, но говорит всё равно очень тихо:

— С листка, найденного у покойного зрителя. Это случайно не...

— Это наше. Разглашению не подлежит. И кажется, я... Погоди немного.

Ушла. Говорю, пока время есть:

— Этот гонец берётся по заказу песни писать для повестей. Ну, то есть брался... То, что ты прочёл, заказ и есть. Наш! Если кто узнает, мы погибли!

Только не хватало вообще-то чтобы молодого господина прикончили из-за состязания!

И ещё что-то важное тогда ночью он упоминал. Или спрашивал? Не помню!

Барышня Метель у меня за спиной рыдает в голос. Рассветная госпожа возвращается:

— Вынуждена просить немедленно передать нам этот список. Речь идёт о добром имени Грозовых покоев.

— О, да. Удалось проследить, как и когда список был... утрачен?

— Зритель побывал здесь в Седьмую ночь. Удалился перед рассветом. Как задолго до своей кончины?

— Примерно за сутки получается.

— Уходя, взял этот листок у одной из здешних дам. Намеревался подумать над стихами. Ценитель и знаток, видишь ли.

Господин следователь передаёт под занавесом два листка. Список и стихотворение. Очень грустно молвит:

— Он даже начал работать, судя по всему. Одну песню сложил.

На самом деле, думаю, батюшка этот список переписал себе, так что подлинник можно и вернуть.

— Со своей стороны, прошу о дальнейшем сотрудничестве, — с мягкой непреклонностью продолжает господин Намма. — Необходимо выяснить, не оставлял ли смотритель каких-либо бумаг здесь во дворце. Если обнаружатся, они подлежат сдаче в Полотняный приказ. Без предварительного прочтения.

— Обещаю. Обыск будет проведён, — отвечает Третья Застава таким же голосом.

Она думала, на этом следователь откланяется. Но у него ещё не всё:

— Могу ли я через тебя задать барышне Сандзё всего один вопрос?

— Изволь.

— Не знает ли она, кто такой монах Каннити-бо? Из какого он храма, а если живёт не при храме, то где?

Рассветная госпожа пошла спрашивать.

— А ты не знаешь? — это батюшка мне.

— Вроде, такого никто не поминал. А он тут при чём?

— Странная он особа. Покойный смотритель, по словам его слуг, несколько лет состоял в переписке с этим монахом, но ни разу не приглашал его в дом. Даже не знал его в лицо. Письма сохранились, сейчас их изучаю. Много любопытного. Я бы сказал, слишком много — по некоторым вопросам Государевой службы...

И не успел он договорить, как Рассветная госпожа вернулась с ответом:

— Нет, такой монах барышне не известен. У одной из наших дам есть сведения, что наставника Каннити больше нет в живых.

Говоря это, Третья Застава передаёт под занавесом листок. Этот почерк я знаю. Мачеха успела написать, а Рассветная госпожа — досмотреть письмо.

Господин следователь благодарит, желает нам успеха и благополучия. Почтительно удаляется. Сестрица, умница, по этому поводу реветь не стала.

Материковыми знаками

(тот же день)

Стали искать все вместе — среди черновиков, книг и чистой бумаги. Даже среди тех самых шестидесяти шести листов. Поначалу без меня, я-то с сестрёнкой сижу. Но не могу же я не давать советы, когда они обыск ведут! А когда пришла пора кормить дитя, я мачеху подменила, да так и осталась.

Жалко, что батюшка толком не объяснил, что именно мы ищем. Ясно только, что доклад, то есть написан материковыми знаками. Такая одна бумажка нашлась, на полу под циновкой. Обнаружила её, к сожалению, не я, а барышня Метель. И зарыдала опять.

— Его почерк? — спрашивает Третья Застава.

— Не знаю, — плачет та, — мне он буквами писал. Но видно же — мужская рука! И бумага — не наша.

Бумага и правда казённая. Это, конечно, ничего не значит: со службы все домой бумагу носят. А иногда и тушь. И хотя господин Намма велел — сдать без прочтения! — Рассветная госпожа спрашивает:

— А что там написано?

Смотрит на Пересмешницу. Она что — и знаки читать умеет?

Оказывается, да. Хмурится, переводит с запинкой. Но выходит складно:

«Пророчество кажется ясным — да что с того? Толковать может только знаток. Случись такое у нас, испросили бы подтверждения: допустим, чтобы вещун подробно описал внешность того, кто первым войдёт в святые ворота после завтрашнего полудня. В общем, знамения искали бы для проверки знамения...»

— А тут, — говорит, — не только истинные знаки, буквы тоже есть. Просто в мужском начертании.

«Пусть я буду святоша, отшельник напоказ — но такого успеха я тебе не желаю. И вообще: небывалая слава, говоришь ты. Тебе не кажется, что в свете славны или позорны только вещи, для которых есть

образцы и меры? Если чего-то прежде не было, значит, такого и вовсе не бывает. Это в лучшем случае. Или — значит, и не надо, чтобы бывало.»

Что-то не нравится мне это. Новое, небывалое... Не годы ли Великого Обновления, о которых наши соперницы пишут?

«Прошу тебя: будь осторожен! Сказано ведь: каждый ошибается в свою пользу...»

— Разве это доклад? Увещевание какое-то, — говорит Третья Застава. — А дальше что?

— Дальше ещё труднее.

«Что же до строителей храма, то тут есть чему радоваться, но нечему дивиться. Под деревом Просветления поклялся Просветлённый, призвав в свидетели великую землю: пока не спасу каждого, кто страдает, не перейду на берег Успокоения...»

— И дальше ещё семь знаков подряд, как это по-нашему будет, я совсем не знаю. Но тоже из монашеских книг, мне кажется. Потом опять понятно:

«Великий Властитель Земель засвидетельствовал клятву. С тех пор Закон Просветлённого процветает на Облачных островах. До самых дальних пределов освещает их Закатный свет, сияние Будды.»

— Что ж, наставников из Кудары, выходит, не было? Монахи в Облачной стране сами завелись? Исполон веку? — замечает Рассветная госпожа ворчливо.

— Тут так написано...

«Что ни новая земля притянется к нашей державе — всюду храмовые колокола, всюду звуки святого наставления. Если рыскучие звери, морские гады, подземные и небесные демоны внимают Закону — то разве людям, пускай и диким, тяжелее принять Закон Просветлённого, чем Царский Закон?»

Проповедь какая-то во вкусе господина Хатидзё.

— Дикие племена под властью Государя? — задумчиво переспрашивает Рассветная госпожа. — А разъездной смотритель откуда прибыл?

— Там всё ещё страшнее, — отвечает Метель. —
Немирные племена. До сих пор воюют.

— Тогда спрашивается: что это за запись и откуда
взялась?

Надо отвечать, когда старшая дама велит.

— Тут может быть по-разному, — говорю. —
Господин средний советник спрашивал о каком-то
монахе, знакомом покойного. Такое мог писать монах?

— Скорее монах, чем мирянин, — кивает
Пересмешница. — Или кто-то из гадателей, или жрец..

— Если монах, то объяснение есть: гонец, тут
будучи, обронил письмо этого Каннити..

Сомневаюсь. Зачем кавалеру красться к барышне
Сандзё через рабочий покой? С крыльца же гораздо
удобнее. А внутри Грозовых палат он сто раз попался
бы по дороге другим дамам. Да и помню я: он снаружи
лез.

— А если жрец, то всё ещё хуже. Не знаете,
госпожа Царевна или её дамы пишут-читают
по-материковому?

— Конечно. У них ведь и летописи, и обрядовые
книги...

— Это не может быть из их рабочих записей? Для
повести. С предсказаниями и чудесами. И с Государем,
который защитник монашеского Закона. Если не
вообще брать, а... Словом, если это про тех, кто нынче в
паломничество удалился?

— Исключено! — Рассветная госпожа даже
рукавами всплеснула. — Если среди наших бумаг
окажется хоть что-то из заметок наших соперниц, — мы,
считайте, уже проиграли! Да с таким позором, о каком и
подумать страшно!

— Но я слышала, — возражает госпожа Намма, — в
Речном святилище соблюдают строгие зарюки, монахов
даже монахами не зовут, а только «косматыми», книги
их — «узорным полотном»...

— А Просветлённого «истуканом», — отзывается
Пересмешница. — Когда жрецы и святилищные люди

читают вслух, то так и произносят. Чтобы не очитаться ненароком, точки ставят возле запретных слов. И знаете...

— Тут точки есть? — спрашиваю.

— Есть. Вот, видишь?

И точки, и капли, как кляксы мелкие, посаженные там и сям.

Раньше у Наблюдателя руки не дрожали. Теперь — тоже волнуется, как и все?

— Но мы же на ту сторону двора даже не заходили! — возмущается Метель.

— А подкинуть не могли? Нарочно, чтобы нас воровками выставить?

Ох, чего доброго, погонят меня сейчас за такие подозрения о Царевне...

— Это всё? — Рассветная госпожа кивает на листок.

— Почти всё. Написано: «*И вот что ещё...*» А дальше было на следующей странице, наверное.

Третья Застава хмурится, думает, подав знак всем помолчать. Потом говорит:

— В любом случае — это не может быть докладом. Так что господину среднему советнику мы об этом — не сообщаем. И вообще никому не говорим!

Листок скрывается в складках её наряда — сдаётся мне, донесёт его Рассветная госпожа не дальше чем до первой жаровни. Но ведь могут и новый подкинуть!

— Продолжаем розыски, — распоряжается Третья Застава. — И здесь, и там, где кто ночует. Всё непонятные бумаги немедленно — ко мне. Знаками, буквами, стихи, проповеди — всё!

Только до самого вечера больше ничего подозрительного не обнаружилось.

* * *

Монах Каннити — разъездному смотрителю Канадакэ

Пять связей древние называли неразрывными: с

родителями, господином, братьями, женой и с другом. О последней из них сейчас в Облачной стране вспоминают реже всего. Благо ли это? Нет, и вот почему.

Были у Просветлённого ученики, Сяри и Мокурэн. Два друга. Напали на Мокурэна разбойники, убили с досады — разозлились, что при таком счастливом с виду малом не нашли ни золота, ни серебра, ни прочих мирских ценностей. Он мог бы чудо сотворить и спастись, да не стал. Ибо умысел на убийство уже грех, и раз от него не уберег людей, поздно беречь от деяния. А Сяри с тех пор жизнь стала не мила. Он нашёл лекаря, спросил: годятся ли на что глаза, что много лет не глядели на скверное? О, да, на снадобья против слепоты. А уши подвижника, не слушавшие лжи? Тоже росписи есть, что из тех ушей состряпать. Но тебе это зачем? — спросил лекарь. — В поминанье о друге. И так Сяри своё тело сбыл на зелья. И кровь, и кожу, и кости. И люди, кого лечили ими, не просто исцелялись от недугов, но и к просветлению сделали кто шаг, кто два... Так заповедано о дружбе в наших книгах.

Взглянем на нынешний век, на отцов и дедов наших. Много ли среди них сыщется друзей — пусть не таких, хоть вполонину таких? Двое-трое на всю многотысячную Столицу! На что тебе друзья? — скажет один, — с роднёю, что ли, хлопот мало? Другой старик укажет: вот тебе товарищи по храму, или по ведомству, не затем ли тебя пристроили на твоё место, чтоб им помогать и на них полагаться? Третий спросит: неужто выпить не с кем? Или женщину посоветует подыскать, или коня... Может, и правда, лучше так жить — без друзей?

Неправда. Родоначальники старших наших домов, сподвижники Властителя Земель — не только ему были преданны, но и друг другу. И тем утвердилась держава. Если мы говорим о новых временах — а вернее, о возвращении изначальных, — можно ли пренебречь такую связью? Без этого ничего не получится. И знаешь, думаю я о стариках: их не переделать, но это-то и

хорошо. Каждый из них за свой род и за подчинённых держаться будет, но один за другого — нет. А мы — будем.

* * *

Господин Намма, следователь Полотняного приказа

Спасти державу

(одиннадцатый день седьмого месяца)

Станный промысел — сочинять чужие стихи. Даже если не живому человеку про запас, а придуманному, для повести.

Пропавшего слугу из усадьбы Канадакэ ищет челядинец с Восьмой улицы, Селезень. Пока господу Хатидзэ не живут в усадьбе, этот малый свободен — и пусть своё рвение прилагает к сыскному делу. Лучше так, чем к разбою, как в былые дни. Впрочем, разница между тем и этим иногда — тонкая...

Пока не нашёл. Конечно, слуга мог бежать в имение к родичам господина Канадакэ. Отнести печальную весть. О чём это говорит: о его невинности? Сам убил и сам вызвал стражу — так бывает. Но чтобы и дальше продолжать в том же духе? Возможно и такое, если слуга — совсем бессовестный злодей. Или если действовал по приказу той же родни, кого-то из старших. Деда или дяди разъездного смотрителя. А им — зачем?

Не легче и с монахом. В городских и пригородных обителях такой не числился. Похоронного обряда над ним здешние собратья тоже не совершали. Разумеется, самому ему и в голову не приходит упомянуть в письмах такую очевидную вещь, как то, к какому храму он приписан или кто значится его настоятелем. Однако некая дама во дворце заявляет, что наставник Каннити скончался. Но жив он или умер, его бумаги Полотняный приказ обязан изъять. Теперь это уже ясно.

Впечатление такое, что о делах двора монах

осведомлен едва ли не лучше чиновника, и охотно делится сплетнями. В том числе о весьма высокопоставленных особах. Вообще ни на отшельника, ни на храмового книжника Каннити-бо не похож. А на кого? Отчасти — на самого разъездного зрителя. Человек, скорее, молодой, но уже опытный, вхожий во многие столичные усадьбы. И во дворец. Кажется, в будущем метящий очень высоко.

Средний советник не представлял, насколько взбудоражена, оказывается, эта молодёжь сменой Государя. Экая косность поразила все ведомства, уж мы её... Ведь это про самого господина Асано: «Родичей вам мало...» Не лучше и про главу Податной палаты: «Выпей, малыш, и всё пройдёт». Однако *«Дунет ветер западный — радостно сердцу: благо, благо принесет всходам молодым»*...

При этом из зелёной поросли никто по именам не назван. И в каких домах наставник Каннити имеет обыкновение творить обряд и поучать юношество, также не указано.

Что бы предположил средний советник, если бы он служил в другом ведомстве, а эти письма попала ему в руки? Ясно, что: монах состоит на негласном жаловании в Полотняном приказе. Проверяет благонадёжность чиновников разных палат... и, возможно, служилых дам государыни. Очень было бы полезно и мудро. Только вот нет у Приказа такого сокровища! Средний советник проверил трижды: нет!

Желает он, чтобы его моления спасли державу. Тоже сомнительное заявление: разве Облачной стране грозит погибель? О наступлении «последних времён», к счастью, этот монах не заикается. Наоборот: начало нового правления, столько надежд...

Вот где нестыковка. Он наметил себе преуспеть в столичном свете, пусть и с обритой головою. Заведомо он не калека, не урод — иначе бы ему во Дворец ходу не было, и он бы это знал. Так что его заставляло дружить с Канадакэ именно заочно? Или монах происходит из

какой-то печально знаменитой семьи?

Или они уже встречались, только зритель об этом не догадывался. И не должен был догадаться. Честно считал этого своего приятеля мирянином.

Письма от монаха приносили всё разные люди. По словам челядинцев — и монахи, и какие-то храмовые служки, и миряне паломничьего вида. Они же являлись за ответом. Никого из своих слуг Канадакэ к монаху не посылал. Или те по какой-то причине помалкивают.

Погиб молодой чиновник, умер, кажется, монах. И кому ещё из служилых юношей и девиц может грозить теперь опасность, если дело всё-таки в этих их мечтах о будущем? О процветании страны без надоедлых стариков... На слова, пока это только слова, старый Асано не обижается. А другие? А если у молодёжи и до дела дошло? Заговоров нам не хватало...

И меньше всего хотелось бы, чтобы девицы-заговорщицы сидели сейчас среди дам в Грозных покоях. Рядом с родственницами господина следователя.

Друзья. Не умеем дружить. Когда-то у сыщика Наммы был друг. Теперь всё равно породнились, Намма женат на его сестре, только друг о том не знает. Уехал на материк и который год вестей нет. Средний советник зашёл в усадьбу главы Полынного дома: не знают ли там хотя бы, жив их младший родич-посол или умер? Старый Полынный не ответил. А бритый, что при нём вместо сиделки, объяснил: он тебя уже не понимает.

Раньше-то Полынный и Конопляник были друзьями, всей Столице известными. Совсем недавно. Теперь старик Асано на Полынный двор не заходит: недуг, скверна, жрецу нельзя.

Одержимая

(тот же день)

С поклоном появляется один из тех рассыльных, кого средний советник отправил по храмам. Человек благочестивый, к нему бритые привыкли. Намма

нетерпеливо кивает ему:

— И что?

— Пока — нет такого Каннити, — вздыхает рассыльный. — Никто его не знает — или знать не желают. Уже всех, кажется, опросил. Здешних наставников. Паломников из дальних обителей, явившихся поклониться столичным и окрестным святыням. Даже монахов из храмов, вовсе не существующих!

— Много набралось из последнего разряда?

— Не очень, где-то с полдюжины. Но вот что ценно: среди них есть ясновидящая! Я её на всякий случай доставил. Если изволишь взглянуть — отведу, её там охраняют.

Намма со вздохом складывает письма, убирает в ларец и направляется вслед за рассыльным. Использовать ясновидцев и гадалщиков в приказном следствии — последнее дело! Зато если чудотворец поддельный, то его можно припугнуть и разговорить. Главное — не перепутать подложного с настоящим.

Господин средний советник пойдёт домой обедать, а заодно и монахиню послушает.

Вот она, за дворцовыми внешними воротами устроилась. Дюжая женщина, чтобы не сказать — баба, с бритой головой, покрывала не носит. Сидит на земле, даром что под присмотром приказного служителя — поставила перед собой ящик для пожертвований. И поёт во всю глотку. Голос грубый, сильный.

— Пойдём со мною, — говорит следователь. — Ибо кто напитает монаха...

— Это правильно.

Она вскакивает на ноги. Ростом монахиня выдалась повыше господина Наммы. Лет ей, должно быть, около пятидесяти, но бодрая старуха.

— Ну, веди, где питаться.

Грамота о посвящении у неё при себе. Постриг принимала в храме Анраку в Заозёрном краю. Зовут её Расэцу-ни.

Предложенное пропитание охотно употребила. В немалом количестве.

— Стало быть — ясновидящая? — холодно спрашивает средний советник.

Монахиня широко взмахивает рукою:

— Ты своего парня больше слушай, начальник! Какая я тебе ясновидица? Какая я тебе гадалка? Я — о-дер-жи-мая! Вроде тебя.

— Это как?

— Ты ж, как я поняла, из Государевых глашатаев будешь? Ну вот и я глашатай, только — божий. Что велют, то и вещаю. По заказу — не могу, не обессудь.

И то верно. Полотняный приказ нужен прежде всего затем, чтобы объявлять решения Государя. И уж потом — ловить тех, кто им не повинуется.

— Ты родом-то откуда? — помолчав, спрашивает следователь.

— С Востока, — охотно откликается Расэцу. — Там я всё больше вещала волю Змия Морского и детей его. Они самому Просветлённому внимали, а дочь-царевна в единый час спасение обрела, не умирая, человеком не возрождаясь, а змеей, прямо как была. Сказано в книге Цветка Закона...

— Да-да, конечно. Наставлению буду рад. Но мне надо подготовиться и день подходящий выбрать. Сегодня мне ведь на службу надо возвращаться.

— Выбери, выбери, не забудь. Не упusti за важным важнейшего!

— А пока давай-ка к делу. Давно ты в Столице?

— Да уж больше полугода, считай. Дело у меня, видишь ли, а люди тут в городе — мешкотные... Ноги оббила, голос сорвала — добиваясь исполнения Государева закона.

— Вот это уже любопытно, — оживляется средний советник. — И какой же из Государевых законов не исполняется в вашем краю?

— Так наипервейший! Издревле заповедано государями Облачной страны: чтоб в каждой земле

воздвигнута была обитель для монахов и обитель же для монахинь, на расстоянии колокольного звона одна от другой. Рада была бы примолвить: «И стало так», так ведь нет!

— У вас храм запустел?

— У нас не запустел бы! — заверяет монахиня. — Хуже беда: он вообще не воздвигнут.

— Понятно. И которая же это из восточных земель? Расэцу задумалась.

— В управу-то вашу обращались? — спрашивает Намма.

— К кому?

— К наместнику.

— Ээ...

Смотрит так, будто впервые слышит такое слово. Но как это может быть: устройство храмовое она изучила, а мирского — не знает?

— В каждой земле, — объясняет следователь, как дитяти, — бывает управа. Большое здание с чиновниками. Над ними главный называется наместником, он приезжает из Столицы.

— У нас такого нет, — уверенно заявляет монахиня.

Ещё не легче! Где ж это «у них»?

— Опиши, через какие области ты сюда шла.

— Сначала Заперевальная. Затем Перевальная, — монахиня считает на пальцах. — Потом та, что перед перевалами. И Заозёрье, где наставницы-то мои. А там уж гора Эй — и ваши края.

Примерно этим путём совсем недавно проехал господин Канадакэ. Северо-восточный путь в Столицу из незамирённого приграничья. Война идёт вроде бы как раз там, где кончается область за перевалами. Не удивительно, что женщина не знает, как назвать свой край. И что управы там нет, тоже понятно.

Удивительно другое. Больше заботы у них там нет, чем воздвижение храмов? Положенных по закону...

Они, стало быть, считают себя подданными

Облачной державы. Но при этом — не жителями Заперевалья, а отдельной землёй. Вернее, как раз не отдельной, а присоединённой, по её-то словам... Важная новость! Не её ли и разъездной смотритель привёз? Или не именно эти, а ещё какие-то сведения того же свойства? Что у немирных обитателей Востока накопилось много запросов в наместничество, которого нет. Может, и подати желают заплатить? Если выбирать между податями и воинскими поборами, так первые, пожалуй, выгоднее выйдут...

С виду женщина на дикарку не похожа — обычное широкое лицо, в Заперевалье таких много. И выговор похож на тамошний.

— А войска, что у вас стоят, как вашу землю называют?

— Так — как? Рубеж и Рубеж.

— А сами вы?

Монахиня произносит какое-то слово. Наверное, на местном наречии.

— Это что значит?

— Так цапли взлетают, — она показывает руками.

И улыбается:

— Край-то у нас — лучше не бывает! А вот храмов — нет...

— Хорошо, — серьёзно говорит Намма. — Об этом я, конечно, дам знать кому следует. Скажи-ка: не знаешь ли ты такого молодого чиновника, господина Канадакэ?

— Не припомню, — подумав, говорит Расэцу.

— А монаха Каннити-бо?

— Каннити... И такого не знаю! А что, хороший наставник? Где б его послушать? Может, он о нашем деле похлопотал бы... А то меня не всюду и пускают.

Жаль, если правда она тут ни при чём.

— Ладно, — вздыхает средний советник. — Где тебя найти можно, как я подходящий день выберу? Ты же, наверное, женщин наставляешь, а мои сейчас — не дома.

— Да тебе и самому послушать-то не помешает,

начальник. А приютили меня в Лotosовой обители, на восточных холмах. Спроси в паломничьем доме — там меня все уже знают! А пока, раз торопишься, — и я отправлюсь, дел-то ещё...

Встаёт, кланяется, с достоинством принимает ответный поклон и направляется к выходу. Уже с крыльца оборачивается, неожиданно сиплым голосом произносит:

— Радости жди, советник! Жди родича, того, кто сам родства с тобою не знает!

И — нет её.

Господин Намма озадаченно морщит лоб под белилами. Уж не об этой ли страннице говорила его супруга? Не она ли недавно предсказала великие почести, что последуют за рождением младшей барышни?

Перехватил

(двенадцатый день седьмого месяца)

Следователь Намма не каждый день является на службу спозаранку, как требует должностной распорядок. Но накануне сам господин Асано-средний прислал записку с вопросом, как продвигается дело. Отчёт Намма составил, но поскольку успехи по делу податного гонца более чем скромны, то лучше доложить об этом раньше, чем позже. Так что сегодня средний советник Полотняного приказа поднялся с рассветом. Только нарядился и надел шапку, как в дверь заглядывает слуга Таро:

— Господин, там к тебе — этот.

Невозможно в наше время поспеть на службу вовремя!

«Этот», разумеется, Селезень. Таро его терпеть не может. Не любит, когда с ним говорят как с мальчишкой.

Впрочем, к самому Намме этот бывший — будем надеяться — наёмный убийца тоже обращается не слишком почтительно.

— Есть! — объявляет Селезень страшным шепотом.

— Идём скорее, мне их на Западных воротах придержали.

— Кого «их»?

— Один тот, который пропал. Слуга покойничка. Второй вроде как с ним. Верхами! Чуть не уехали. А я — перехватил, тихо-мирно.

Чтобы открыть заставу раньше срока, как известно, следует подражать крику петуха. Спрашивается: какой голос надо подать, чтобы городская охрана при воротах помешкала чуть подольше? Ухать филином ночным?

Намма отправляется к воротам. Селезень с ним. По дороге излагает свой взгляд на способы сыска:

— Что-то Податные наверняка знают, думаю я, чего мы не знаем про их смотрителя. Может, скрыли, а могли и не сообразить, что это важно. Но сами это в уме держат, когда розыски ведут. А они ведут, конечно. Я и решил: прослежу-ка, что они станут делать. Если по-хорошему, то выяснять, кто парня убил, а если нет, следы заметать.

Иными словами это называется: искать под фонарём, а не там, где потерялось. Раз уж не имеем подозреваемых, давай следить за потерпевшими.

— С тайной слежкой ты будь поосторожнее, — замечает средний советник.

— Да какие тайны! У меня дело. К Податному начальству, самому высшему, прошение имею. Насчёт квасильни. Не нашей, что на Восьмой была, а теперь за город переехала. Нет: она-то подати платит. А вот супостаты её, квасильщики с Девятой — уклоняются. Как не сообщить! Вот и хожу с бумагой.

Селезень достаёт из рукава мятый свиток с доносом.

— А точно уклоняются? — уточняет Намма.

— Кто ж их знает... Но повод есть. Таскаюсь то за одним, то за другим, кто из усадьбы Сандзё выходит. Будь хоть челядинец, хоть чиновник.

— И что же?

— К покойному они заходили. Тамошние говорят:

всё перерыли и ушли недовольные.

Доклад, стало быть, так и не обнаружен?

— А дальше дивное дело, — разводит руками Селезень. — Тот Сандзё, который главный по тюрьме, наведывается туда, в тюрьму-то, что ни день, да по несколько раз. Сторожа говорят, никогда такого не было. Им уж вздохнуть некогда...

При Податном ведомстве имеется узилище для злостных неплательщиков. Руководит им молодой господин Сандзё, сын заместителя главы палаты.

— И какие последовали распоряжения по тюремной части?

— Особо никаких. Только сам допрашивает каких-то задержанных. Когда такое бывало? Соображаю: вот оно! И устраиваюсь уже там, у тюремных ворот. Перед рассветом нынче приезжает ещё один податной смотритель, вторую лошадь в поводу ведёт. Выводят к ним узника, гляжу, а тот по всем приметам подходит. Один в один — как ты описывал. И одежда вроде та же осталась, в какой тот исчез! Я за ними. Они к воротам. Тогда я — вперёд. И ребятам говорю: вот эти пусть постоят пока, только не спугните: сейчас сюда Полотняный приказ подоспеет.

Что верховые могли вернуться в город или поехать к другим воротам, Селезень не подумал. Не так уж трудно сейчас покинуть Столицу без пропуска. Если, конечно, у них пропуска нет.

Есть пропуск, есть! У Западных ворот гонец в казённом дорожном платье размахивает дощечкой перед носом у стражников. В поводу держит двух лошадей: одну свою, на другой сидит всадник в домашней одежке. И правда похож на то, как описывали слуги Канадакэ пропавшего товарища. Лет около сорока, ростом невысок, лицо круглое и унылое. И на левый бок слегка перекошен. Всё сходится.

Средний советник важным шагом приближается к верховым. Предъявляет свою приказную грамоту, велит следовать за ним.

Свидетель

(двенадцатый день седьмого месяца того же года)

Уже через полчаса допроса Намма проникся к гонцу уважением. Тот назвался, предъявил подорожную, но как только речь зашла о его поручении и спутнике — замолчал. Бровью не ведёт, только повторяет:

— Не имею права разглашать, господин следователь. Без дозволения начальства, не обессудь, слова не скажу. Служба!

Мало кто так себя ведёт в Полотняном приказе. Сам этот разъездной — из потомственных людей дома Сандзё. Уточнил, с некоторой запинкой, что под начальством имеет в виду скорее молодого господина, чем старшего. И на том — как отрезало.

Что ж, пусть подождёт, пока смотритель Податной тюрьмы о нём начнёт хлопотать. Намме важнее второй. Куда более разговорчивый.

Зовётся он Такэсита, семья его издавна служит роду матери Канадакэ. Сам он, однако, утверждает, что хоть и состоял при молодом господине, но отчётом обязан и тогда был старшему в роду — то есть деду разъездного смотрителя. Подорожные и у него, и у его спутника — как раз в те западные края, где у старика имение.

— Только не ждёт меня дома ничего доброго, — вздыхает. — И по заслугам: не уберёг! Ох, спросит с меня господин-то... ох, строго спросит! А что я мог поделывать? С голыми руками на оружных лезть? Ох, скажет мне господин: «Именно что лезть! Тебя б, дурака, зарубили — а внук авось уцелел бы!» Как тут объяснишь...

— А что за оружные? Ты, выходит, видел, как погиб разъездной смотритель?

— То-то и оно, что видел.

Следователь не отводит глаз, и Такэсита, помолчав, со вздохом продолжает:

— Мне вообще-то положено не ложиться, пока

молодой господин не уснёт. И вообще глаз с него не спускать. Только — легко ли? Он-то накануне всю ночь пропадал, потом полдня почивал, проснулся — сел писать. Смерклось уже, а у него сна ни в одном глазу. Видит, что я уж зеваю, отмахивается: «Ты ложись давай. Я сегодня тут ночью, никуда не уйду. Не тревожься!» Я и лёг, а уж ближе к рассвету проснулся, словно кто меня толкнул. Господина в его покоях нет. Забеспокоился, выглянул в сад — нет, не ушёл, тут у пруда гулять изволит. То взад, то вперёд, то в беседку, то опять на берег. Так уж у него заведено — на ходу песни слагать.

— Точно — песни? — переспрашивает Намма. — Не доклад для Палаты?

— Точно. Для Палаты он ещё днём писал, сразу как воротился.

— Понятно. А где то, что он написал?

— Да откуда я знаю! — Такэсита неожиданно разгорячился. — Я ж у молодого господина не писарем был. А с тех пор, как он... как его... В общем, я и дома-то после этого не был.

— Ладно, продолжай, — отмахивается веером средний советник. Надо запомнить: господские бумаги сильно беспокоят Такэситу. И, похоже, Намма не первый насчёт них расспрашивает. Наверняка о докладе уже допытывались Сандзё. Только ли они?

— Ну вот... И тут, откуда ни возьмись — те двое. Я их раньше не встречал, но сразу узнал: войсковые! Хоть и не в служебном платье. Но при оружии. Один — точно с саблей был, а у другого я уж потом малую секирку приметил.

— Постой. «Откуда ни возьмись» — это что значит?

— Так то и значит, господин следовательно — как из-под земли! Я так понимаю, они давно уже в саду сидели. В засаде.

— И господин, гуляя по саду, всё это время их не видел?

— Я ж говорю: он песню слагал! Он и грузовое судно в своём пруду не заметил бы... Оно, конечно, так и

надо, потому что песня — дело святое, вполголовы и вполсердца не сделаешь. Только вот, выходит, накликал... Я ж его предупреждал: нельзя всё о бедах да о скорбях, особенно — о тех, которых и нет! Так не слушал.

— Понятно. А дальше что было?

— Один говорит: мы от господина податного заместителя, он тебя срочно вызывает со всеми грамотами к себе на дом. Барич ему: вы как вошли? Ворота никто не отворял. А этот отмахивается: не важно, мол, поторапливайся. Барич: погодите, мне нужно платье сменить. Понятно, не в домашнем же ему к главному начальству! Господин Сандзё строг по этой части. Чтобы и платье, и шапка, и пудра, и весь чиновный припас... А вояка этот: некогда, так идём. Тут молодой господин и понял, что дело нечисто, спрашивает: а вы сами-то чьи? В Палате я вас не встречал. Тут я высунулся, а второй меня и за приметил, побежал ко мне — а первый барича держит. Дерутся уже. Молодой господин мне кричит: спасайся! Он вообще ж добрый был...

Старый слуга сморщился, нос утирает. Намма кивает, ждёт.

— Далеко-то я не убежал. Усадьбу я знаю, схоронился... Возвращаюсь, а тех двоих уже нету, только барич... В пруду...

— Как он лежал? — спрашивает следователь.

— Ничком, головою в воде. Я подошел, жилы нащупал — мёртвый уже. Ну, я — в крик. Потом за стражей побежал.

На этот раз Такэсита замолкает надолго. О дальнейших его передвижениях Намма расспрашивать погодит. Сперва уточнит неясности:

— Господин только приказал тебе спастись? На помощь не звал?

Слуга тяжело вздыхает:

— Он, может, и позвал бы. Только тот ему сразу рот рукой зажал. Накрепко.

Рот — ладонью, а горло передавил предплечьем.
Со следами на теле сходится.

— И ты тоже не пытался поднять тревогу?

— То-то и оно, — Такэсита уже в открытую плачет.

— Я же так перепугался, что голос перехватило... А на меня этот малый с секиркой...

Допустим, что так.

— Ты сказал, что сразу узнал нападавших. И кто они такие?

Такэсита таращит мокрые глаза:

— Ясно ж, кто! Люди господина Восточного воеводы. Я ведь предупреждал...

Порадовать

(тот же день)

Удивительные вещи рассказал Такэсита о поездке своего господина на немирной рубеж. Отправились они туда вместе: так повелось, Такэсита и на службе должен был присматривать за баричем и, если что, извещать его деда.

— Только разве ж старый господин меня слушал? Для него барич остался таким же, как у нас на западе: «Да, дедушка! Нет, дедушка! Конечно, дедушка!» А Столица здешняя — она ж кого угодно переделает. И бедою, и удачей. У молодого господина всё хорошо шло, у начальства в доверии, продвинулся, с кем только не знаком... Вот и решил, что всегда так будет.

Прибыли на Восточный рубеж, где уже десятилетиями замиряют дикарей. Оказывается — богатейший край! Сытный — и главное, мирный. Там, на войне, уже несколько лет оружейного звона не слышали. И даже разбойников вроде бы нет.

— Да и не такие уж дикари. По чести, от наших воинов не всякого отличишь. По их словам, тамошний край — давно уже в Облачной державе, ещё со времён государя — не упомяну какого. Присоединили и забыли. Воевода сам сказал: «Да, имелось вторичное одичание. Если с умом подойти к ним — быстро одумаются!»

Что там делал разъездной смотритель Податной палаты — непонятно. Привёз грамоты для войскового начальства, увёз другие, — но всё не по своей части.

— Господин их, местных, прямо спрашивает: «Не тяжёлы ли налоги?» А те будто и не понимают, про что он толкует.

Всё это тогда удивило Канадакэ не меньше, чем сейчас — Намму. Только разъездной смотритель увиденному обрадовался, а Такэсита встревожился:

— Молодой господин восхищается: «Приросла Облачная страна! И главное — никто об этом не знает, я первый Государю добрую весть принесу!» — Я ему: «Поосторожней только, барич. Как это никто? Вот господин Восточный воевода. Раз он не доложил по своей ратной части, что замирение завершено, — и нам бы не высовываться». А барич мне в ответ: «Ты меня всё за малого да глупого держишь, как дед. Конечно, я при господине Воеводе словом не обмолвлюсь. С нас довольно Государя порадовать. Времена теперь новые начнутся — важно оказаться на виду, и чтобы приметил тебя взор радостный!» А я всё остерегаю, я всё предупреждаю... На обратном пути всю дорогу оглядывался: нет ли погони? Воевода-то тоже не глух, не слеп — нужно ли ему, чтоб и Государь с воинским начальством на него глаза и уши отворили? Прибыли в Столицу, я уж было выдохнул: обошлось! Двух суток не прошло — явились за баричем... Я ж ему говорил!

Слуга то тараторит, то всхлипывает. Средний советник Полотняного приказа молча слушает.

Канадакэ — дальняя младшая родня Копейного дома. Рос в имении, и на службе так и не научился думать по-столичному. Иначе знал бы: всякий радостный взор немедля омрачается, когда замечает перед собою то, чего здесь от века не росло. «Чтобы заметили»... Бояться надо, как бы не заметили!

И даже не в том дело, что выскочек не любят. Всё ещё хуже. Сын господина Наммы, выпускник Училища четырнадцати лет от роду — и тот понимает: нельзя

Государю докладывать ничего подобного. «Держава приросла новой землёю» — это означает: «А ты и не видишь, Властитель Земель!». Или: «Поздравляю! А то уж я сомневался, что ты, верховный Облачный жрец, делаешь своё дело как следует». Так же обидно и зловеще, как любому из нас сказать: «Дышишь ещё? Ну, поздравляю!» Погубили молодого господина Канадакэ на самом деле те, кто ему вот этого не втолковал.

Но это, положим, очевидно Намме — младшему родичу старика Асано, главы Обрядовой палаты. А чего следователь не объяснил своему сыну такого, что ясно любому из Копейной родни и какой ещё другой? Чужих-то родичей легко корить...

Но есть вещи, для которых родовой выучки не надо. Достаточно быть чиновником — любого чина и любой палаты. Нельзя рассчитывать, что тебя наградят, а расхлёбывать последствия будет твое начальство. Нельзя объявлять, что настали новые времена, прежде чем их начнет Властитель Земель. А пока Полотняный приказ даже не огласил название для годов царствования нашего Государя.

И наконец, Канадакэ мог бы хоть по китайским книгам уразуметь: ежели на рубеже державы вместо дикарей завёлся воевода с обученным войском, с запасом казённого оружия и с верными ему подданными — какая уж тут радость!

Рассказ у Такэситы выходит складный. И даже согласуется с тем, что говорила давеча монахиня Расэцу. И с тем, что дочка господина Наммы слышала во дворце. Но кое-что надобно прояснить:

— Что же ты делал после того, как привёл стражу?

Такэсита отзывается почти сварливо:

— Я что, не понимаю? Тело я нашёл. Виновного искать будут не среди больших воевод... Пошёл искать защиты.

— И у кого?

— Моих господ тут не осталось. В дом, которому не меньшая беда грозит.

— И этот дом...?

— Сандзё. Барич-то не первым гонцом был, кого из Податной палаты на Восток гоняли.

Вот это и хотелось бы понять. Собственно, пока воевода не доложил, что дикари замирены и можно спокойно собирать налоги, Податной палате вообще ни к чему слать своих чиновников на боевой рубеж. А Канадакэ послали. Может быть, и впрямь не его одного. Опасно объявить такие новости, но не менее опасно утаивать их. А похоже, этим господин Сандзё и занимался.

Будто вторя его мыслям, Такэсита продолжает:

— Господин Сандзё, главный начальник моего барича... Он да этот воевода — будто бы лучшие друзья. Всё он знает, да не выдаёт. Тот и рад, что в Столице есть с кем снести при надобности. А поберечь друга... Вот и поберёт.

Но если так, то почему Сандзё менял гонцов, а не посылал всякий раз кого-то одного, надёжного? Или другие гонцы тоже вскоре по возвращении умирали, просто нам об этом ничего не известно?

— И ты решился к нему пойти?

— Не к нему. К сыну. Барич-то... Смеялся, всё говорил: господин тюремный смотритель меня за беседой на тех же словах одёргивает, что дядька мой. Это он про меня: «дядька»... Я и решил: может, столкнёмся...

А Сандзё-сын и впрямь решил помочь. Спрятал у себя на службе, в тюрьме. Выписал предписание доставить Такэситу к деду Канадакэ. Услал бы и вида не подал, а Полотняные пусть ищут человека хоть днём и ночью. Следователю Намме повезло, что слуга с Восьмой улицы предпочитает искать там, где светло...

Такэсита хмуро смотрит на среднего советника:

— Отпустили б и вы меня, господин. Как бы ни было — моя вина. Мне старому господину о том и докладывать.

Когда молодой обормот стремится первым

принести радостную весть — это может выглядеть глупо. Когда этот господский служилый сам напрашивается в горевестники...

— Нет уж, — говорит следователь. — Подождёшь, пока мы убийц возьмём. Сразу тогда и доложишь.

Госпожа старшая няня Государыни-супруги — Колокольной госпоже на Первую улицу

Почтительно сообщаю, что молодая Государыня, цветочек наш, изволит пребывать в добром здравии. Только причудничает, потому что ей скучно. Все дамы в женских покоях следят за состязанием сочинительниц Государыни-матери и Царевны-жрицы, а Госпожа моя тоскует: и свекровь-то к ней редко заходит, и тётушка в этот раз, как приехала, совсем её не побаловала! Добро бы обрядами святыми была занята, а так — не пойми чем! Это не я так говорю, конечно, а лишь передаю с должной точностью. И оттого рукава молодой нашей Государыни не просыхают — ибо воистину обидно!

Слов не нахожу — как изъяснить ей всю важность происходящего? Строго блюдя указания господина, доселе мы держали Государыню подальше от любовных историй, во избежание безнравственного влияния; да и вообще, ведомо, что до чтения она не великая охотница. Слушать же предпочитает всё больше что-либо назидательное, про призраков. Вопросает меня: «А о чём сочиняют те дамы?» — мне и ответить нечего. Черновики не видела, а как сказала, что это столичные повести — молодая Государыня пуще надулась: «Они же скучные! Про повседневность постылую, про всяких советников, которых и так на каждом шагу видишь, да про их дочек! Разве со мною не веселее?»

Хуже едва не случилось: осмелилась она с тем и к Супругу своему обратиться; Властитель же Земель изволил лишь рассмеяться и молвил: «То они мне готовят неожиданность!» И удалился на псарню.

То, впрочем, отрадно, что молодая госпожа теперь

уже Государевых белых псов не пугается и ведёт себя с ними вежественно — и они с нею так же, как святым зверям и положено. Больше нет ни слёз о том, ни страшных снов.

А что с повестями делать — жду наставления. Приучать ли понемногу или лучше подождать с этим? Может, тогда Государыня и сама ручками своими соберётся написать хоть письмо — всё что-то длиннее песни! А то ведь может понадобится...

Госпожа Хатидзё, урождённая Намма

Утешать

(одиннадцатый день седьмого месяца)

То одно, то другое, а в итоге повесть не движется. Не понятно, обвинят нас в воровстве чужих набросков или нет. Третья Застава у Государыни сидит, барышня Метель ревёт. А мачеха моя винит себя за всё происходящее.

Одна сестрица спокойна. Ест, спит да вокруг себя поглядывает. А мне уже во дворце не сидится. Батюшка приходил, у него такое расследование, помочь надо бы, а я здесь взаперти.

Пересмешница тоже хороша. «Монах умер» — и ушла, до самого вечера не вернулась. А что за монах, где жил, как умер, давно ли, и откуда она о нём знает?

Барышня Сандзё и ночью плачет. Перегородка тонкая, а сестрица — девушка переимчивая. Прислушивается и сама потихоньку хныкать начинает. Ей тут даже песенку не споёшь: я-то знаю, от господина Хатидзё, что во дворце услышат детскую припевку — и пойдут толковать... И во двор с дитятей до утра не выйдешь, это я уже пробовала. Сразу вылезают сторожа и дозорные дамы, загоняют обратно.

Госпожа Намма дочку качала-качала, потом отдала мне, а сама поднялась.

— Попробую, — говорит.

И пошла за перегородку к Метели.

Пересаживаюсь поближе, чтобы послушать. Я сама утешать умею плохо, а может пригодиться.

Только сначала не слышно ничего. Шепчутся, шепчутся... Сестрица почти уже заснула. И тут барышня Сандзё навзрыд:

— Я даже горевать о нём не могу как следует!

Опять. Вот чего от меня господин Хатидзё точно не дожждётся, ежели я его переживу. Или горевать, как сердце просит, или уж честно забыть — но только не закатывать страданий по правилам, чтоб не хуже, чем у людей. Впрочем, он сам бы тоже, я думаю, так себя вёл, кабы овдовел. Не ради приличия.

— А что? — спрашивает мачеха.

— Боюсь. А бояться и скорбеть сразу — не получается. И нигде не написано, как это должно быть одновременно.

— А чего боишься-то? Разве ты его чем обидела?

Барышня Метель молчит, слышно, как носом шмыгает. Потом вдруг заговорила быстро-быстро:

— Слушай, Ива, мне вообще с тобою не велели говорить, потому что твой муж — из Приказа. Но ведь если чиновник погиб, и другие могут погибнуть — это же как раз и значит, что Полотняные должны вмешаться? Чтобы — не допустить? Вот твой муж приходил, господин средний советник — может, он что-то сделать сможет? Я уже ничего не понимаю!

— Погоди, погоди, — останавливает её госпожа Намма, — о чём речь? Кто может погибнуть?

— Да все мы!

За перегородкой даже затрещало, словно у них там какая-то ткань порвалась.

— Помнишь, когда после Седьмой ночи нам дали отпускной день? Я тогда домой отпросилась. Батюшка был ещё на службе, я с братцем поговорила, всё вроде было хорошо. А потом приезжает отец, меня отослал, они с братцем толковать стали. О нём, о разъездном смотрителе.

— Ох! Прознали, что он тут был?

— Да это бы не страшно. Я ж сама братцу сказала. Да и вообще — не могли они не знать, у нас дома все друг за другом следят, а он ведь уже почти родич был.

Да уж. Бывают такие семьи — сами себе и сыщики, и преступники, и узники, и надзиратели...

— Ну вот, — продолжает барышня Сандзё, — батюшка с братом из-за господина Канадакэ опять стали ссориться. Потому что тот какую-то глупость сделал. Или ошибку. Или — я не поняла, что. И теперь из-за этого мы все, весь дом, в смертельной опасности. А братец отвечает, что тут не подчинённого первая вина, а начальника, и что мы под этой опасностью, оказывается, уже годы ходим! А батюшка говорит, что он никогда предателем не был и в доме у себя такого не потерпит. А братец: и что ж ты Канадакэ не запер в Палате, сразу, как тот прибыл? А отец ему: мол, все видели, как разъездной смотритель прибыл, так что пусть дома сидит и отчёт свой пишет. Как же, отчёт он писал, братец в ответ, он к нашей дуре во дворец отправился — и добро ещё, коли только к ней! Тут батюшке даже нехорошо стало. Потом они стали шептаться, я совсем почти ничего не разобрала, но всё равно — про то, что все могут погибнуть, и не только господин Канадакэ, а все мы! Братец уже собрался его вызывать к нам домой, но отец говорит: я пошлю за ним приглядеть, поберечь, только лучше уж у него в усадьбе. А потом они опять стали ругаться, я испугалась совсем, и они меня услышали. Велели молчать, отправляться обратно, и что всё будет хорошо. Только какое ж хорошо, если он той же ночью... если его утопили!

— Ну, следствие ещё ведётся, — не очень уверенно вставляет мачеха, — может, это ещё и не убийство. Несчастный случай или что...

— А с того легче, что ли? — перебивает барышня Сандзё. — Если потом такое «или что» с батюшкой стрясётся, или с братом, или со мною...

Госпожа Намма спрашивает:

— Да что такое молодой господин натворил? Чем он был виноват?

— Откуда я знаю? Он же мне ничего не рассказывает... И неизвестно: он сюда ко мне приходил — или на самом деле ещё к кому-то. А я так, для отвода глаз...

Над этим вообще-то не плакать надо бы, а подумать. Ведь вот: узнал кавалер что-то очень важное. Хочет потихоньку передать... ну, скажем так, на самый верх. Через голову начальства. Но где и с кем он видится из других чиновников, кому пишет — это начальству несложно отследить. Что делать? А к даме идти. Во дворец Государыни-матери. Даже если узнают, что он тут был, спишут на сердечные дела. А во дворце есть одна особа-перевёртыш, она посторонние бумаги приберёт, просмотрит — по-мужски она читает — переоденется в должностное, причешется по-чиновничьи и передаст донос куда следует. За ответом же опять приходите на свидание.

Кажется, барышня Метель примерно о том же думает:

— Вот мы все доклад ищем. А кому этот доклад? Может, вовсе и не батюшке... Может, лучше нам его и не находить. А то там такое...

Ну, какое — «такое»? Ведь что-то важное, я помню, тебе твой милый нашёптывал тогда. И ты, барышня Сандзё, прикидываешься только, а на самом деле поняла. Потому и проскочила эти его слова без внимания, что с ходу поняла. А я слышала, но не могу вспомнить!

Да! Сколько земель в Облачной державе. Не спрашивай меня про землеописание. Вот что это было! Только что имелось в виду? Сколько их — шестьдесят шесть, как тех листков для нашей повести. Это все знают, какой смысл спрашивать? Он имел в виду: земель стало меньше, одна-две взбунтовались и отвалились? Или наоборот, новые из моря поднялись? Или какая-то считалась за одну, а теперь раздвоилась?

Мачеха уже ничего членораздельного не говорит, только воркует, как над сестрицей. И кажется, подействовало. Барышня Метель заснула.

А у меня вряд ли получится.

Как становятся наблюдателями

(двенадцатый день седьмого месяца)

Утром госпожа Третья Застава с непроницаемым видом молвит:

— Госпожа Хатидзё — в Ткацкий покой. Младенца бери с собой.

Неужто ночью наше хныканье всё-таки растревожило кого не надо?

Провожает нас Пересмешница. И тоже: как дворцовой даме положено, не объясняет ничего.

Там и правда стоят ткацкие станки, только никто за ними не работает. На возвышении сидит Государыня-мать. Кланяемся, нам с сестрёнкой велют приблизиться, а наблюдателю — удалиться.

— Вести от паломников, — говорит Государыня. — Муж твой передаёт, что жив и здоров.

Он ещё и листок прислал. Государыня указывает: вон там, возьми с подноса.

С ветки на ветку

Скакнула, как будто бы...

Нет, показалось.

Лишь одиноких шагов

Шорох в осенней листве.

Про летучую белку, видимо. То есть про меня. Одиноко им там! Всему паломничеству в сорок человек.

Но почему такие новости сообщает сама Государыня?

— Они сейчас в четырёх днях езды от Столицы.

Я уж и представить не берусь, каким путём странствует бывший государь со свитой. Недалеко ушли, то есть ещё долго не вернуться? Они в каждом храме вроде бы собирались останавливаться и молиться...

— Отец Властителя Земель также в добром здравии.

Подтверждает намерение по возвращении поселиться в обители Облачной Роши. Твоему супругу обещана должность мирского распорядителя этого храма.

Облачная Роша, Унрин, — это совсем рядом с городской стеной, почти сразу за конюшнями и складами, что позади Дворца. Чего-то подобного господин Хатидзё, кажется, всегда и хотел. Служить при своём государе, после того как тот отречётся. Правда, мирской распорядитель — это же тот, кто отвечает за хозяйство. А что, младший внук Конопляного господина в хозяйственных делах разве что-то понимает? Или важнее честные намерения?

Мне об этом следует знать заранее. Причём сейчас, когда я выйти никуда не могу. Чтобы пока прикинула, что понадобится супругу для новой службы?

Благодарю и кланяюсь, что я ещё могу...

— Храм не бедствует, срочно исправлять ошибки предшественника не придётся, — добавляет Государыня.

Вроде бы успокаивает, но всё равно голос звучит подозрительно сочувственно. Впрочем, никаких разъяснений Государыня дать не изволит: взмахивает веером и сразу переводит разговор:

— Теперь насчёт повести. Как по-твоему, дамы поняли, что от них требуется?

Хороший вопрос. Вроде бы ответ ясен: «победить соперниц» — а вдруг тут какой-то подвох? Или речь не о том, чтобы победить, а о том, как это сделать?

— Не смею утверждать за старших, но полагаю, что основную сложность все поняли и постараются справиться.

— И какая же сложность?

— Раньше ведь никогда не сочинялось повести, которая будет представлена прежде слушателям, нежели слушательницам...

Кажется, угадала: Государыня благосклонно наклоняет голову.

— Да. Дело в слушателях. В Слушателе. Историю

вы выбрали удачную: о верных государевых людях по обе стороны моря. И поучительную: ибо, как ни прискорбно, царства Кудара больше нет.

— Потому что кударский царь не понимал, кто собирается ему вредить, а кто, наоборот, сподвижничать. И удалил тех, без кого в итоге обойтись не смог. Просто за то, что те прежнему царю хорошо служили...

— Вот именно, — говорит Государыня. — У нас не материк, у нас такое недопустимо. Не должно быть допустимо.

Кажется, понимаю. Государыня — не покинутая жена, а заботливая мать. Сочиняет наставление для сына. Но почему — в виде женской повести?

Всё остальное перепробовали, не помогло?

А ведь насчёт преданных людей — это и меня касается. Про господина Хатидзё все кому надо знают: он говорит «мой Государь» только про государя-отца, хоть тот уже и отрекся. Не про теперешнего Властителя Земель. И что будет?

И не потому ли — этот разговор со мной тут, наедине?

— Мирской распорядитель... — бормочу я. Мало ли, может, от потрясения, не в силах поверить своему счастью.

— Мирской, — подтверждает Государыня. — Ты любишь мужа?

Умеют же во Дворце задавать вопросы!

— Не знаю, люблю или нет, — отвечаю честно, — только если он из паломничества не вернётся или монашество примет — я не согласна!

Государыня усмехается:

— Думаю, этого можно не опасаться. Молодой Асано, господин Хатидзё...

— Всеми помыслами сосредоточен на том, кого не смею назвать... из наставников Закона.

— На бывшем государе? А это не заслуга твоего мужа. И не его вина. Видишь ли, почти каждый, кому

год за годом говорят «поди прочь, для тебя службы нет» — волей-неволей приучится ждать: так когда же она появится?

— Иначе зачем бы это говорилось снова и снова?

— Да. Подобный способ покорения сердец в последние годы применялся... очень часто. Несколько чаще, чем стоило бы. Ни твоего мужа винить в этом нельзя, ни его товарищей по несчастью. Мы это понимаем. Важно, чтобы из повести это стало очевидно для всех. Для всех слушателей.

Ох. А ведь, наверное, Властитель Земель и впрямь сейчас ко всем присматривается: ему верен такой-то чиновник или прежнему государю? Из робости бездействует, из лености — или ждёт приказаний от паломника? По собственному рвению действует — или по тайному приказу?

Вот разъездной смотритель, кажется, как раз собрался действовать — и оказался в пруду...

— Только ведь я-то сама не сочиняю... — спохватываюсь я.

— Я тоже, — говорит Государыня. — Поэтому нам не грозит увлечься страданиями влюблённых и красотами неведомых островов. Нам и следить, чтобы вышло то, что нужно.

Вот так и становятся наблюдателями. Что ж, теперь можно будет кое о чём потолковать с Пересмешницей напрямую.

И тут происходит то, чего я всё время боялась. Моя сестрица сочла, что ей уделяют непозволительно мало внимания. И выразила своё возмущение.

— Ступай, — милостиво кивает Государыня. — За детьми поди уследи!..

Сколько тигров

(тот же день)

Госпожа Третья Застава меня ни о чём не стала спрашивать, когда я вернулась. Наверно, мне удалось сделать подходящее лицо. Мачеха занялась

сестрицей. Метель, кажется, даже не заметила, что я куда-то отлучалась.

А Пересмешница сразу подсела:

— И что там, Белка?

Надобно ещё не выдать себя раньше времени.

Отвечаю:

— Государыня спрашивала, как продвигается работа. Я заверила, что все стараются. Только вот... Сама не знаю, успеем ли мы. Третью времени прошла. Трети повести явно ещё нету. Если не уложимся в сроки — то-то будет позору!

Она фыркает:

— Можно подумать, кто-то желает позора дамам Государыни-матери. Отложат чтение в крайнем случае. Важно же не кто первый допишет, а чтобы книги хорошие получились. Обе.

— Что-то я слышала, — говорю, — о мастерах, которым наказали сделать парные ширмы вслепую, то есть один не видел работу другого, только общее задание знал. Но здесь-то даже не известно, про что соперницы сочиняют.

На носатом лице у наблюдателя рисуется то самое удивление, какого я терпеть не могу. В точности как у господина Хатидзё, если его о чём-нибудь спросишь. Ты, мол, сама понимаешь, зачем притворяешься? Или поймёшь, если немножко подумаешь.

— Ясно, что там будет и о любви, и о страданиях, и о службе. Но это всё равно как сказать, что у ширмы будут створки и ножки. А хотелось бы вообще-то представлять рисунок. Хотя бы: мы тут рисуем тигра — или только половинку тигра? И если половинку, то какую?

Пересмешница всё так же глядит — открыто, удивлённо и весело.

— Ага. Я, кажется, наконец сообразила, что тебе поручено. Ну так пойдём посмотрим, что у Царевны сочиняют.

— А разве можно?

— Так ты же сама не пишешь. И не болтушка, иначе бы тебя сюда не позвали.

Если дальше осторожничать, она может и передумать.

Уже по дороге любопытствую:

— А кто у них наблюдатель?

Вот уж совсем как дуре:

— Наблюдать за состязанием бесполезно, когда не видишь обе стороны.

Остановилась и перевязывает волосы другой лентой: красной.

В Речной чертог мы пролезли без помех. Через боковую дверку — в проход, что идёт мимо их рабочего покоя. Соваться на глаза госпоже Жрице мне бы не хотелось. Будем подглядывать из-за занавеса.

Царевна правда тут. Полулежит на помосте, перед нею бумага и поднос с кувшином и чарками. За работой и сама выпивает, и дамам пересылает. Это пристрастие у неё, видно, тоже общее с братом, отшельником Кандзаном...

Одна из дам говорит, чуть повернувшись к другой:

«Настала пора сменить лёгкие одежды на тёплые. В саду в тот год клены краснели особенно ярко, оттененные вечной зеленью бамбуковых стволов, желто-бледными последними цветами зольника, белым инеем по утрам...»

Та вторая дама записывает.

«Старший советник с садового крыльца наблюдал, как дети перебрасываются каштановыми орехами. И сложил, внимая посвисту холодного ветра...»

Поодаль сидит третья дама, помоложе этих двух, растирает тушь. Первая замолчала — эта подняла голову. Уставилась перед собою осоловелым взглядом. Как раз на нас, но ничего не видит, кажется. Произносит громко, пронзительно, без всякого чувства:

Юных побегов

Листву пожелтевшую

*Сгубят морозы.
Старому пню предстоит
Зиму встречать одному...*

И снова уткнулась в тушечницу. Вторая дама пишет, а первая продолжает:

«Приближался день равноденствия, в доме готовили всё для поминовения умерших. Вспоминая отца и братьев, Старший советник плакал неутешно. Верный Цурутака, заглядывая с крыльца, оправил подвязки на шароварах и молвил: все там будем...»

— Ох! — вздыхает вторая дама. — Опять подвязки... К чему они?

— Для размеренности повествования, — неумолимо отвечает первая.

Царевна кивает:

— Пусть будут. Потом сократим.

Сидели мы и слушали с половину стражи. Они так и пишут. Накатали листов девять-десять, с тремя вставными песнями, ничего не правили. Не меньше трёх страниц наговорила сама Царевна.

Потом прервались, перекусили прямо здесь. И довольно основательно.

— Но сам-то Советник, — спрашивает та дама, которая у них за писаря, — в глубине сердца предчувствует, сколь высокая участь предначертана ему и его дочерям?

— Сердце-то ему говорит, — кивает Царевна с набитым ртом. — Только он слушать не хочет и голос его заглушает. Рыданиями. И предпочитает внимать пошлостям верного Цурутаки.

— Я всё же опасаюсь... — говорит первая дама, та, которая в основном диктовала. — Не покажется ли резкий переход к ликованию... безвкусным?

Царевна объясняет:

— Главный слушатель не хуже нас знает, как случаются чудеса. Если к этому постепенно, осторожно подводить — выйдет не чудо, а подделка. И тогда вся

работа насмарку.

Обе старшие дамы закивали и умолкли. Младшая вообще сидит и ест, быстро и сосредоточенно. И ни слова. Не знаю, кто у них будет повесть читать, но на мой слух, голоса у всех трёх пожиже, чем у нашей Рассветной госпожи.

Зато у них тоже «главный слушатель». Тот же, что у нас?

Поели и снова за дело. Киваю Пересмешнице: пойдём, что ли?

— Один тигр или два... — задумчиво произносит она уже на нашем крыльце.

— Один, я думаю. Только у нас он больше Государь, а у них — верховный жрец? Это-то неудивительно. Я другого не понимаю. Почему этим женщин озадачили?

— Потому что мужчины пишут докладные записки. Или учёные трактаты, или монашеские проповеди. Всё это — материковым языком. И тот, кого не смею называть, запросто может ответить: это всё иноземное, к нашим делам напрямую не применимо.

— А если ему не заморских мудрецов преподнесут, а выдержки из летописей, на Облачных богов будут ссылаться и на наших древних царей, он на это: я Властитель Земель, я лучше знаю, что богами заповедано.

— Вот! А женская повесть — ни то ни другое. Родное, но не священное. Не сразу подберёшь, что возразить.

Она зачем-то добавляет:

— Ты из Конопляного дома, ты всё это сразу раскусила. Здорово.

— Только я не поняла, — говорю. — Что у них там в повести всё-таки происходит? Такой большой кусок сегодня был, а действия никакого.

Пересмешница рассказала, что знает. Там в знатной семье был младший сын, дурачок. Братья над ним смеялись, он и вёл себя по-дурацки, даже путался с худородными женщинами. И вот, моровое поветрие, все

мужчины в той семье умерли, кроме дурачка. Оставшись главою дома, он пытается взяться за ум, но получается только хуже. Разобраться со всеми любовницами, включая подругу брата, которая считает, что этот братишка её унаследовал, самому выгодно жениться и так далее. Он боится, что на их семью гневаются боги, и всё время ждёт худшего. А потом двух его дочек, вот тех, что кидались каштанами, полюбит юный государь. Тот самый, который объявил Великое Обновление. Советники говорят: это проклятая богами семья. А государь: наоборот, он — счастливец, хочу быть его зятем. Не указывайте мне и богам, кого мы любим!

Я удивляюсь:

— И как же они в шестьдесят шесть листов уложатся? Если у них всё так медленно рассказывается, как сегодня?

— Так ты же слышала: они потом будут сокращать. Верного сподвижника с его штанами и пословицами и многое другое. Это, что сегодня было — черновик.

Ничего себе! Это ж сколько лишней работы получается. С другой стороны, они так быстро пишут, что если бы сразу делали на заданный размер — уже давно закончили бы. А сроки и им надо соблюсти.

Но хуже всего, конечно, что у них с песнями всё в порядке. И даже, наверное, большой запас получится. Хотя та девушка, которая у Царевны по стихотворной части... я, конечно, не сочинительница, но долго с ней вместе работать точно не смогла бы. Если супруг мой приходил на службу в Обрядовую палату, а там все жрецы этикие вот — ничего странного, что он оттуда сбежал.

— И всё равно наши дамы мне больше нравятся. Они сами придумывают. А там как по прописи.

* * *

Господин Намма, следователь Полотняного приказа

Семейное дело

(двенадцатый день седьмого месяца)

О происшествии у западных ворот тюремный смотритель Сандзё узнал быстро. Не замедлил прислать письмо с просьбою отпустить его людей, выполнявших его приказ. Средний советник Намма в ответ учтиво попросил посетить Полотняный приказ, дабы разобраться, кто из этих людей чей. Господин Сандзё-младший не уклонился: прибыл и терпеливо дождался окончания допроса Такэситы.

Чиновник в цветущих годах, рослый и уже слегка грузный; кланяется резко, при этом и в рукавах, и за пазухой что-то отчётливо шуршит. Любезно приветствует Намму, но тот держится холодно.

— Хотелось бы узнать, господин младший советник: на каких основаниях тобою был отправлен из Столицы свидетель по важному делу? Находящийся в гласном розыске?

Сандзё щурится. Кажется, расслышал, что речь идёт о «свидетеле», а не о «подозреваемом». Выпрямляется с достоинством:

— Охотно отвечу на вопрос господина следователя, но прежде настаивал бы на том, чтобы был отпущен мой сопровождающий. Он всё равно ничего не знает, сверх отданных ему мною распоряжений.

Средний советник улыбается неласково:

— Не имею возражений. Исключительно верный человек, полагаю, — раз следует твоим распоряжениям, не находясь у тебя в непосредственном подчинении.

Сандзё-младший слегка пожимает плечами:

— Дело-то семейное...

Конечно. Налог в Облачной державе взимается с семей, а не с отдельных подданных. И сбором тоже занимается семья: господин Сандзё с родичами, включая престарелого главу Податной палаты.

Намма посылает рассыльного — пусть сопровождающего выпустят. Принимает благодарности.

Спрашивает:

— Итак?

Господин Сандзё придвигается поближе к следовательскому столику. Вынимает из рукава пачку бумаг. Выкладывает их перед Наммой:

— Вот мои основания. Что уж теперь...

Средний советник быстро просматривает исписанные листы.

Собственно, полдела сделано: доклад Канадакэ перед ним. С подробным описанием новой процветающей земли, присоединённой к Облачной державе. Много мелочей и подробностей. Глазастый был юноша и расторопный.

— И откуда у вас это... сочинение?

— Такэсита принёс. После смерти своего господина он испугался, что и с ним что-нибудь случится. Он ведь и впрямь — свидетель... А больше ему идти было некуда — из города сам не выбрался бы.

Следователь кивает:

— Понятно. Какая же судьба была тобою уготована этим грамотам?

Сандзё-младший взмахивает веером:

— Нетрудно догадаться. Я собирался их уничтожить. Пока этот отчёт не уничтожил всю нашу семью.

А после задержания беглецов понял, что уже поздно. Но лицо у тюремного смотрителя — не совсем такое, как полагается при явке с повинной. Не вина, не смирение, не стыд на нём — а сдерживаемый гнев.

— Насколько осведомлен о происходящем господин заместитель главы Палаты? — уточняет Намма.

— О чём именно? Устный отчёт ему Канадакэ отдал сразу по прибытии. О происходящем на Востоке отец и до того, разумеется, не мог не знать. Тут глупо было бы притворяться. О том, что Такэсита сидел у меня под замком и должен был сегодня отбыть, я отцу не сообщал. Не видел необходимости.

Похоже, Податное семейство не вполне едино в себе. Что ж, такие печальные несогласия порою склоняют к искренности с посторонними.

Следователь Намма ещё раз перебирает бумаги.

— И по рассказу Такэситы, да и по этим вот записям... Не могу сказать, что образ действий разъездного смотрителя Канадакэ кажется мне разумным.

— Честолюбие и самоуверенность разум не укрепляют, — кивает Сандзё.

— Как же вышло, что для столь... ответственной задачи, как поездка к воеводе, был выбран именно Канадакэ?

— Полагаю, дело в том, что мой отец очень любит своих детей. Сколь бы строгим ни выглядел со стороны. Моя сестра — барышня своеобразная. Живёт книгами, ближних меряет по меркам, взятым из повестей. Оттого до сих пор и не замужем. С этим Канадакэ ей удалось... подружиться, если так можно сказать о девице и юноше. Они разговаривали, он правил её сочинения. Отец решил: пусть поженятся. И стал понемногу вводить его в семейные дела. Это, безусловно, было ошибкой. Поездка — уж точно. Хватило бы слуги, чиновника гонять с личными письмами совершенно ни к чему. Даже будущего зятя.

— Важно было, чтобы на жениха посмотрел господин Восточный воевода? И высказал своё мнение?

— Как всегда, — раздражённо кивает тюремный смотритель.

— И что же было дальше?

— Канадакэ воеводе не понравился, судя по всему.

Кажется, Сандзё-младший собирается держаться того же объяснения, что и Такэсита: разъездного смотрителя убрали люди воеводы.

— Ну вот, — спокойно продолжает Намма, — Канадакэ вернулся. Как я знаю, немедленно явился к господину заместителю главы палаты. И отчитался. На что, как ты думаешь, он рассчитывал?

— Насколько понимаю, на то, что отец доселе пребывал в неведении о происходящем на Северо-востоке — или сумеет такое неведение изобразить. И они вместе выступают, как бы это сказать, добрыми вестниками о приращении страны. Отцу ничего не оставалось, как поддержать эту игру: он похвалил гонца, напомнил ему, как надписывать обёртку на докладе, и отправил писать этот самый доклад. А потом, дескать, старший советник сам всё выправит и представит наверх, отметив выдающуюся расторопность молодого чиновника. Понятно, что если бы так и вышло — дальше жаровни эти бумаги не пошли бы.

— Могу себе представить такой путь, — медленно кивает Намма. — Но я бы обязательно приставил кого-то присматривать за молодым честолюбцем. А по-хорошему, так запер бы его у меня в усадьбе, а не отпускал домой.

Сандзё-младший печально опускает взор:

— Увы, это не первый раз, когда отец одаряет своим доверием совершенно неподходящее лицо.

А потом неподходящие лица уничтожают друг друга, сам же господин Сандзё оказывается ни при чём? Не выйдет.

— Что всё-таки произошло дальше?

— Тут я виноват. Мне стоило самому присмотреть за Канадакэ. По рассказу Такэситы, люди воеводы выследили гонца до самой столицы. И... он погиб.

— Был убит, — уточняет следователь. Сандзё склоняет голову: мол, Приказу виднее, чем будет признана эта смерть.

Не монах?

(тот же день)

Итак, Сандзё-младший не знает, чем, кроме составления доклада, занимался в эти дни и ночи Канадакэ. Или делает вид, что не знает.

— И как ты думаешь, — спрашивает следователь, — воевода действительно отдал такой приказ? Или это рвение его сподвижников?

— Не знаю, возможно и то, и другое. И хуже того: может быть, что воевода никого вслед гонцу не посылал, счёл, что достаточно будет письма моему отцу с отзывом о женихе. А убийство совершили какие-то люди воеводы, живущие здесь, в Столице. Прознали о «радостной вести» и решили действовать сами.

Сандзё хмурится:

— И отец, и я, разумеется, их ищем. Пока — тщетно. Отцу в голову не приходит, что его друг не поведал бы ему обо всех здешних убежищах, какими располагает.

Намма открывает рот для нового вопроса, но тюремный смотритель продолжает. Уже с нескрываемой горькой яростью:

— Он не понимает! Для него воевода — давний друг, столь же искренний в своих чувствах, как он сам. А для воеводы отец — просто нужный человек в Столице. И, боюсь, заменимый человек.

— А по вашим сведениям, — быстро подхватывает Намма, — от каких ещё столичных служилых домов ездят гонцы на Северо-восток?

Сандзё набрал было воздуха в грудь, чтобы ответить. Но — осёкся. Видно, как он соображает: Полотняный чиновник мне сейчас предложил изблечить заговор. На выбор: с участием моего родного батюшки или без. Вот и посмотрит, велика ли разница между мною и покойным Канадакэ. По части открывания глаз ответственным лицам на то, чего они не знают у себя под носом.

Рассчитал всё это. Молвит:

— Безнадёжное дело. По крайней мере, мне не по силам. Гонцами, ходоками, вестниками могут быть... да почти кто угодно. Неуследимо.

Следователь достаёт пустую трубку для свитка. Скручивает листы доклада, убирает, неспешно запечатывает. Потом говорит, чуть ли не ещё более

мирным голосом, чем прежде:

— Это хорошо, господин младший советник. Хорошо, но мало. Учитывая убийство.

— Понимаю, — склоняет голову Сандзё. — Могу ли помочь чем-то иным?

— Надеюсь, что можешь. По крайней мере в двух вопросах. Первое: позаботься о том, чтобы господин заместитель главы Податной палаты в ближайшие дни соблюдал строжайшее уединение. Причём по собственному почину. Мне крайне не хотелось бы задействовать тут Палату Обрядов...

Как не хотелось бы и получать предписание от главы Полотняного приказа о домашнем заточении господина Сандзё-старшего вплоть до конца расследования. Слухи тогда пойдут по всей Столице, а Намме это не нужно. Молодой Сандзё кивает:

— Об этом я позабочусь.

— И второе. Кто такой монах Каннити-бо?

Тюремный смотритель тяжело вздыхает. Мнёт руку рукою под рукавами. Произносит наконец:

— Не знаю. Единственное, что могу предположить — никакой он не монах.

— Почему?

— Потому что это я уже проверял. Как только Канадакэ впервые зачитал мне выдержки из его писем.

Средний советник Намма слегка откидывается назад:

— Он эти письма вслух читал?!

— Даже челяди не отослав, начал. Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я не считал Канадакэ подходящим женихом для моей сестры. Конечно, я немедленно выгнал слуг: не надо им слышать, как хозяин гостю рот затыкает. Но услышать успел достаточно, чтобы попробовать разузнать, кто этот наставник Каннити. — Неожиданно Сандзё усмехается. — Так и не выяснил, колебался. Или это — ваш человек. Или — кто-то тесно связанный с Военной палатой. С самым её верхом.

Кажется, ещё одного «или» тюремный смотритель не договорил, и Намма ему подсказывать не собирается. Потому что хуже всего — если подстрекатель и впрямь монах. Из доверенных наставников прежнего Государя. И проверяет он не только честолюбивых молодых чиновников.

Тогда что же: Канадакэ с докладом — часть замысла, рассчитанного не месяцы назад, а годы? Что прежний государь тяготился делами правления, при дворе говорили давным-давно. Быть может, и отречение своё начал готовить загодя. В том числе распорядился, чтобы Восточный воевода — против закона, на грани мятежа, — держал в тайне свои успехи. До той поры, когда начнётся новое царствование, и будто бы случайно Властитель Земель узнает, сколь многое его двор и все палаты от него скрывают...

Горшок с китайским взрывчатым зельем, полностью снаряженный, только верёвочку дёрни. А конец верёвочки — в рукаве у смиренного странника, пребывающего ныне где-то в горах. Грохнет взрыв здесь, в Столице, личное участие государя-монаха для этого не понадобится.

Нет, не так. Горшок, оставленный в подарок отрекшимся отцом царствующему сыну. Властитель Земель, разумеется, чует ту землю — Белокрылую или как её назовут, — что примкнула к нашей державе. Это не оправдывает бездействия палат: представление на наместника не подали, управу не построили, налогов не собирают... И войска не отводят. Государь может сместить — на выбор — главу почти что любой палаты за злостное нерадение. А все последующие должностные передвижки... Новые назначенцы будут знать, кто, в конечном счёте, способствовал их взлёту. И преисполнятся деятельной благодарности.

Средний советник ловит себя на полном неприличии: вот уже некоторое время они с тюремным смотрителем сидят и молча смотрят друг другу в глаза.

— Надеюсь и впредь оказаться полезным, —

говорит Сандзё-младший. — Мой лук и кисть моя всецело в твоём распоряжении.

— Лук? — Не удержался Намма от удивлённого вопроса. Вспомнил, должно быть, собственного сына-школяра.

— Ещё в детстве я получил наставления в этом искусстве от друга моего батюшки.

И слышно: с тех-то самых пор и росло у молодого Сандзё словами не изъяснимое чувство к господину воеводе.

Долг благодарности. Пора начать отдавать.

Подчинённый

(тринадцатый день седьмого месяца)

Утром Глава Полотняного приказа внимательно прочитал доклад Канадакэ. Никогда прежде Намма не видел, чтобы за чтением лицо господина Асано-среднего было столь подвижным. Сложные чувства... Дошёл до последнего листа, вернулся к началу, пересмотрел первые два, кусочек из середины. В конец заглянул ещё раз.

Остановился. Молчит, глядит на собственные набеленные пальцы.

— Это не для летописи, — произносит главный советник, и едва ли не восхищение звучит в его голосе. — Но какая бы вышла повесть! «Записки о Восточном воеводстве», у нас таких ещё не бывало.

Ответа он и не ждёт.

— В заморской книге мятежный воевода прятался бы от государевых людей или оборонялся, а в итоге погиб. То-то удивительно будет, если у нас развязка получится иная. Надо будет подобрать книжника с хорошим слогом, чтобы завершить рукопись... Но это потом. Сначала надо понять, с чем мы имеем дело. С самоуправством на окраине или с заговором в Столице.

— Сведения, изложенные в докладе, подтверждают по крайней мере двое свидетелей, — отзывается Намма.

— Да я и не вижу тут явного вымысла. Но как небылица, так и правда должны быть кому-то нужны. Пока не выясним, кому, дальше двигаться бессмысленно. Этот монах, о котором ты упоминал: чей он?

— Пока единственные показания о нём — что он скончался. И это до сих пор не подтверждено. Показания исходят из Дворца, из покоев Государыни-матери.

— Тогда, — говорит господин Асано, — продолжай розыски. Насчёт монаха докладывай только устно.

— Будет исполнено. Что касается убийц разъездного смотрителя...

— Убийц оставь страже. Доклад найден. Теперь наше дело — смутьяны.

То есть, видимо, та работа, что уже начата: отследить все поездки на Восточный рубеж из столичных домов. Розыск монаха, его переписки, затем — его покровителей и знакомцев. И проверка всей Податной палаты сверху донизу.

— Возражаю, — говорит средний советник твёрдо. — Смеем полагать, что убийство и пособничество смуте связаны между собой. Нам убийцы нужны как свидетели, а не как преступники.

— Какие свидетели... — морщится глава Приказа. — Ты надеешься, они тебе назовут, кто их послал? Так ведь ясно, что решение принимала особа из крупных. Может себе позволить хороших исполнителей. То есть таких, которые будут молчать, если даже попадутся.

Или, если у крупной особы трудности со столь верными людьми, то исполнители просто уже уничтожены. Стража пусть тратит время на бесполезные розыски, у нас есть другие задачи. Верно, но...

— Ворота и стены — под нашим наблюдением. Похороны и очищения также отслеживаются. За прошедшие дни подходящих беглецов или покойников не имеем. Из чего, увы, приходится заключить:

исполнители не всё доделали, что им было велено. Если убийства продолжатся, это будет наша вина, а не стражи.

Господин Асано не обрывает. Намма говорит дальше:

— Как ловить, при том, что примет почти нет? Вместе со стражниками, однако не полагаясь на них одних. Круг семей с восточными связями — это и есть наш круг возможных жертв. Связями занимаемся мы, страже называем лишь улицу и усадьбу. Совместно устраиваем засады и надеемся перехватить ночных посетителей. Или дневных. Если выловим кого-то, стража беседует с ними, а мы — с жертвами вторжения.

— Уже перепуганными, — кивает Асано. — Хорошо. Лиц твоего чина и выше сам не допрашивай, прежде непременно доложи мне.

«Непременно» сказано с таким нажимом, что средний советник украдкой поднимает взор на главу Приказа. Необычно выглядит господин Асано средний. В глазах его — привычное беспокойство. Но сверх того — увлечённость. Чтобы не сказать — вдохновение. Никогда прежде глава Приказа не стремился лично участвовать в допросах. Это настораживает.

— И ещё, — добавляет Асано. — По Столице бродит монахиня, якобы пророчица с Востока. Доставь её мне. Это может быть важно.

Чем именно важно — не уточняет. Видимо, среднему советнику это знать не по чину. Но сам-то Намма начальнику ещё не докладывал о монахине Расэцу. Что же: господин Асано-средний изволит сам заняться сыском?

Что-то случилось во Дворце. На самом верху. Властитель Земель получил отцовский подарочек? Или догадался о нём, брат не стал — но как-то ответил? И дело о заговоре завертелось, даже до всякого доклада Канадакэ?

Не тронь чиновников своего чина и выше. Сосредоточься на низших и на слугах. Восток слишком

богат, переписка с ним не может не сопровождаться щедрыми дарами. И кто-то лишних птиц да рыбин наверняка сбывал. Или носил в подарок. Есть зацепки, наверняка есть.

Только вот кто бы госпожу сыщицу, и дитя её, и няню оградил от общения с вышестоящими...

Следователь Намма кланяется:

— Будет исполнено.

* * *

Госпожа Хатидзэ, урожденная Намма

Отражение

(двенадцатый день седьмого месяца)

Работают наши дамы. Даже не заметили моей отлучки. Заберу сестрицу, сытую и сонную.

Ясно, по крайней мере, одно: листок с материковыми знаками — не из царевниной повести. Никак не ложится туда, ни по смыслу, ни по настроению.

Пересмешница пока не уходит. И я её спрошу:

— А трудно выучить китайское письмо?

— Если нарочно учить — наверное, трудно. У меня это вышло по обстоятельствам.

Жду: каким? Она продолжает:

— У меня двое братьев, оба старшие. Мы всегда с ними хорошо ладили, даже когда я совсем маленькая была. Потом их начали учить, а я мешала. То есть совсем не давала заниматься. Весь дом был в туши до самого потолка, а все домашние — в слезах... Учитель тогда велел поставить мне ещё один писчий столик и сказал: садись и веди себя, как грамотей. Так и пошло: братцы выучились — и я заодно.

Если так считать, то старший брат, конечно, лучше...

— Зато я, — говорит, — совсем не умею с детьми управляться. Как ты, я бы не смогла.

— А ты в семье младшая?

— Пока да. Но, сдаётся мне, не надолго. Только не знаю, кто из братьев раньше детей заведёт.

Она так говорит, будто барышне Пересмешнице самой ничего такого не светит. А почему? Дворцовая служба не позволяет — или что?

Отвечаю:

— Мой супруг по этой части не торопится... Письмо вот прислал с дороги. Одинок он, понимаешь ли, страшно одинок.

Обычный такой дамский разговор.

— Будь он тут, я бы у него хоть вытрясла всю правду про монаха Каннити. Он, кажется, всех наставников Закона наперечёт знает. И живых, и умерших, и кто куда вознёсся после кончины.

— Последнее было бы особенно любопытно.

— *«Если окажется, что Закон Просветлённого завёл меня в пекло, а не в Чистую землю, я рад буду пойти и в ад»*. Я верно понимаю, что этот Каннити был как раз из таких вот, истовых подвижников?

Пересмешница вздыхает:

— Скорее, желал бы быть, как Земляная Утроба. Сразу всюду. *«Из какой бы земли ни призвали меня несчастные, там я тотчас же и явлюсь, а ежели не смогу — тогда не нужно мне освобождения»*.

— То есть он был бродячий монах, а не из обители?

— По-моему, да.

— А ты с ним тоже переписывалась?

Она невесело смеётся:

— Вот то-то и обидно, что как раз мне он ни разу не написал.

Но ты хорошо его знаешь. По чужим письмам? Краденым? Изъятым? Или тебе их добровольно пересылали?

— А он своей смертью умер? И точно ли умер? Ты об этом откуда узнала?

— Умер. Из последнего письма. Там всё уже понятно.

Да ведь ты, наблюдатель, очень горюешь о нём. Но ничего толком не объясняешь. И что из этого следует?

— Что понятно? Он уже совсем болен был? Или собирался с собой покончить? Голодом себя заморить или как там... Монахам на самом деле этого нельзя.

— Отказался от кисти и туши. Для таких, как он, это — последнее, Белка.

И опять тот же взгляд: ты, дескать, давно догадалась, о чём речь. Сложи уже давай два и три, и всё сойдётся. Я бы с удовольствием. Но у меня, Пересмешница, каждый раз, как я в этом деле складываю два с тремя, получается десять тысяч, вот ведь беда.

— Хотя... То есть монах Каннити-бо и господин Канадакэ — это одно лицо?

Наблюдатель кивает:

— Так, да не совсем. Лицо и отражение.

— В пруду?!

И тут она разревелась по-настоящему. Или он. Какая разница, девушка или парень на службе в Грозových покоях. Недолго, горько, и все белила насмарку.

А потом смотрит — не знаю, как этакий взгляд назвать.

— Получилось, что в пруду. Это... редкостный дар у тебя, Белка. Я больше не буду.

Батюшка на моём месте её бы сейчас дожал. Но я сперва сама ещё подумаю. Только спрошу:

— Ты сегодня здесь во Дворце ночуешь? И в которых покоях, если да?

Продышалась, вытерла красный нос. Кивает в угол за книжными полками:

— Да прямо тут, наверное. Почитаю на ночь.

О том, что важно

(тот же день)

Конечно, если она — мужчина, то неудобно. Не потому что осудят: во Дворце если уж решили

принимать наблюдателя за даму, на том и будут стоять. Но я сама свидание назначила, про мужа говорила — детей, мол, не хочет — в общем, кажется, кавалеру отступать некуда.

Спрашивается: этого ли я добивалась? Может, и этого. Я ведь, если честно, с первого дня здесь про него думаю почти всё время. Вроде бы, влюблённым так и положено.

Да ладно. Это ж я, не кто-нибудь. Так уже, видно, прежними рожденьями определено. Я к нему ночью приду на свидание, а он скажет: рад помочь Полотняному приказу, в остальном же — я монах, мне нельзя...

В рабочем покое темно, только фонарь в углу. Наблюдатель лежит, читает. Что-то из повестей, а не письмо.

Видит меня, сдвигается, чтоб было где присоседиться. Ложусь рядом, говорю:

— Я пробую всё свести вместе, но многого не хватает. Вот смотри. Утром седьмого дня господин Канадакэ приехал в Столицу. И сразу прислал Метели привет в стихах. Потом ночью был тут лично.

Кивает. Продолжаю:

— Назавтра Государыня вызвала Рассветную госпожу. Мы с тобой гуляли, Метель ездила домой. Потом в ночь с восьмого на девятое господин Канадакэ погибает. И прямо сразу, утром, сюда приносят записку, что Метель его уморила своей холодностью. Рассветная госпожа меня ещё спрашивала, чей там почерк.

— А чей? — спрашивает.

— Понятия не имею. И ещё: в то же утро дело забирают у Стражи и передают в Полотняный приказ. То есть доклад найти важнее, чем расследовать гибель разъездного смотрителя. Если доклад уже отдан во Дворец — зачем его искать? Для прикрытия?

— Для прикрытия — чего?

— Вот в том-то и вопрос! Может быть, доклад предназначался для податного начальства, а Канадакэ,

случайно или нарочно, оставил его здесь. А может быть, это вообще был другой доклад, или даже донос. Для кого-то во Дворце и предназначенный.

— «Ошибка при адресации донесения». По материковому счёту, проступок непростительный. Когда к высшему руководству обращаются напрямую, минуя непосредственное начальство.

— Очень похоже. Хотела бы я знать: у Канадакэ во дворце родня есть?

— Старшая его родня — кивает наблюдатель, — это Государыня-мать. Ну, и все сановники из Копейного дома. Но не напрямую, а через дом Сандзё.

— Замечательно! Это объясняет, почему господин Намма добивался встречи с дамами Грозового покоя. Непонятно, почему ему это так скоро разрешили, на второй день расследования.

— Понятно! Потому что Канадакэ доклад передал, а тот не дошёл по назначению.

И замолкает. Ну, хорошо:

— Господин следователь спрашивал про доклад. Даже настоятельно просил поискать его здесь у нас. А ещё — про монаха Каннити, чьи письма нашлись у Канадакэ. И оказалось, что монах умер. Потом этот листок, который ты переводила. Если это рука Каннити-бо и если получатель письма — разъездной смотритель, то Канадакэ должен был, во-первых, седьмого же числа написать монаху про свою поездку и про предсказание, что он прославится. Во-вторых, монах должен был успеть ему ответить, чтобы Канадакэ в ночь на восьмое число мог потерять его письмо здесь. Так?

— Кажется, да. Теперь-то всё сходится, Белка. Но допустим, Канадакэ подал доклад через голову начальства. В Седьмую ночь, когда был во дворце. Откуда господа Сандзё об этом узнали?

— Не знаю. Разве что Метель, сама того не заметив, выдала Канадакэ дома. Ой, как всё скверно получается. Раз Сандзё узнали, то у них как раз и появились

основания с разъездным зрителем расправиться.

— Наказать, ты имеешь в виду? По-моему, это глупо. Даже в великом гневе, всё равно уже бесполезно. И очень опасно. Другое дело — если они считали, или знали, что доклад так и не дошёл по назначению.

— По неправильному назначению. Вот они боятся: как бы наш будущий зять во дворце не сболтнул лишнего. Или не обронил. Начинается день после седьмой ночи. Во Дворце что-то происходит, из-за чего наша работа сорвалась. А Сандзё — знают, что именно случилось? И делают из этого вывод: доклад не подан, а значит, бумаги следует вытрясать из зятя вместе с сердцем и печёнкой? А тот, кто во дворце ждал доклада, — не получил его и тоже начал искать. Через Полотняный приказ.

Пересмешница задумалась.

Уничтожить докладчика, наверно, могли и получатели доклада, если всё-таки они его получили, устный или письменный. Но тогда зачем им это расследование?

Наконец, она говорит:

— Что именно господу Сандзё могли бы услышать про дворцовые дела... Это тайна невеликая, могу рассказать. На пиру Седьмой ночи, ближе к концу — тот, кого не смею назвать, изволил молвить пять бесценных слов. «Теперь всё будет совсем по-другому»... Государыня-мать давно опасалась чего-то подобного. Но пока слова не сказаны, было время ждать. А когда они прозвучали...

— Тогда и стало ясно, что мы не успеваем. Мы — то есть сочинительницы. И белые, и красные. А как — «по-другому»?

— Не знаю. Вижу только, что все в большой тревоге. Успеем мы или нет, сейчас никто не знает, я думаю.

Ох. Да ведь ясно, как «по-другому». Не так, как было. И не при прежнем государе, а вообще. То есть при Коноплянном господине, которого всегда все слушались. «По-старому» — это как постановил глава дома Асано. И

тогда убийство зрителя получается из того же ряда, что наше сочинительство. Только старый господин Асано успевает вовремя и действует не словом, а делом. Были, дескать, уже такие люди в наши дни, кто желал нового, не особенно даже заметные люди — податной зритель, странствующий монах... В переписке изливали свои надежды. И пожалуйста: один утонул, у другого тушь кончилась, короче говоря, нет их больше. И батюшка мой, младший родич Конопляного дома, всё это расследует. Найдёт переписку. А начальник его, господин Асано-средний, отчитается, когда его спросят. Глава Полотняного приказа отчитывается напрямую Государю. Днём или ночью, по первому запросу... И никакой при этом связи между гибелью тех двоих — и Конопляным господином. Никакой, кроме той, что старшему господину Асано никакое «по-новому» не нужно.

— А может, и не было доклада. Ни открытого, ни тайного. Канадакэ просто на свидание сюда приходил. Хвастался ещё, как дурак...

Дурака-то утопить не жалко — верно? В назидание умникам.

Наблюдатель опять молчит.

— Знаешь, что? — говорю. — Выкладывай-ка мне всё, что ты знаешь про Каннити. Прежде всего: он — это ты?

— Почему?!

Громко, но я бы не сказала, что убедительно.

— Во-первых, не кричи. Во-вторых, что у нас получается. Зритель монаха никогда не видел. В столичных храмах его не знают, иначе бы господин Намма здесь о нём не расспрашивал. У тебя бывали знакомые — другие — кто тоже никогда тебя не видал, а знал только по переписке. Как моя мачеха до недавних пор. Письмо, очень похожее на его, найдено здесь, да не просто валялось, а было припрятано. И не там, где спит Метель, а тут. Где ночует кое-кто другой. И похоже, письмо не дописано, потому и не отослано. Мужскую

грамоту ты знаешь. Храмовые писания многие помнишь наизусть, не хуже моего супруга. О господине Канадакэ ты горюешь. Как о друге, а не просто из сочувствия к Метели, это видно. Про монаха ты многое уже рассказала, только всё не такое, что поможет его найти.

Наблюдатель отвечает уже спокойно. Отвратительно спокойно:

— Ну и что всё это доказывает?

— Да, все улики косвенные. Когда найдутся прямые, поздно будет! Потому что тебя уже убьют, дурак!

Надо бы и мне потише. Наблюдатель жмурится:

— Сейчас не дурак, а, наверное, всё-таки дура. Я за тобою не поспеваю. Объясни.

Ну, я и объяснила всё, что можно. Про старое и новое и про то, куда деваются враги дома Конопля. И даже не враги, а так — наглядные пособия.

Пересмешница, наконец, складывает два и три.

— Да, — говорит. — Это мои были письма. И господину смотрителю, и другим.

— Но зачем? Нашла о чём переписываться с молодым кавалером!

Так грустно смотрит. Что, я опять ничего не поняла?

— С каждым человеком надо разговаривать о том, что ему важно. Иначе на что я ему?

С Канадакэ о переменах в державе. С госпожой Наммой — о книгах. Со мной — о сыскных делах. Как же так жить-то можно?

— А тебе самой что важно? Или самому, как бишь тебя...

— В том-то и дело. То, что важно вам. Другьям. Людям, важным для меня.

— Хорошо, — отвечаю. — Мне сейчас важно, чтобы это дело поскорее закончилось. И чтобы больше никого не убили.

— И что мне надо для этого сделать?

— Письма этого монаха где по Столице хранятся? И

к нему?

— Те, что к господину Канадакэ, у господина следователя, как я понимаю. У меня писем ничьих нет, мне их хранить негде. Да и незачем. А к другим — к ним Каннити о другом писал. Или вообще не Каннити...

— Вот это и значит быть пересмешницей? Своего голоса нет, только чужие?

Улыбается:

— Они уже не чужие.

Это в самом деле какое-то монашеское подвижничество. Или высшая степень мирской добродетели: начисто отказаться от себя, жить только другими людьми?

— И всё-таки: почему так?

— Тут два ответа. Один простой: при моей-то внешности... Барышня ростом с Государева знаменосца, ручищи, ножищи... Ни замуж, ни на службу не пойдёшь. Разве что на временную должность, как сейчас. И в подруги тоже не годится: ни кавалеру, ни даме, никому, кто обладает сколько-нибудь изящным вкусом. Остаётся переписка. И иногда — увлекательные беседы через занавес. Если очень повезёт — то вот как с тобой.

— Знаешь, если так, то у меня вкус дурной. Да и ежели на себя посмотреть... Со мной-то тоже дело иметь — надо быть большим любителем мелких арбузиков. Ядовитых.

— Так я же от тебя и не прячусь.

— А сложный ответ?

— Это, Белка, я лучше когда-нибудь потом расскажу. И не здесь. Это тоже... Семейное, как у вас в Конопляном доме.

Допытываться я не буду. «Потом» — это мне нравится. И если господин Хатидзэ не врёт в своих чувствительных письмах и правда собирается ко мне вернуться — тогда сегодня ему очень повезло...

* * *

Господин Намма, следователь Полотняного

приказа

Погоня

(тринадцатый день седьмого месяца)

Малый по прозвищу Селезень ждёт среднего советника в усадьбе. Доложить об успехах, пока тот будет обедать.

— Я тут потолковал со старыми знакомыми... Из города ж выход не только через заставы с подорожными. Есть лазейки, если кто не брезгливый. И как раз после той ночи, когда гонца податного зарезали, двое ребят пытались договориться насчёт этого дела. И вот ведь как выходит: тот большой начальник, под кем гонец служил, не то чтоб очень берёг-то его.

— В каком смысле?

— Людей своих Сандзё приставил ту усадьбу сторожить. Но — самых завалящих. Не домашних слуг, а кого из милости взял. Всего трое получается тех, кто за недосмотр отвечает. То есть за убийство. Первый уже у тебя. И эти двое ещё.

— Кто они? Что значит «из милости»?

— Беглые. Из войска. Они года два назад носилки грузовые уронили в пропасть. С казённым припасом. Хотели будто бы следом кинуться, да передумали. До самой столицы добрались, тут-то господин Сандзё их и сцапал. Хоть в общем-то это и не его дело. Кабы в тех носилках налоговый сбор был — тогда конечно... Ну, говорит: на немирном рубеже от вас, дураков, вреда больше, чем толку, останетесь пока здесь. Жили при нём, носилки таскали, ежели не с кем важным. Но как были растяпы, так, видать, и остались. Гонца не усторожили, бежать из города хотят, гостинец суют. А как учтиво говорить с таким человеком — ну, кто по лазейкам старший, — не знают. Не выпустили их. Они и говорят: ладно, господину пойдём повинимся. Один раз простил, может, и опять помилует.

— На немирном рубеже, говоришь?

— Да толку, я так понял, и тут не вышло. Но, может,

они хоть приметыв называют, убийц-то? Им из города теперь ходу нет, разве что законным путём...

Не доевши, господин Намма срочно отправился обратно в Приказ.

«Двое слуг из усадьбы Сандзё вышли в Конюшенные ворота, бумаги в порядке. Возвращаюсь на своё место.»

Сообщает приказный соглядатай, смотревший за тем, как заместитель главы Податной палаты соблюдает затворничество. Для кого господин Сандзё запросил лошадей — надо выяснить. Человек из Приказа направляется к Конюшням, за городскую стену.

Прибегает очень скоро, докладывает:

— Взяли коней для себя, в город не возвращались, поехали к Восточным холмам.

Придётся догонять. Для Полотняных лошади должны быть наготове в любой день и час, вне всякой очереди.

Плохо то, что в седло следователь Намма садился в последний раз несколько лет назад. Ещё младшим советником, в разъездах по стране. Да и тогда обошёлся бы, наверное, возком и хорошим волом, если бы не Хокума. Хотелось удаль показать перед родичем и подчинённым... Тот-то наездник был отличный.

Конюшенные подтверждают: да, двое людей с грамотой от Податной палаты, печать заместителя главы. Подорожная выписана в Перевальный край, какая-то налоговая проверка. Видимо, дело срочное: пришли в домашнем платье, в служебное переоделись уже тут, да и клади с собою немного. Сменных лошадей им, конечно, не положено до следующей заставы.

Внешность конюшие тоже описали, но это даже не так важно. Главное: не позднее чем через час прибыл сам начальник тюрьмы, из того же ведомства, с тремя подручными. Расспросил об этих же гонцах — и пустился вслед в великой поспешности. Что ж они такого забыть-то могли, что такой господин

обеспокоился? А теперь ещё и Полотняный приказ...

Разъяснений следователь, конечно, давать не стал, взгромоздился в седло, махнул охране и двинулся следом. Стыд и срам: ближайšie столичные окрестности, и с виду дорога неплоха, а вот на ощупь... Особенно рысью.

Государева дорога идёт по насыпи между полей, сейчас уже сухих, уставленных рыжими снопами. А дальше по обе стороны — холмы. Волнами, одна гряда за другой. И на каждом гребне либо храмовая башенка, либо ворота святилища за деревьями. К северу холмы поднимаются круче, вдали видна синяя на ясном небе покатая вершина горы Эй. К её подножию дорога и выводит, к берегу Озера, к заставе Озёрной земли. Оттуда — можно ехать дальше по дороге, по южному берегу, можно объезжать озеро с севера, а можно пересечь на лодку. До этого распутия надо гонцов нагнать.

Но ещё задолго до заставы средний советник видит всадника, скачущего навстречу. Знакомого: это он сопровождал Такэситу, а потом отмалчивался в Приказе. На этот раз — остановил коня, машет:

— Удачно вышло, господин следователь! Меня господин как раз к тебе отправил. Вот от него весточка.

«Нашёл тех предателей, воеводиных людей — в собственном доме. Упустил. Преследую. Постараюсь доставить».

Дальше!

За поворотом — дорога пуста, справа от неё хромает и жалобно ржёт лошадь в казённой сбруе. На буром поле в грязи поодаль — лежит человек. Следователь осторожно подъезжает по комьям, кочкам и жиже. Молодой ещё парень, крепкий, рослый. И мёртвый — шея сломана. Похоже, перелетел через голову коня.

Оставив одного из охранников возле тела, Намма возвращается на дорогу, смотрит сверху. По полю — след, и видно, чей: вдалеке три всадника гонятся за

одним. Беглец — наездник никудышный, его мотает туда-сюда, но в седле держится. Из погони двое, однако, отстали, едут осторожно. Третий скачет сломя голову, должен догнать. В зелёном. Неожиданно он отпускает поводья, поднимает лук, вытаскивает из-за плеча стрелу.

— Стой! — кричит средний советник. Зачем калечить казённую лошадь — можно догнать, вышибить из седла...

Тот не слышит — сам кричит что-то, кажется, тоже «стой!» Натягивает тетиву. Спускает. Беглец заваливается вперёд, теряет стремя. Падает в грязь.

Следователь Намма снова сворачивает с дороги. Едет по полю. Без спешки — не хватало ещё самому шею сломать. Слышно, как за спиной хлюпают копыта лошадей охраны.

Господин Сандзё-младший лук уже опустил, наклонившись с седла, смотрит на упавшего. Его люди рядом, один спешился, посмотрел поближе. Выпрямился, махнул рукой: всё.

— Это они, — говорит Сандзё хрипло, но радостно. — Убийцы. Я потом объясню, как...

— Тебе много потом придётся объяснять, — говорит следователь хмуро. — Лук-то убери.

Начальник тюрьмы слушается, продолжает что-то говорить, потом в изумлении замолкает. Видит, как Полотняный чиновник грузно слезает с лошади, кидает поводья охраннику. Подбрав полы, подходит к мертвецу — и опускается в грязь рядом с ним. Шарит по телу.

— Скверна же, — охает спутник господина Сандзё.

Намма поднимается с узким свитком в руке. Подаёт знак охране, которая оттесняет троих остальных. Разворачивает свиток. Читает.

Сандзё подаёт назад. Примеривается стрелять, если что?

Их тут трое против троих. Следователь — без

оружия, у охранников сабли, у Податных тоже сабли.

— Не валяйте дурака, — устало говорит Намма. — Поздно. Дело ведёт Конопляный дом.

Был бы Государев сыск, тогда бы они, может, и не сдались. Дому Асано не отказывают.

* * *

*Старший советник Сандзё, заместитель главы
Податной палаты — воеводе Восточных рубежей*

С нарочным

Когда в доме пожар — не осудят покинувшего дом необутым; когда наступление бедствия очевидно — допустимо опустить предисловия.

Обстоятельства, сложившиеся на вверенном тебе рубеже, дошли до Дворца. В том есть и моя оплошность, и где один пёс залаял — там и с других дворов откликнутся. Но державные решения искони принимаются согласно обычаям и установлениям, так что время ещё есть. Пока отправят чиновников для проверки, пока те составят и представят отчёты, пока прибудет гонец с предписанием прибыть в Столицу с повинной — увещевай людей, седлай коней, распределяй стрелы по колчанам. Посягать на Пять Столиц — преступно в глазах людей и богов; но твой край да останется твоим, ты признан обитателями восточных гор и морей. Верю в твою удачу, уповаю на твой успех — а равных тебе полководцев нет в Облачной стране.

Обо мне не печалься — я погиб; меня не ищи — в известных тебе краях меня уже нет. Если выживу — увидимся в должный час; если нет — мы помним, что связующие друзей узы нерасторжимы в течении пяти перерождений.

Ты был прав, не спеша обзаводиться потомством — признаю в скорби.

Спасибо за яблоки — ничего не пробовал вкуснее!
Прощай навсегда, и до встречи!

Писано в тринадцатый день седьмого месяца

первого года нового царствования

* * *

Перестарались

(тот же день)

Следователь Намма свёртывает письмо, убирает за пазуху.

— Возвращаемся в город. Ты, — велит одному из приказных, — выкликни здешних поселян посторожить убитых. И пусть кто-нибудь из них в Моровое святилище бежит за телегой и за похоронщиками.

Сандзё-младший пока молчит. Один из его людей спрашивает: а нам куда?

Отвечает ему Намма:

— Я же сказал, все едем в город. Господин смотритель Податной тюрьмы оказал ценную услугу расследованию. Перехвачено изменниче послание. Будем разбираться.

Второй челядинец Сандзё с облегчением выдыхает, засовывает саблю за пояс. Драться с Полотняными не пришлось. Из-за насыпи выглядывают уже какие-то любопытные головы в деревенских платках. Управиться без свидетелей в Облачной стране равно невозможно и в Столице, и в сельской округе.

Средний советник залезает в седло, направляет коня к дороге. Сандзё смотрит ему в спину — и бросает дорогой восточный лук прямо в грязь. Люди подберут. Мрачно вдевает ногу в стремя.

По дороге он спрашивает у следователя:

— Могу ли я ещё что-то сделать для своей семьи?

— Всё ты уже сделал. Проходи очищение, потом с тобой будет говорить глава Приказа.

— Отец...

— Насчёт него теперь не мне решать. Но в общем тут — полное признание. А эти... Они хоть на самом деле убийцами были?

— Были, — уверенно кивает младший советник. — Только отец им ничего такого не приказывал. Он велел

доставить к нему Канадакэ — срочно и тихо. Думал сказать будущему родичу, что — нельзя так.... И представил бы доклад, только совсем другой. А они... перестарались. Бестолочь, вояки беглые, гостинец от Восточного воеводы! Сами потом перепугались, прятались — а отец их опять простил. Он ведь добрый человек, господин следователь.

Может, и не врёт. Хороший подход: добрый, доверчивый Сандзё-старший подпал под дурное влияние друга своего, мятежного воеводы. Бесспорно, виновен, но заслуживает снисхождения. Принимать ли эти доводы — пусть решает глава Приказа, а задача Наммы — не дать доброму старику выкинуть ещё какую-нибудь опасную глупость.

Святылища для очищения есть по обе стороны реки. Намма идёт к жрецу, просит о срочном обряде. А смотрителя тюрьмы с его людьми оставляет здесь же под присмотром, до особого распоряжения.

Очистившись, спешит во Дворец. Господина Асано на месте уже нет, время позднее. Намма пишет отчёт, отправляет с рассыльным на дом к начальнику. Сам отправляется нарушать затворничество господина Податного заместителя.

Не задержание, не допрос, никаких указаний главы Приказа Намма нарушать не собирается. Просто сесть и занять старшего Сандзё беседой. Пока за ним не придут.

У самых дворцовых ворот Намму окликают из носилок. Подол из-под занавески виден: ярко-красный.

Царевна-жрица требует следователя к себе, немедленно.

* * *

Госпожа Хатидзё, урожденная Намма

Пятицветные

(Тринадцатый день седьмого месяца)

И утро ясное, и поели как следует, и дамы готовы работать — а сестрица что-то расхныкалась. И ничем её не успокоишь. Живот в порядке, жара нет... Если ходить с нею взад-вперед, она помалкивает, но тогда мы мешаем сочинительницам. А стоит сесть — опять: «И-ии!»

Мачеха уже места себе не находит — и за сестрицу беспокоится, и перед остальными неловко... Наконец, Третья Застава решительно указывает веером:

— Шли бы вы в сад. Погуляйте. А то дитяти дышать круглые сутки курениями — нездорово.

А я уже к этим благовониям привыкла, не замечаю.

Сколько здесь садов — я так и не знаю, но помню: если с нашего Грозового двора выйти и повернуть налево, там за другим двором — небольшой садик. Посредине пруд с островком, по краям деревья, между прудом и деревьями — дорожка. Можно гулять и не плакать. Хотя уже и осень начинается, тепло, тени от листьев бегают.

Уже задремали, молчим, никого не тревожим. Я пытаюсь сопоставить всё, что накануне выяснила. И вдруг из-за спины — шипение! Шарахнулась, оглянулась — а там государевы скороходы, в полном наряде и страшные рожи строят, даже пудра осыпается. Ну, падать ниц с младенцем на руках я уже приноровилась. Хотя на полах в чертоге это удобнее, чем тут, где за подол что-то цепляется.

Вроде обошлось: скороходы нас миновали, потом ещё какие-то шелка прошуршали, авось, скоро можно будет и встать. Сестрица, конечно, проснулась, заворочалась, сейчас заорёт. И тут слышу: кто-то прямо возле нас остановился. Перед собой на земле вижу только длинный хвост нарядного платья, и то не весь. Такой расцветки я прежде не видела: зелёная, красная, белая ткань слоями, а ещё черная, жёлтая... Ой! А ведь такое никому нельзя носить, кроме...

— Идём же, — окликает молодой, звонкий голос. Совсем изблизи. Но это точно не нам.

Другой голосок, тоненький, ещё моложе и ещё ближе, возражает:

— Я хочу посмотреть. Там ребёночек!

И уже мне:

— Ну покажи!

Немного распрямлюсь, не поднимая головы. Барышня Намма, если чей запретный лик увидит, всё равно пока не запомнит.

— На что тебе? — досадливо спрашивает первый голос.

— Смотри, какой он славный! Красненький!

— Это не он, а она. И потом, дети — не затем, чтоб их разглядывали.

Нельзя не согласиться. Хотя я бы не поняла на глаз, мальчик или девочка, когда младенец завёрнут в одеяло по самый нос. Даже батюшка, наверно, не определил бы так сразу.

— Хоро-ошая! — продолжает голосок. — Чья это девочка?

Дочь среднего советника Наммы, — отвечают почтительным шёпотом откуда-то сзади. Находится в Облачных чертогах вместе с матерью и няней по распоряжению Государыни-матери.

— А ты мать или няня?

Тут уже приходится отвечать:

— Сестра, с дозволения высокой госпожи. И я же няня.

Барышня Намма строит рожу: щурится и губами перебирает:

— Б-ббб-е!

— Хорошо, когда сёстры есть, — молвит голосок.

И обращается к кому-то из свитских:

— Прелестное дитя. Напомните мне о ней... Лет через десять.

— Пойдём, — торопит её спутник. — Пока дождя нет.

Какой дождь? Солнечно и даже жарко, почти как летом.

Изволили удалиться. Но я всё-таки краем глаза вслед погляжу.

Государыня-супруга — совсем маленькая. И не скажешь, что ей уже одиннадцатый год. Тот, кого точно не подобает рассматривать, — на две головы её выше, даже не считая шапки, и тоже — в пятицветном платье. Стройный, быстрый, но старается приноровиться к шагу супруги. Заботливый, значит.

Дама из самого хвоста свиты оглядывается на нас, машет рукавом: ступайте, мол! Чтоб на следующем круге вас тут не было! Пруд-то невелик, шествие уже за него заворачивает, того и гляди скороходы опять возле нас будут. Так что мы поспешно возвращаемся к Грозовому покою.

Хорошо идёт

(тот же день)

Пообедав, сестрица спит. Больше нас не прогоняют. Сочинительницам вообще не до того. Даже что мы Государя встретили, госпожу Намму не потрясло.

— Тут такие дела! — говорит. — Нашего посла в Кударе захватили неизвестные злодеи. И посадили в земляную тюрьму.

— В яму? — спрашиваю.

— Нет. У них так дома строят, из глины и земли.

Дикие всё-таки люди... Посла — в землянку!

— А он что?

— Да что же тут можно сделать... Сейчас посмотрим, что у Метели вышло.

Ясеня семя,

Ветрами несомое,

Канет ли в землю —

Или на камне сухом

Сгинуть ему суждено?

— Так сложил и рукоятью веера начертал на стене темницы.

По-моему, хорошо получилось. Во всяком случае, ничего женского в этих стихах не заметно.

Мачеха подхватывает:

— Той же ночью в час Тигра дочь царя Кудары пробудилась в своём тереме и так молвила постельницей девушке: дивное мне привиделось. Будто приблизился ко мне некто, и от одежд его чуялся запах моря. Он подал знак идти за ним, я пошла по городу и пришла к незнакомому дому. Провожатый мой указал на стену, и на ней проступили письма непонятными знаками. «Сверши моё дело», сказал он, и я проснулась. Думается, что отцу моему царю следует об этом знать.

Третья Застава продолжает:

— Дошло до государя, и тот решил: не подобает пренебрегать знаменьями в тревожную годину! Пусть верные люди обойдут столицу и сыщут ту надпись. Так и сделали, но знаков нигде не обрели. Тогда третий конюший царя Кудары сказал: не пристало нам воротиться, не выполнив указанного. Все стены осмотрели мы снаружи — теперь же оглядим и изнутри. И когда царские посланцы дошли до узилища, где томился посол Облачной державы, не смогли не отомкнуть перед ними дверей. И увидели они строки, начертанные на стене. Третий конюший спросил: что здесь написано? Господин же посол с поклоном отвечал: о том я готов поведать лишь государю этой страны.

Барышня Метель тоже вступает:

— Злодеи же начали убеждать царских посланцев, что никак не возможно вести чужеземца во дворец. И возводили на него многие клеветы: якобы он заморский соглядатай и пособник беглых смутьянов. Третий конюший, однако, отмолвил: я завершу начатое! И так все они, и среди них господин посол, отправились к царю.

— А понятно ли уже, кто был во сне?

— Каннон, заступница узников и мореходов. Кому ж ещё быть?

— А что царевна это поняла, надо сказать?

— Потом, — говорит мачеха. — Когда она будет

толковать с отцом о чужеземце.

Хорошо у них сегодня идёт. Сочиняют сразу под запись, ни на что не отвлекаются.

А тот, о ком не смею упоминать, конечно, не ошибся. Дождь уже капает.

В этот раз сочинительницы засиделись дольше обычного, потому что мачеха, в смысле посол, говорил речь перед царём. О том, что тот старый сановник на самом деле державе Кударской предан и никакие личные соображения и обиды тому не помеха. Очень длинная речь, но Третью Заставу она не вполне убедила. Так что царь всё сомневался, и тогда посол сам вызвался: пусть ему назначат испытания, какие царь пожелает, для свидетельства его слов! Придумать испытания с ходу Рассветная госпожа не смогла, так что отложили продолжение на завтра. Теперь мачеха всю ночь волноваться будет: что-то назначат?

С Пересмешницей сегодня переговорить не удалось. А едва мы вернулись к себе — глядь, на полу новая лакированная скамеечка, а на ней — целый короб сладких тянучек! По цветам и узорам короба видно: от молодой государыни для барышни Наммы! Той, конечно, тянучек ещё никак нельзя, но не принять же невозможно! Так что мы с мачехой сидим и едим, сидим и едим... А по крыше льёт всё сильнее.

* * *

Господин Намма, следователь Полотняного приказа

Занавес

(тот же день)

Неуютно себя чувствуешь в зеленом должностном платье посреди красного чертога. Как лист в корзине с мандаринами: ненужное сорное пятно.

Под потолком лакированная жердь, с неё свисает занавес — ярко-красный. В его сторону и следует кланяться.

— В каком виде у тебя сейчас дело Сандзё?

Голос самой Царевны-жрицы. Средний советник Намма её, разумеется, никогда не слышал, но ошибиться тут трудно.

— Сбор улик закончен, они на рассмотрении у главы Приказа.

— Я сейчас не Наричуну спрашиваю, а тебя, Садамити.

Асано Наричуна: так господин главный советник будет зваться на поминальной доске и в Государевой летописи. Жутко слышать, как тебя окликают по имени, но ещё жутче — когда звучит имя старшего родича и начальника.

— Три месяца назад в порубежный край восточнее Заперевалья Податная палата направила разъездного смотрителя...

Жрица почти не перебывает, только дважды уточняет: сколько дней, по расчёту следователя, Канадакэ затратил на обратный путь, и установлено ли, к каким общинам были приписаны сегодняшние погибшие. Какую часть того, что рассказывает Намма, Царевна уже знает, непонятно. Но, кажется, немалую.

Следователь договорил. Жрица помолчала. Потом молвила:

— Ясно. И что вы собираетесь делать дальше?

«Мы» — полотняные? Или мы — Конопляный дом?

— Я не вижу другого пути, как немедленно задержать главного советника Сандзё. Подстрекательство к мятежу несомненно. Почерк и печать на письме его.

Показалось или нет: там, за занавесом, вздохнули. Говорят:

— Подстрекательство к мятежу — ещё не мятеж. Мятеж начнётся, когда воевода узнает, что его друг схвачен. Ты ведь должен уже понимать, кто эти двое друг другу. У воеводы не будет другого выхода. Скорее изменит державе, чем другу.

Странно сказано. Обычно говорят об измене

Государю, а не державе.

— Недопустимое поведение главного советника не может остаться безнаказанным.

Следователь говорит твёрдо и уверенно. Хотя прекрасно понимает: может, ещё как может. Если за делом Сандзё столь пристально следят на самом верху, значит — заступники уже нашлись, и влиятельные.

Может быть, Намма неправильно меряет вес служилых людей при дворе. И на самом деле оба Сандзё давно уже — всего лишь родичи юной дамы, одарённой сочинительницы. Ибо повести пишутся на века...

— Безнаказанным? — откликается жрица из-за занавеса. — Он погубил любимого подчинённого, порвал с сыном, подвёл друга. Всё это разве лучше ссылки? Ты сам — что предпочёл бы?

Следователь знает, что он выбрал бы. Но тем труднее ему сдерживать совершенно непозволительную злость:

— Если преступник сам не рад своим деяниям, это не делает его невиновным.

Красный занавес дёргается, лаковая жердь крутится, полотнище рывками ползёт вверх. Падая ниц, Намма успевает заметить, как поднимается на ноги Царевна-жрица.

Но голос у неё не гневный — снисходительный:

— Ты же понимаешь, что дело вовсе не в Сандзё. Дело в Государе. Двадцать лет Облачные земли жили без Властителя. Теперь Властитель — есть.

И что на это должен отвечать чиновник Полотняного приказа? Почти все эти двадцать лет Намма состоял на Государевой службе. И по большей части провёл их в разъездах по этим самым землям, если не считать последних двух лет.

— Мой отец — был Государем, — продолжает Царевна. — Мой брат не был. И не мог быть. Тут ведь ни рода недостаточно, ни обряда.

Слышал бы это старый господин Асано...

— Новый Властитель своего прадеда не видел. Для

него вокруг — люди его отца. А своих мальчик ещё не вырастил. Если сейчас начнут бунтовать лучшие из служилых стариков — Государь их сметёт вместе с худшими. Останется в одиночестве. А так быть не должно. Никто не может быть Властителем Земель — один.

И при чём тут следователь Намма? Это дело для Государственного совета, а не для среднего советника. Ему такое и слышать-то не положено.

Самому вычислять, молча — тоже нельзя. А ведь вычислял, и совсем недавно.

— А не узнать о мятеже, — добавляет Царевна, — Государь не может. Это уже его земля.

Выходит, так. Подозрения были напрасны: умозрительный монах Каннити не был тайным смутьяном и не работал на Полотняных. Он в умы молодёжи сеял зёрна новой нашей благонамеренности. Что прежнее правление было дурно, но нынче стало лучше. Или скоро станет, при деятельном соучастии всех подданных.

А Государь-то об этом знает? Не может не знать. Это его земли.

— Что же мне следует делать, госпожа жрица?

Сейчас ответит: не путаться под ногами у старших.

— Как «что»? Служить своему Государю.

Взмахнула красным рукавом, отвернулась. За спиною у Наммы отодвинули дверную створку.

Наводнение

(тот же день)

Что бы предпочёл. Загубил родича, друга и младшего сослуживца, без малого год тому назад. Недосмотрел. Просил отставки — не дали отставки. И чем лучше сыщик Намма преступного Сандзё?

Дворцовый мелкий песок разлетается под дождевыми каплями. От туч темно, словно уже сумерки. И в Приказе сидит один дневальный: Асано, конечно, нет.

Средний советник Намма тоже там не останется. Пойдёт в город.

Преступник. В чём преступление? Послал за будущим зятем двоих непроверенных людей. А те перестарались. Точно так же могли сплеховать и самые верные служилые. Никогда не знаешь, с какой силой чиновник будет отбиваться. Не воин, к дракам не привычен... Сандзё не хотел смерти этому поэту. Тут его сын не врёт.

Тогда в чём вина? Письмо. Подымай мятеж, говорит он другу, и ставит в конце послания свою должностную печать. Прощай навсегда, — пишет дальше, — авось увидимся. Сын по-семейному не замечает, всё числит батюшку в здравом уме, но если в слова вчитаться — виден расстроенный рассудок. Уж от чего бы там ни было: от нелепой гибели Канадакэ, от недавнего Государева отречения, от страха — мало ли причин у Податного чиновника рехнуться... Но выбор-то не в том, сошлют подстрекателя или запрут безумца в дальних покоях. Его оставят на должности: вторым, а по сути первым лицом в одной из палат. Или при настоящих государях так и надо?

Чтобы и дальше казенные гонцы ездили к личным друзьям начальства. Чтобы составлялись доклады, обречённые на уничтожение. А по ведомственным тюрьмам сидели ценные люди, такие, кого прячут от других палат и приказов. А расследование вели люди вроде Селезня.

А руководили ими кукольные Полотняные чиновники по указке жрецов?

Господину Намме сказали, что ему делать: служить Государю. Настоящему, не настоящему — это не ему различать. Его дело — знать, какой сыщик игрушечный, а какой — живой. И какой чиновник соблюдает закон, а какой — злостно нарушает.

И он это знает, раз идёт под дождём прямо к усадьбе Сандзё.

Ещё издали Намма видит: приказные соглядатаи в

открытую ждут его. За сотню саженой уже падают в ноги. Так покаянно, что уже всё ясно.

— Ушёл? Давно?

— Не более стражи назад. Раньше — никак не мог. Виноваты...

— Коня!

Коня, конечно, нашли не сразу. А когда привели, следовательно Намма сразу почувствовал, что две поездки в один день — это ему уже не по годам. Но не пешком же преследовать, не в повозке — тем более что дождь всё сильнее, дороги вот-вот раскиснут так, что любые колёса увязнут. И, в конце концов, сам главный советник Сандзё наверняка не садился в седло не два года, а лет двадцать...

Хорошо, что пока бегали за лошадьми, Намма прервал показания своих соглядатаев и разослал их к воротам: не проезжал ли там податной начальник? Мог и миновать, наученный чужим горьким опытом. Но нет: стража у Восточных ворот его видела. Обратила внимание на то, что господин едет без свиты, без обоза и не в казённом платье. Хотя и с грамотой из палаты — за собственной его подписью.

На мосту не слышно даже стука от копыт — за грохотом дождя и рёвом воды в реке. Оба береговые откоса уже скрылись, от очистительного приречного святилища видны только верхние перекладины ворот. Настоящее наводнение, внезапное, как всегда в Столице.

Хоть в воротах мешкать не пришлось. Стражник вытянул шею из-под крыши, разглядел, кто едет, — даёт отмашку.

Та же дорога, что утром. Только тогда светло было, а сейчас за ливнем ничего не видать на три шага вперёд. И, конечно, двигаться приходится шагом. К счастью: иначе бы так и врезались в повозку, действительно увязшую в грязи. Волы жалобно мычат, приказные бранятся, мужики у телеги, не успев плюхнуться на колени, голосят:

— Осторожно, господа! Скверну везём!

На телеге — и впрямь мертвецы. Знакомые, утренние. За ними должны были из Морового храма прибыть — да, видно, почуяли, что могут оказаться нужнее в городе.

— Ну, мы и подумали, — тянет мужик, — не ночевать же этим в деревне? Повезли сами — а пути-то уж и нету! Да ещё встречные скачут... вы-то, господа, хоть бережно едете, а иные — как на охоте!

— Кто — иные?

— Да тоже какой-то барин, один, не понять, из какого ведомства. Для гонца стар, для паломника — резков больно. Чуть не врезался, глянул — начал допытываться: откуда да куда мы этих везём...

— А вы?

— А нам же молчать приказа не было. Так всё по-правде и сказали: это сегодня податные да ваши, полотняные господа тут гонялись и стреляли — не иначе, по злоумышленникам! Барин плюнул, развернулся, прочь поскакал. А мы что, виноваты, что мы теперь — дурная встреча? Сами вот...

— Куда? Куда он развернулся? — свешивается с седла следователь. — Обрато в город?

— Да вроде как нет. Северней брал. Видать, к Облачной обители...

Следователь со спутниками разворачиваются осторожно, чтоб не соскользнуть с дорожной насыпи.

— Теперь гнать уж ни к чему, — замечает один из приказных, — если успел переправиться — небось, уже и обрит. А если нет — значит, у брода застрял, там и возьмём.

До брода добирались едва ли не час. Дождь не унимается, реку издалека слышно. Чиновничье платье на среднем советнике весит уже как хороший доспех. И, конечно, никаких фонарей. Да всё равно погасли бы.

Преследователи проехали бы меньше чем в перестреле от беглеца, не заметив его, если б конь голос не подал. Намма поворачивает, подъезжает

ближе, прочищая горло, чтоб объявить о задержании. Уже можно разглядеть большое чёрное пятно — человек взбирается на беспокойную лошадь. Лица не видно — только поля шляпы и потоки воды с них.

— Государево дело! — сипло кричит следователь.
— Едемте обратно в Столицу, господин главный советник. Пока проехать можно...

Шляпа резко дёргается, капли с неё летят наперерез небесным струям. Одинокий всадник вскидывает руку — нет, не с оружием, с плетью. Отчаянно заржав, конь под ним пытается встать на дыбы, скользит, с плеском обрушивает копыта туда, где несколько часов назад был брод.

— Да стой же! — совершенно забыв про учтивость кричит Намма. — Утонешь!

Прав был господин Асано: не умеет Намма задерживать старших по чину...

Следователь медленно подъезжает ближе к берегу, пытается разглядеть что-нибудь в чёрно-белом потоке. Приказный соглядатай столь же неучтиво хватает его лошадь под уздцы:

— Не оступиться бы, господин средний советник...

Следователь не отвечает, кричит ещё раз. Самого себя плохо слышно. Ветер в лицо. Приносит с реки крик коня, крик человека — равно невнятные. Ничего не видно.

Слева над ухом, совсем близко, раздаётся какое-то бубнение: приказный молится. Правильно, конечно. Только это уже вроде бы конец молитвы, и длинной. Сколько же мы тут так стоим, спрашивает себя господин Намма. Но криков больше не было. И ветер упал. И река гудит словно бы громче — но до копыт Намминого коня так и не дошла; значит, всё-таки недолго. А кости и мышцы болят — будто всю ночь в седле. Да и впрямь — уже светает, что ли?

— Дождь-то утихает, хвала богам. Авось обратно добраться сможем.

Действительно, утихает. Уже не гудит, а шелестит,

не бьёт, а вяло льётся редующими нитями. И теперь видно — это, конечно, не рассвет, а сумерки. Того же дня.

В реке ничего не видать. Зато уже можно различить другой берег: усталый гнедой конь понурился, переминается с ноги на ногу. Не уходит. Незачем уже.

Надо бы и впрямь попробовать вернуться. Но следовательно Намма направляет лошадь не на дорогу, а вдоль реки, вниз по течению. Без особой надежды.

Тело отнесло всего на полверсты. Выкинуло на берег — без шляпы, бурый куль смотрит в небо дочиста умытым морщинистым лицом. По жёлтым щекам стекают за уши последние капли дождя.

* * *

Госпожа Хатидзё, урожденная Намма

Бессонница

(четырнадцатый и последующие дни седьмого месяца)

Среди ночи за Метелью пришли, забрали её вместе со старой служанкой и со всеми вещами. А потом разожгли в их закутке новые курения. Сестрёнка, как всегда, начала чихать.

Значит, то, чего боялась барышня Сандзё, всё-таки случилось. Только мы не знаем, что.

Утром Пересмешница говорит:

— Отец её скончался. Теперь — траур в доме на три года.

Напрямую не спросишь: сам умер? Или убили?

— Скоропостижно? — уточняю.

Третья Застава раздражённо отвечает сквозь зубы:

— Китайщины всякой меньше читать надо. Бросился прямо на коне в реку, как праведный чиновник, наводнение унимать. Не жрец — а туда же...

Рассветная госпожа вообще сегодня не в себе. Что мы будем делать? Бросим повесть совсем? Сдадим, что

есть? Без стихов продолжать будем?

— Вы, главное, не торопитесь, — советует Пересмешница. — У красных там тоже заминка. Госпожа Царевна вчера спешно отбыла к себе в Речное святилище.

— Понятно, раз наводнение..

— Да, говорят, даже ещё немного раньше.

Перебираем, чего у нас не хватает. О возвращении посла на родину должно быть две главы самое меньшее. Но это бы ладно. Главное — вся любовь с кударской царской дочкой не разыграна и не записана. А там без Метели никак.

Уже ближе к вечеру Третью Заставу всё-таки вызвала Государыня. То есть госпожа Намма свободна, только непонятно, уезжаем мы уже или как.

Наутро Рассветная госпожа объявляет: продолжаем работу, сроки прежние, нам придают новую сотрудницу. Сейчас её привезут. У наших противниц будет замена, так что получается честно.

А кого нам-то?

— Бессонницу, — говорит Третья Застава без лишних пояснений.

Мачеха охает.

Вот спрашивается: придётся перекраивать всю повесть — под что? Выясняю у Пересмешницы подробности.

Госпожа Хоннэн единожды вдова, со вторым мужем в разъезде, собирается в третий брак. И всё это в возрасте двадцати трёх лет. Говорят, некрасива, но на редкость обаятельна, песни слагает с величайшей лёгкостью. С самого начала её не пригласили — как раз потому, что доброе имя её сомнительно. И в семейном смысле, и в стихотворческом. Да ещё потому, что она в родстве с Обезьяньим домом, то есть с устройтелем состязаний. Но теперь уж не приходится выбирать...

Привезли. Наряд на ней — точно домашнее платье, волосы растрёпаны, как со сна. И глаза такие, словно её

только что разбудили. Но с такими волосами — в полтора роста! — что угодно простится... Эх...

Мачеха с нею держится осторожно, Рассветная Госпожа — решительно: сразу изложила, очень коротко, что у нас уже есть, а что ещё нужно. Та в ответ:

— Вы мне только сразу всё не пересказывайте, а то я запутаюсь. Если песни нужны, то скажите только: кто их говорит или посылает, кому и когда. Ну, и если получится — то с какой страстью?

Третья Застава испытующе на неё глядит, произносит грозно:

— Облачный посол — заморской царевне, кударской. Испытывает к ней благодарность и сдерживается, чтобы не перейти должной грани. Она от него в восхищении. Время — середина осени.

Госпожа Бессонница чешет в затылке. Веером, как приличная дама.

— *Ээ... Даже оленю непросто удерживать трубные клики. Честь и желал бы воздать — да ведь неверно поймут!*

Наш наблюдатель несколько поперхнулся. Да нам-то не до смеха.

— Песня, бесспорно, мужская, — говорит Третья Застава. — Но не нагловато ли звучит?

— А что, наш посол — мужчина смиренный?

— К этому времени, пожалуй, уже нет, — молвит мачеха. — Его всё время неправильно понимают. Из одной тюрьмы в другую кочует...

— Ужас какой, — отзывается госпожа Хоннэн совершенно спокойно. — *Утром рососою покрыты узилища скорбные стены?*

Рассветная госпожа хмурится вопросительно. А та продолжает:

— *К вечеру слёзы мои ложе промочат насквозь!*

В общем, вопрос с песнями решён. Уже позже я набралась храбрости спросить Бессонницу: как это у неё получается так быстро стихи слагать? А она вдруг как покраснеет — вся, до багрового цвета, как у них в

Обезьяньем доме бывает:

— Только ты никому не говори, Белочка! Я их сочиняю больше, чем говорю. Сложу песню — а потом никак не могу найти подходящий случай прочесть, или послать, или ещё что. Вдруг опозорюсь, некстати выйдет? Вот они и копятя... А некоторые ведь и вовсе не скажешь — ну вот как эти, мужские, что только для повести можно... Кстати... а в этой земле Кударе коровы не разговаривают?

Коровьих песен нам, конечно, не понадобилось. Хоть вставляй новую главу — про встречу Волопаса и Ткачихи глазами его стада...

Кроме стихов, у Бессонницы больше ничего сочинять не получается — ни про события, ни описаний. Ну и ладно, это и Рассветная госпожа с мачехой управятся. Мачехе, по-моему, даже стало занятнее сочинять про господина посла с такими стихами, а у Третьей Заставы кударская царевна перестала выражаться в точности как царь.

Так что, может быть, и не совсем осраимся.

* * *

Просто сон

*Намма, следователь Полотняного приказа
(конец восьмого месяца)*

Прошли дни большого поминовения усопших. Полотняный приказ возобновил работу после перерыва. На среднем советнике Намме дел немного: два казнокрада да три самоуправца. У него даже затребовали писарей, сколько сможет выделить: основная нагрузка сейчас лежит на главном отделении Приказа, где готовят Государевы постановления. Господин Асано каждый день является на службу, каждую бумагу проверяет лично. Потому что Облачная держава приросла новой землёю. Скоро гонцы объявят это по всей стране, но в Столице и так уже все знают. Воевода Востока наконец умиротворил мятежный край, уже отозван ко двору для награждения. Говорят, на

Новый год назначат туда наместника и остальных чиновников. Пошла переписка между палатами, надобные согласования мер. А последнее слово — за Полотняным приказом.

Госпожа Намма, госпожа Хатидзё и барышня вернулись из Дворца. Несколько дней намекали, что там у них в повести получилось, — пересказывать нельзя, пока не зачитают пред Государем. А само состязание отсрочили — из-за наводнения в Столице, потом дни поминовения... Супруга следователя уже вся извелась. А дочка старшая неожиданно начала писать письма — одно за другим. Средний советник заглянул краем глаза: нет, к счастью — никакой крамолы. Хотя и не вполне понятно, с кем она, собственно, переписывается. Говорит — с подружкой...

Барышня за месяц от дома отвыкла, хныкала и строила Намме страшные рожи. Потом узнала, успокоилась и стала благостна. Главное — здорова! А что её якобы грозят, то бишь сулят взять ко двору — это ещё нескоро. За десять лет много что может измениться. Собственно, и так уже пошло меняться.

Глава Податной палаты, конечно, остался прежним. Заместителя пока назначили временного — чиновника в летах, деловитого и, кажется, от придворных козней далёкого. Почти полжизни служил в провинции. Получив назначение, он не замедлил лично связаться с господином Наммой и запросить, буде сие возможно, предварительные данные о столичных служащих собственной палаты. Проворнее иного юноши! Но, говорят, это только начало перемещений среди податных...

Господин Сандзё пребывает в трауре по отцу и временно не у дел. Поговаривают, что на зиму он с сестрою собирается удалиться в имение, дабы провести время в молитвах. Если правда — тем лучше, считает следователь Намма.

Отцу Сандзё, покойному главному советнику, так ничего и не было вменено в вину. Вода всё смыла.

Намма не ошибся: дело об измене предпочли замять. Только он не угадал, как это сделают. Уже открыто говорят, что Сандзё-старший пал жертвой собственного человеколюбия, спасая людей при наводнении. И ведь действительно — убытки большие, но почти никто не погиб. Сын господина Наммы, навестив бабушку, только об этом и говорил. Недоумевал, почему средний советник не только не воодушевляется, но и переводит разговор:

— Как подготовка к испытаниям-то идёт? Они уже на носу!

— Замечательно! Спасибо господину Гээнэ — в прошлом месяце трижды играл в шашки со вторым экзаменатором. Один раз выиграл, два проиграл, всё будет хорошо, ты не беспокойся!

Всё вроде и сейчас хорошо. Даже простуда — после того ливня — почти прошла. Только спится плохо.

... Сыщик Хокума сидел за писчим столом в саду. Одет по-домашнему, без шапки, волосы небрежно перехвачены верёвочкой. Простая конопляная веревка, подумал Намма, значит, мы по-прежнему родичи. Младшая родня дома Асано. Сад чужой: за спиной у сыщика виден был толстенный ствол какого-то незнакомого дерева.

Там была тоже осень, жёлтая листва на земле и плоды: разные, по цвету как персики и смоквы. Совсем не битые, крепкие. Яркий свет — и несильный, мерный дождик. Почему-то под ним тушь на грамотах у сыщика не размывалась. А земля сквозь палые листья блестела золотом, как на свитках.

Хокума — прежний: собранный, неутомимый, занят своим делом. Но поднял глаза. И поклонился, и снова взглянул. Приветливо, как на друга, и всё-таки снизу вверх. Всё ещё как на старшего. Как в лучшие времена в Полотняном приказе.

Что ему хотел сказать бывший начальник Намма: я не хотел губить тебя? Я тебя помню? Я виноват?

— Эти вины не нам считать, — вслух ответил Хокума.

— Где это ты? — не придумал Намма спросить ничего умнее.

— На службе, — пожал плечами, кивнул на свитки перед собой. — Ты не взыщи, но я всё о том же: последний срок приближается. Работы полно.

То есть он на небе, в подчинении у подвижника Мироку. Как и рассчитывал.

А бумаг действительно очень много. Теперь видно, что некоторые кучи опавших листьев — это на самом деле тоже исписанные грамоты. Жёлтые. Бессчётные.

— Успеешь? — с невольным беспокойством спросил Намма. Родич повёл плечом:

— Стараюсь. Но всё успеть никогда не получалось: ни разу. Сколько ни являлось в мир Просветлённых, всегда что-то оказывалось не готово.

— А как это? У вас ведь... По непреложному закону всё идёт, или я путаю?

— Да так же, как у вас. Должно по Закону, а получается по обстоятельствам. Но тоже как-то справляемся.

Хокума пододвинул к себе исписанный лист, взял кисть — и напоследок снова вскинул взгляд:

— Ты там не скучай. Я понимаю, без друзей одиноко. Но это уже — ненадолго.

И вернулся к работе, будто Наммы тут и нет.

Проснулся средний советник, кажется, от мысли: я-то сейчас где? На мужской половине дома, и это хорошо. Не надо бы, чтобы возле маленькой являлся покойник. Хоть и не призрак, а обретший новое благое рождение. Всё равно же скверна.

Мысль вторая: а пустят ли на службу. И на случай, если нет — какие записи затребовать из Приказа, чтобы дома не терять времени.

Собрался, пошёл во Дворец. Пустили. Значит, не видение было, а просто сон.

* * *

Назначение

*Господин Асано, глава Обрядовой палаты
(Примерно то же время)*

Весь в белом, овеваемый священными бумажными опахалами, старик Конопляник шествует к себе в Палату. Поднимается к воротам Дворца, но тут из толпы к нему бросается рослая монахиня.

— Ну, наконец-то! Ты — главный по всем храмам?

Одним небрежным движением губ прадед Государя останавливает охрану, что было бросилась ограждать и не пускать.

— Я. Излагай кратко. Руками не трогай.

Выслушав просительницу, движется дальше.

В приёмной Конопляника, кроме жрецов и служек, ожидает, весь в золотом, монах Арэн — настоятель обители Облачной рощи. Необходимо обсудить, как должно протекать обучение новопосвящённого монаха Унрина, бывшего государя — когда тот вернётся из паломничества.

Это будет долгий разговор. Так что прежде — мелкие текущие дела. Глава Палаты просматривает грамоты у себя на столике. Верхний лист — очередное послание некоего усердного монаха: о дальнейшем сближении закона Государева с Законом Просветлённого в Облачной державе. Второй и третий листы от него же и о том же, со ссылками на трактат его собственного сочинения. Дальше лежат запросы о розыске общинников, не найденных в храмовых списках.

— Доставили? — взглядывает Конопляник на служку у дверей. — Пусть войдёт.

Составителя посланий вводят. Бритый кланяется с заминкой. Монах не должен воздавать почестей правителю, ибо всё мирское исполнено страданий даже

и при самом благодетельном руководстве... Но то правитель, а здесь господин Асано.

А ничего этот бритый: не старый ещё, на вид здоровый, румяный. Хотя и зануда редкостный.

— По твоим докладам вынесено решение, — сообщает Асано с приветливою улыбкой.

— Не смею...

— Ты поедешь в ссылку. В Восточное порубежье, за Перевалы.

Несчастный еле вдохнул. Сейчас възрыдаёт.

— А перед тем получишь новое имя, — продолжает глава Палаты. — Будешь зваться...

— Но... За что?

— За недопустимые вольности в переписке. Будешь зваться Каннити. *Кан* как «созерцаю», *нити* как «солнце», раз ты на Восток отправляешься. Писать в Столицу в течение трёх лет тебе запрещено.

Не сумели найти монаха-крамольника? Ну и не беда. Назначим нового.

Бритый, услышав своё новое имя, в обморок не упал. Стало быть, не знает, и это хорошо. Только набычился, говорит:

— Повинуюсь.

И слышно: ужю вам! Все эти три года употреблю на подготовку следующего трактата...

— За Перевалами, — голос господина Асано всё так же ласков, — тебе предстоит основать новый поземельный храм. И занять в нём место настоятеля.

Не ждал? А нечего бумагу марать.

— Братию сам наберешь. Со всем тщанием. А по дороге...

Бритый соображает, что тут не так. За что честь и милость. Всё-таки настоятелем не любого сделают, да ещё с такими полномочиями!

— ...по дороге должен будешь пройти искушение. Тебе в провозатые назначена женщина.

Переглотнул. Но отзывается быстро, молодец:

— Последую за ней, как если бы то была сама

заступница Каннон.

— Не похожа, — поджимает губы Конопляник. — Впрочем, порою и Каннон принимает образ демона-расэцу... Для пользы дела.

Глава Палаты подаёт знак: ступай.

Но когда монах уже у порога, господин Асано даёт ему последнее напутствие:

— Ты не бойся. Край там изобильный. Какие птички, какие яблочки...

* * *

Пересмешница — Радужной Медузе в Западную столицу

(первый день девятого месяца)

... Умолчу о наводнении, о встрече высочайшего паломничества и о славе, осенившей воеводу Восточных рубежей. Всё это не идёт ни в какое сравнение с состязанием между дамами Государыни-матери и Царевны-жрицы!

Я, увы, будучи бездарна, могла лишь разносить тушь по покоям, отведённым для сочинительниц. И всё же — как радостно было первой слышать, пусть и урывками, новейшие повествования, впервые представляемые на суд мужчин! Из-за печальных обстоятельств ни одна из сторон не смогла уложиться в сроки, но судьи, явив снисхождение, предоставили дополнительное время. Нескончаемым было ожидание — но тем больший трепет овладел всеми нами, когда день чтений наступил.

Сочинительницы, помощницы и приглашённые дамы собрались в галереях по обеим сторонам большого южного покоя. Судили: господин Саруко, заместитель главы палаты Обрядов; учёнейший Хагивара, бывший наставник наследника; престарелый главный хранитель Государева книгохранилища — поэт, чьи песни не утратили благоухания за полвека; и — трепещи! — сам Восьмой царевич Оу во всём своём неувядаемом блеске. В глубине покоя устроен был

помост с пятицветным занавесом, что должно было обозначить высочайшее внимание к состязающимся.

Первой была оглашена «Повесть о Кударском даре». Все нашли чрезвычайно удачным сочетание звучного голоса и известного происхождения госпожи бывшей наместницы Рассветного края. Иные, конечно, сочли бы такой подбор излишне прямолинейным — но и само повествование было преисполнено внушительной прямооты, столь милой мужчинам. Наряд чтицы, из двенадцати одеяний, содержал переливы от снежного к цвету белого сандала, а сверху покрыт был накидкой в узор из пенных волн.

От дам Царевны-жрицы читала госпожа распорядительница Речного святилища — к удивлению некоторых слушателей: ведь эта дама была введена в состав участниц не изначально, но в ходе необходимых замен. Надо признать, что голос её был поистине сладкозвучен, особенно когда дело доходило до стихов. Сама же «Повесть о внештатном среднем советнике Сверчке» повергла в слёзы всех, кроме разве что самых бессердечных особ! (Не буду здесь их называть). Одежда, в багряно-алых тонах, была очень неплоха, а накидка с кленовым узором так просто изящна; однако гвоздичный отлив третьего платья ценители сочли неуместным в эту осеннюю пору. Куда больше подошёл бы оттенок вишнёвой камеди! — судачили дамы.

Поэтому, когда сановные судьи, посовещавшись, вынесли своё решение в пользу «Повести о Сверчке», не все оказались уверены в полной беспристрастности такого решения. Что же до сочинительниц Государыни-матери, их помощниц и подруг, то горе их казалось неутешным, а с рукавов струились потоки слёз. Самая же юная, не достигшая и годовалого возраста, не смогла сдержать — ничего! (Это дочь госпожи Наммы — той самой, которой сложена «Повесть о Плакучей Иве»).

Но тут раздался звон бронзового гонга, и глашатай объявил суждение Пребывающего-за-Занавесью. Всех

были потрясены: оказывается, Единственный Слушатель и в самом деле присутствовал на состязании! И сколь утешительно было внимать словам его глашатая, объявившего благосклонный отзыв на «Кударский дар»! Конечно, белые сочинительницы немедленно искренне возликовали!

Так или иначе, всем дамам, сочинявшим повести и слагавшим к ним песни, было пожаловано по тройному набору великолепных одеяний, и даже помощницы и растирательницы туши удостоились одинарного набора.

Должно быть ты, верная благородной строгости Запада, молвишь уже нетерпеливо: хватит о нарядах, когда же будет содержание повестей? Но жестоко было бы с моей стороны пересказывать их, коль скоро оба сочинения, переписанные на лучшей бумаге из Ямадо, ждут уже отправки с нарочным в Западную столицу. Поэтому позволь всё же: верхнее моё платье...

<lj-cut text="Читать дальше..."> </lj-cut>